

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Напреенко А.А. Социально-правовые ценности и национальная идея	9
Цветков А.А. Генезис теорий соотношения норм международного и внутри- государственного права	19

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Стаханова Е.Ю. Мотив и цель совершения конституционного деликта	27
--	----

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Воронина Е.И. Категория «личность» и ее значение для гражданских право- отношений.	34
Лисецкий С.К. Процесс ликвидации юридического лица как отражение дина- мики его правосубъектности	44
Максимкин Я.А. К вопросу о понятии секьюритизации в российском и зару- бежном гражданском праве	50
Рузанова Е.В. Гражданско-правовые обязательства: понятие и классификаци- онные критерии	59

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Чернова Н.А. Фрустрации и преступления	69
Шебаршов М.В. Легализация преступных доходов: основания криминализа- ции и правовая природа	74

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Петровская М.С. Использование педагогических и психологических знаний как обязательный элемент ювенальной юстиции в отечественном уголовном судопроизводстве	80
---	----

КРИМИНАЛИСТИКА

Олиндер Н.В. Следственные действия на первоначальном этапе расследова- ния преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем.	87
Шапошников А.Ю. Проблема обеспечения подлинности объектов, направле- мых для экспертного исследования: системный подход	92

СОБЫТИЯ

*К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне:
по материалам межвузовской научно-практической конференции
«70-я годовщина Великой Победы и достижения
современных гуманитарных наук» (29 мая 2015 г., СамГУ)*

Оспенников Ю.В. Память о Великой Отечественной войне в современной России	103
Давидян Ю.С. Вопросы гражданского процесса в период Великой Отечественной войны	108
Макиша А.С., Прокопенко А.А. Деятельность прокуратуры в годы Великой Отечественной войны	113
Савельев А.А. Правовое регулирование поставок по ленд-лизу	117
Хуртова А.С. Чрезвычайные правовые режимы в годы Великой Отечественной войны	120
<i>Сведения об авторах</i>	123
<i>Требования к оформлению статей</i>	127

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Napreenko A.A. Social and legal values and national idea	9
Tsvetkov A.A. Genesis of theories of correlation of norms of international and domestic law	19

CONSTITUTIONAL LAW

Stakhanova E.Yu. Motivation and purposes of constitutional delinquencies	27
---	----

CIVIL LAW

Voronina E.I. Category of «personality» and its meaning for civil matters	34
Lisetskiy S.K. Process of winding up legal body as the reflection of his legal personality	44
Maksimkin Ya.A. On the issue of securitization concept in Russian and foreign civil law	50
Ruzanova E.V. Civil legal obligations: concept and classification measures	59

CRIMINAL LAW

Chernova N.A. Frustrations and crimes	69
Shebarshov M.V. Legalization of criminal incomes: bases of criminalization and legal nature	74

CRIMINAL PROCESS

Petrovskaya M.S. Use of pedagogical and psychological knowledge as a required element of juvenile justice in domestic criminal proceedings	80
---	----

CRIMINALISTICS

Olinder N.V. Features of inquiries on preliminary investigations of crimes committed with use of electronic payment means and systems	87
Shaposhnikov A.Yu. Problem of ensuring the authenticity of objects sent for expert study: systematic approach	92

EVENTS

On the 70th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War: on the materials of Interacademic research and practice conference «70th anniversary of the Great Victory and achievements of modern humanitarian sciences»

Ospennikov Yu.V. Memory of the Great Patriotic War in modern Russia	103
Davidyan Yu.S. Issues of the civil process in the period of the Great Patriotic War	108
Makisha A.S., Prokopenko A.A. Activities of prosecutor's office during the Great Patriotic War	113
Saveliev A.A. Legal regulations of supplies on lend-lease	117
Khurtova A.S. Emergency legal regimes during the Great Patriotic War	120
<i>Information about the authors</i>	123
<i>Requirements to the design of articles</i>	127

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.111.57

*А.А. Напреенко**

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

В статье рассматриваются состояние социальных и социально-правовых ценностей в современной России и перспективы их развития; влияние ценностей на формирование национальной идеи, способной предотвратить социально-культурный раскол страны и объединить россиян на пути прогрессивного гармоничного развития. Раскрываются особенности проявления таких ценностей, как свобода и справедливость, в российском социуме.

Ключевые слова: социальные ценности, социально-правовые ценности, российское общество, национальная идея, свобода, справедливость.

Исходя из общеизвестных определений ценностей и их значения для отдельных людей, их общностей и социума в целом, отметим, что социально-правовые ценности — это те социальные ценности, которые так или иначе связаны с правом или даже закреплены в праве и существуют в тот или иной период генезиса общества и права, влияя на все стороны жизни людей, прямо или косвенно.

Очевидно, что в современной России социально-правовые ценности находятся в стадии становления ввиду того, что прежние ценности разрушены вслед за развалом советского государства, утратой старых мировоззренческих устоев и ведущей объединительной национальной идеи, которая формируется под влиянием ценностей.

На базе ценностей строятся взаимоотношения как внутри страны, так и вовне, во взаимодействии с другими странами. В настоящее время неустойчивость, «разброд и шатания» заметны во всех сферах и областях жизни российского социума. Государство делает попытки придать целенаправленность и упорядоченность развитию общества, предлагая те или иные объединительные идеи и ценности, которые могли бы сплотить народонаселение России. Но по разным причинам (включая и качество самих идей, и их воплощение) они не вдохновляют основную массу граждан.

* © Напреенко А.А., 2015

Напреенко Александр Александрович (tgp-ssu@yandex.ru), кафедра теории и истории государства и права; международного права, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Особую значимость для социума имеют гуманитарные (во благо людей) ценности. Это признается и государством, что выражается в конституционно-правовом закреплении так называемых базисных, фундаментальных, основных ценностей, предопределяющих характер социально-правовых отношений как внутри государства, так и за его пределами, в международных взаимосвязях.

Как правило, в общем виде такие ценности прописываются в Основных законах (Конституциях) демократических государств и в международно-правовых актах в виде принципов правового положения человека и гражданина, а также принципов обустройства страны и жизни людей. Соблюдение базовых ценностей позволяет обеспечивать прогрессивное развитие социума, действие их рассчитано на длительную временную перспективу. Реализация же базисных принципов осуществляется путем правового закрепления в текущем законодательстве и последующего практического соблюдения и обеспечения прав и свобод человека, гражданина и государства, их взаимных прав и обязанностей.

Действующая Конституция РФ закрепляет два вида ценностей (или два уровня их значимости): ценности, которые не могут быть изменены без изменения государственного или общественного строя России (они, таким образом, рассчитаны на длительную перспективу и стабильность социума), и ценности более подвижные, которые могут быть изменены (скорректированы) поправками, вносимыми в Конституцию РФ, в результате внесения которых невозможна утрата самобытности, уникальности и целостности государства и социума, социальной идентичности.

В силу столь значимой и важной нормоустанавливающей роли Конституции РФ очевидной становится ее собственная социально-правовая ценность как относительно стабильного документа, цементирующего государственные и общественные устои, закрепляющего и целостность социума как системно действующего и целенаправленно развивающегося социального организма. Конституция – это объективная социально-правовая ценность для общества, существующая независимо от того, насколько четко это осознается каждым отдельным человеком. Это ценность нематериальная, но весьма существенная. Социальная ценность права в целом для россиян неоднозначна. О ценности права люди судят по результатам его применения, действия и воздействия на их жизнь в аспекте справедливости, добра и зла (что свойственно для любой ценности).

Справедливость как ценностная ориентация должна в данном случае рассматриваться в специальном ее понимании, т. е. в виде законной правовой справедливости, исходя из того, что само право должно быть триединством свободы, формального права и уже заложенной в нем справедливости (понимаемой так или иначе в определенный исторический момент существования социума).

В наши дни ценность права для россиян недостаточно очевидна в силу того, что происходит отрыв реальной стороны жизни права от его формальной составляющей (т. е. углубляется разрыв между буквой закона и его реализацией).

Как известно, ценности обеспечивают непрерывное преемственное течение материальной и духовной жизни народа. В жизни социумов происходит переоценка ценностей либо постепенно (эволюционный путь развития), либо резко, разрушительно, быстро (в результате революций, войн, кризисов, переворотов и т. п.). В истории России таких переломных моментов было немало. В результате этих многочисленных катаклизмов подвергалась немалым испытаниям народная жизнь, а также система социальных ценностей.

Сакральные, заложенные в глубинном народном сознании ценности, долгое время считавшиеся традиционными, естественными, в наши дни сохранились лишь как

интуитивные, подсознательные неясные начала, утратившие свое стереотипно-регулирующее значение [1, с. 134].

Современные народные ценности не структурированы, не устоялись. Складываются новые традиции, формируются новые ценности (под воздействием в том числе международной жизни и глобализации). Эти ценности насаждаются порой искусственно под влиянием импортируемой из-за рубежа идеологии, кризис которой стал очевидным еще в 90-е гг. XX столетия [2, с. 51]. Народное сознание оказалось настолько дезориентированным происшедшими социальными катаклизмами XX века, что ныне утрачен нравственный идеал – ориентир народных коллективных ценностей, а новый не сформировался. Сейчас происходит эклектичное, беспорядочное становление новой нации. А ценности, как известно, являются основой самоидентификации социально-национальной общности (в этом их сущностное значение). Благодаря ценностям социум проявляется как самобытная общность, особая национальность, определяется ее культурно-исторический тип. Ибо именно ценности формируют духовные, религиозные, этические, эстетические, политические и т. п. взгляды народа, т. е. его мировоззрение, включая и воззрения государственно-правового порядка (отсюда и отношение к государству и праву как к ценностям либо как к обузе).

Издравле нравственным идеалом русского (в широком смысле российского) народа было стремление к жизни «на воле» и по «правде» (по справедливости). Право всегда рассматривалось народом как нечто внешнее, связанное с насилием, принуждением, несправедливостью. Эти представления подтверждались, как правило, неправедными правосудием и деятельностью чиновников государства. Отсюда и народное отторжение государства и права как гуманитарной ценности (т. е. служащей благу «простого» народа).

Что же может объединить народ и государство в достижении общечеловеческих ценностей и общего блага и обеспечении на этой почве защиты национальных интересов не в ущерб международному сотрудничеству?

Современные исследователи проблемы ценностей и ценностных ориентаций российского народа считают, что онтологические русские ценности – воля и правда, говоря современным языком, свобода и справедливость, должны быть положены в основу нормативно-правового и государственного устройства России [3, с. 16]. Эти ценности могут стать лейтмотивом национальной русской идеи, поиском которой сейчас заняты ученые и политики, поскольку исторический опыт показывает, что политическая система, не способная обеспечить государственно-правовые условия для достойной жизни в соответствии с народными ценностями, обречена на провал.

В качестве национальной идеи предлагается патриотизм, общность, конституционализм, православие и т. п., способные, по мнению авторов, сплотить народонаселение на пути строительства новой государственно-правовой общности во благо народа [4, с. 3; 5, с. 17].

В то же время нельзя не отметить, что ценности воли (свободы) и правды (справедливости) в современном российском обществе сильно искажены, а порой превратились в свою полную противоположность [6; 7, с. 16–19]. Особую угрозу для рождения новой национальной идеи и ценностей представляет падение уровня морали и нравственности в социуме. Представляется, что из предлагаемых путей выхода из тупика в современных условиях состояния государства и общества в России более или менее приемлемыми являются конституционализм и рационализм, избавление от мифотворчества, приведение российской действительности в соответствие хотя бы с теми принципами (ценностями), которые прописаны в Конституции РФ 1993 г. В то же время уже звучат призывы к необходимости принципиального изменения самой Конституции, вплоть до принятия новой [8, с. 2–7].

Порой со стороны государства наблюдаются попытки сплотить людей не на базе новых для россиян ценностей (взамен утраченных), а на основе еще досоциалистических идей общинности и «квасного» патриотизма, идей православной веры, веры в правильность и праведность власти (чуть ли не в ее божественность). Эти идеи нежизнеспособны, идеалистичны. Часть социума недовольна тем, что государством не реализуются даже те демократические идеи и принципы, которые заложены в Конституции РФ 1993 г. Все это вызывает недовольство в обществе, протестные движения и даже призывы к возврату в социалистическое прошлое.

В правовом государстве стратегия государственной деятельности должна быть нацелена на обеспечение всего спектра прав и свобод человека и гражданина, не допуская превышения демократических пределов государственного влияния на социум.

Права и свободы человека и гражданина, объявленные в Конституции РФ высшей ценностью, должны стать таковой и для государства, и для общества, и для самой личности. Со стороны государства это может быть обеспечено системой экономических, организационных и правовых гарантий, улучшением качества правоохранительной деятельности, судебной системы, повышением профессионализма законотворческой и управленческой работы органов государственной власти.

Если государству удастся реально воплотить идею высшей ценности человека, его прав и свобод, оно укрепит свой авторитет в глазах социума, т. е. оно, как и право, исходящее от такого государства, постепенно станут важнейшими социально-правовыми ценностями для населения страны, поскольку будет удовлетворяться исконное стремление человека к свободе и справедливости, может быть, подзабытое, но не утраченное совсем.

Пока же необходимо признать, что Конституция РФ 1993 г. едва ли явилась актом оформления общенационального согласия (договора) между государством и гражданским обществом в момент ее принятия, не обеспечила она его и впоследствии. Ее нормы по-прежнему оторваны от жизненных реалий, российское общество за 20 лет действия новой Конституции не продвинулось по пути прогресса, скорее, наоборот (это касается всех сфер жизни общества: экономики, политики, культуры, социальной жизни). Человек не стал высшей ценностью, интересы государственно-властной «элиты» опять превыше интересов личности. Новая государственная идеология, превозносящая «ценности» общества потребления, сделала свое дело. Место ценностей заняли материальные потребности, «шкурные» интересы и низкопробные зрелища.

Все это свидетельствует о том, что конституционализм (как философско-правовая доктрина и как социальное движение) пока терпит в России фиаско: Конституция существует сама по себе, народ — сам по себе (большинство населения даже никогда не видело текста Конституции, не то чтобы знало свои конституционные права, свободы и обязанности). Налицо социокультурный раскол общества. А без общественного согласия реальный конституционализм невозможен. Значит, на повестке дня — объединение социума на базе новых ценностей.

Только подлинный, реализованный, а не просто провозглашенный конституционализм мог бы стать объединителем российского народа. Трудности формирования национальной объединительной идеи для России объясняются помимо всего прочего тем что на ее территории сохранилось огромное культурно-религиозное разнообразие (в отличие от государств с однородной национально-культурной идентичностью) [4, с. 17]. К разрушению социально-культурных идентичностей ведут также кроме внутренних причин процессы глобализации, которым стихийно противодействуют локальные этнические, расовые, конфессиональные, криминальные проявления, что влечет ослабление государств. Такое сочетание внешних и внутренних причин, глобальных и локальных как прямо противоположных тенденций усложняет процесс

идентификации, реализации объединительных идей для отдельных государств, особенно сложных, неоднородных по своему национально-культурному и религиозному составу.

В истории России выдвигалось немало объединительных идей, но все они рано или поздно терпели крах. Главным образом, потому, что они не учитывали подлинных ценностей российского народа (в целом как сложносоставного сообщества). Почему-то всегда, когда вставал и встает вопрос о ценностях для России, речь идет о русских ценностях. Но ведь Россия – это не только русские, это сложное многонациональное государство.

Национальную «русскую» идею пытались сконструировать неоднократно в течение всей многовековой российской истории [3, с. 13]. Но реализация этих концепций всегда приводила к геополитическим и социальным катастрофам ввиду их догматизма, ненаучности, насильственного (по отношению к народу) характера.

Исторический опыт показывает, что как бы ни менялась в ту или иную эпоху национальная идея, российский народ всегда теснее всего сплачивался для противостояния вражескому нашествию, перед лицом смертельной опасности, угрозы уничтожения Родины. Но это не означает, что этот факт надо нещадно эксплуатировать при формулировании новой национально-объединительной идеи.

Поскольку в настоящий момент времени опять стоит задача конструирования и реализации такой идеи, нужно также учесть, что она должна быть основана не на т. н. «русских» ценностях, но на ценностях, общих для всех народов страны. Это в первую очередь общечеловеческие социально-правовые ценности, не зависящие от религиозных и иных социально-культурных особенностей людей, проживающих на территории страны. Такие ценности известны – это подлинно правовое государство и по-настоящему народное право, но не просто провозглашенные, а реализуемые в действительности, в повседневной практике государственного строительства. Последовательное движение по пути реализации этих ценностей будет способствовать прогрессу и сплочению социума, позволит повысить авторитет власти и качество управления делами общества и государства, а в конечном итоге гарантирует поступательное развитие российского общества по всем направлениям. Но для этого нужна целенаправленная работа и добрая воля властей, правящего слоя, умное руководство, профессионализм управления, возрождение нравственных начал в жизни всего социума (включая чиновничество).

Формирование новых социально-правовых ценностей осложняется тем, что народ России (социальная основа государства) утратил, как уже отмечалось, свои онтологические ценности: желание свободы и правды. Семьдесят лет советской власти вывели новый тип человека: неактивного (даже пассивного) в достижении своих личных целей и интересов, нетребовательного, бессловесного, ждущего милостей от властей, ограничивающегося подачками и удовлетворением минимальных потребностей. Он безразличен к политической жизни, ему все равно, будет ли в стране конституционализм, авторитаризм, самодержавие и т. д., если есть минимум условий для более или менее сытой жизни. Такой народ будет терпеть какие угодно и как угодно долго издевательства над собой, погибать миллионами в войнах, затеваемых властями ради удовлетворения своих интересов, далеких от блага народа. Селекция социума увенчалась успехом. Остается вера в будущие поколения россиян.

Вопрос о социально-правовых ценностях неизбежно связан не только с проблемами национальной идеи для России, но и с идеологией и идеологической деятельностью государства, которое обеспечивает правовую составляющую формирования и реализации социальных ценностей и в конечном счете национальной идеи.

С усложнением социума становится все более трудным объединение его членов на базе каких-либо идей и ценностей. В обществе «механической солидарности», где члены его мало отличаются друг от друга, люди привержены практически одинаковым ценностям, в силу чего общество представляется сплоченным. При более высокой форме солидарности – «органической» – такого единства и сплоченности уже нет, индивиды отличаются друг от друга довольно значительно, сферы, определяемые коллективным сознанием, сокращаются (но до определенных пределов, чтобы это не привело к общественной дезинтеграции) [9, с. 101].

Развитие органической солидарности сопряжено со становлением демократии, основанной на уважении к личности, защите прав человека, большей гибкости воздействия на людей (тогда как механицизм не способствует личной свободе, ведет к тоталитаризму), формируется такая ценность, как свобода.

В России исторически сформировалось своеобразное понимание свободы как беспредела, как осуществления отрицательно направленной воли, вольницы, анархии (отрицательное толкование свободы).

В постсоветской России возникли предпосылки формирования позитивной свободы двух типов:

- 1) максимально приближенной к западной институционально-правовой свободе;
- 2) свободы, при которой все большее число индивидов, членов общества получает возможность для развития собственной жизнедеятельности в соответствии со своим пониманием (т. е. с учетом исторических особенностей российского общества) [9, с. 103].

Свобода проявляется через самостоятельность, независимость, выбор, право, право собственности, свобода выражения своего мнения, свобода выбора места жительства, защита от незаконных действий (а тем более – произвола) властей, свобода партийной и религиозной принадлежности. Свобода труда, наличие оплачиваемой работы, уверенность в завтрашнем дне также являются условиями свободы личности.

Основным (главным) препятствием для формирования и реализации позитивной (положительной) свободы в современной России становится противоречие между ценностью свободы и необеспеченной ее безопасностью, т. е. правовой незащищенностью. В процессе реализации закрепленной Конституцией РФ свободы выяснилось, что весьма часто в современной России нарушаются наиболее важные права и свободы: равенство перед законом; право на безопасность и защиту; право на частную собственность; право на труд, на достойную оплату труда и образование [10].

Провозглашенной цивилизованной свободе на практике противостоят вседозволенность, идущая сверху и снизу, и фактическая незащищенность рядового гражданина. Так, социологические исследования показывают, что более 50 % граждан России не в состоянии влиять на собственную жизнь.

Свобода как ценность, закрепленная опосредованно в Конституции РФ (например, в нормах гл. 2), была одной из главных целей изменения государственного и общественного строя в России, дабы повысить значимость личности человека и гражданина. Поэтому возврат к прошлому в этом вопросе – это регрессный путь, едва ли способный вдохновить активную часть общества, под влиянием которой, собственно, и происходят социальные преобразования.

Справедливость – ценность для россиян хотя и возжеланная, но официально (в конституционном законодательстве) прежде не закреплявшаяся, а потому новая как социально-правовая. Она тесно сопряжена с равенством и правосудием [11, с. 39].

Результаты недавних научных экспериментов, проведенных в США, показали, что приверженность идеалам равенства и справедливости срабатывает в нас, как только мы осознаем себя людьми. Поэтому столь сильно стремление к удовлетворению этих

социальных потребностей, в том числе (а может быть, в цивилизованном обществе и в первую очередь) посредством права.

Справедливость, следовательно, общечеловеческий принцип, свойственный и менталитету россиян. Идея справедливости, будучи все глубже осознаваема социумом (т. е. выходя с уровня подсознания, неосознанных потребностей), становится социальной ценностью, столь важной, что получает свое правовое закрепление и потенциальную возможность правовой защиты от нарушения. В Конституции РФ идея справедливости находит свое пока косвенное выражение в нормах о равноправии индивидов, народов, субъектов Федерации, о соблюдении справедливости в судебном процессе.

Понятие справедливости довольно многозначное и меняющееся с течением времени, с изменением государственно-правовых явлений, моральных воззрений, представлений о равенстве людей в «открытом» и тоталитарном обществах. В конце концов, современная либеральная наука, исходя из признания ценности человеческой жизни в обществе (независимо от того, к какой расе, национальности, классу, слою, группе принадлежит человек, в каком социуме проживает и т. п.), пришла к выводу о том, что понимание социальной справедливости связано с индивидуумом и его свободой в реализации все более расширяющегося на сегодняшний день перечня прав. Но нужен баланс между личными интересами и интересами социума и его возможностями. Личные интересы должны содействовать общей пользе. Использование насилия во имя реализации групповой социальной справедливости создает привилегированное положение этой группе. Групповые представления о социальной справедливости могут быть диаметрально противоположны.

Выделяются разные виды справедливости: личная справедливость и политическая (относительно государства и права), групповая справедливость и индивидуальная и, наконец, социальная справедливость (независимая от людского произвола), институциональная или объективная (относительно социальных институтов и систем: брака и семьи, экономики, морали, образования и т. п.). В общем, ныне справедливость представляется как необходимое условие существования человеческого сообщества, позволяющее приспособить жизнь людей к тому или иному типу мироустройства.

Однако социальная справедливость – не столь однозначное явление, как это может представляться на первый взгляд. Обеспечить ее архитрудно, и еще ни одному государству не удалось этого сделать достаточно удовлетворительно. Государство всегда по своей сути предполагает неравенство и несвободу: от него требуют справедливости в условиях фактического неравенства людей, в том числе путем ограничения чьей-то свободы, при этом оно должно обеспечивать стабильность и порядок. Общества могут жить без справедливости, но без порядка – нет [12, с. 5].

С изменением социальных условий жизни и типов государств меняется понятие и роль справедливости. Новый характер власти порождает новые представления о справедливости.

Если традиционно справедливость – это нечто, поддерживающее или восстанавливающее баланс или нарушенное соотношение чего-либо (ценностей, благ), то со временем она трансформируется в систему взаимных прав и обязанностей, имеющую цель создать некое искусственное и моральное равенство, чтобы тем самым компенсировать природное неравенство. Таким образом, справедливость приходит как бы извне, создается по закону, а мы вынуждены его честно исполнять. Получается справедливое насилие. Законы признаются справедливыми, если они ведут к общему благу, часто пренебрегая благом индивидуальным. То есть справедливость достигается путем уменьшения свободы. Двойственный характер справедливости проявляется еще и в том, что она требует равенства прав, возможно, даже там, где это недопусти-

мо с точки зрения целесообразности, но допускается в интересах государства, его имиджа или так называемого «общего блага».

Какая же справедливость может стать реальной социальной ценностью для общества и государства?

Ответ на этот вопрос будет зависеть от того, по какому магистральному пути развития пойдет Россия дальше, т. е. от того, какой тип государственно-правового устройства одержит победу в конечном счете. И от того, под знаменем какой (гуманистической или антигуманистической философии и идеологии) мы будем развиваться как нация.

Очевидно, что гуманизм не может быть приравнен к христианству и тем более к православию. Светский гуманизм возлагал большие надежды на разум человека, что также не оправдалось полностью.

Ныне в фаворе плюрализм, множественность мировоззрений, пришедшая на смену «единому» взгляду на мир. Старая философия человеческой природы (абстрактный Человек) наносит ущерб деятельности конкретных людей. Это фикция. Политическая рациональность тоже должна находиться под контролем, дабы человек «не сгинул в общественных образованиях». То есть патологии власти надо противостоять ради сохранения общегуманистических ценностей и человеческой личности как таковой.

Сохранение общегуманистических ценностей в обстановке радикальной смены ориентиров социума необходимо для его (социума) сохранения. Осознание этого приводит к поиску диалога с традицией прошлого, к критике культа абсолютного отрицания всех прежних ценностей. Как известно, идея самоценности личности свойственна не российскому, а западному сообществу. В России признается лишь самоценность государства. Автоматическое торжество гуманистических начал, как показывает исторический опыт, невозможно.

Рационализация всех областей жизни: экономики, социальной и политической деятельности — приводит к регламентированию (универсализации) проявлений человеческой личности. Это должно иметь свой противовес — расширение прав и свобод личности.

Тоталитаризм — это попытка уничтожить сферу прав и свобод личности. В современных условиях развития мирового сообщества возврат к тоталитаризму в России уже невозможен. Ценность иерархии себя изжила. В то же время антигуманисты, например, полагают, что индивид как таковой не существует и всегда является лишь «двойником государства» [13, с. 14].

Универсальной антологией признается, что человек должен рассматриваться в контексте культуры, но в постоянно меняющейся перспективе.

Глобальные утопии будущего обычно связаны с рассмотрением человека как неуклонно самосовершенствующегося субъекта исторического процесса, с прогрессом духовности, свободы в обществе всеобщего благоденствия.

Обращение к мыслительным и ценностным ориентациям и стандартам прошлого, но с критических позиций, а не тотального отрицания или полного повторения дает возможность целостно взглянуть на пройденный страной и народом путь, извлечь необходимые уроки для настоящего и будущего.

Постмодернистская тотальная деконструкция делает абсурдным вопрос о ценностях, ибо вместе с человеком исчезает и ценностный мир. Нигилистическое низвержение всех человеческих ценностей весьма опасно. Другое дело, что имеет место спор между философами о самом содержании этих ценностей (ценностей иудео-христианской традиции или общечеловеческие ценности).

К общечеловеческим (универсальным) ценностям относятся: жизнь, сохранение человеческого рода, поддержание социального мира, достоинства личности, неотъемлемых прав и свобод, справедливости, демократии, законности и культуры как залог спасения цивилизации от угрозы ядерной, экологической и информационной катастрофы, предпосылка успешного продвижения человечества в направлении плодотворного сотрудничества всех народов [13, с. 24]. Эти ценности не могут восторжествовать автоматически и однозначно во всех странах. Они должны быть ассимилированы в рамках национальных культур, а для этого необходимы разумные, целенаправленные усилия, в том числе государственной власти. Только такой может быть философия целенаправленного прогрессивного управления страной.

Библиографический список

1. Самигулин В.К. Правовое государство: теория и практика // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 1.
2. Иванников И.А. Традиции: историко-правовой аспект // История государства и права. 2013. № 19.
3. Кочетков В.В. К вопросу о национальной русской идее: философско-правовой подход // Государство и право. 2013. № 4.
4. Зорькин В.Д. Проблемы конституционного развития России (к 20-летию Конституции РФ) // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 2014. № 1.
5. Мазурин С.Ф. Православная концепция развития государственности в России // История государства и права. 2013. № 12.
6. Рост Ю. День Победы. Эскизы тезисов к празднику // Новая газета. № 47. 8 мая 2015 г.
7. Тонконогов А.В. Гражданская война в России: история или перспектива? // История государства и права. 2013. № 8.
8. Рыженков А.Я., Черноморец А. Е. Конституционные правоотношения нуждаются в трансформации // Новая правовая мысль. 2004. № 2.
9. Штифанов Е.В. Проблема социальной солидарности и понимание свободы в российском контексте // Российский юридический журнал. 2011. № 1.
10. Лапин Н.И. Всероссийский социологический мониторинг «Наши ценности и интересы сегодня». Как чувствуют себя и к чему стремятся граждане России // СОЦИС. 2003. № 6.
11. Пахалов М.Ю. Справедливость: от объективной ценности в политико-правовой мысли западноевропейского Средневековья к современной абстракции // История государства и права. 2013. № 17.
12. Исаев И.А. Справедливость и порядок // История государства и права. 2015. № 6.
13. Губман Б.Л. Западная философия культуры XX века. Тверь: ЛЕАН, 1997. 288 с.

References

1. Samigulin V.K. The rule of law: theory and practice. *Leningradskii iuridicheskii zhurnal* [Leningrad juridical journal], 2013, no. 1 [in Russian].
2. Ivannikov I.A. Traditions: historical and legal aspects. *Istoriia gosudarstva i prava* [History of state and law], 2013, no. 19 [in Russian].
3. Kochetkov V.V. On the question about national Russian idea: philosophical and legal approach. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2013, no. 4 [in Russian].
4. Zorkin V.D. Problems of constitutional development of Russia (on the 20th anniversary of the Constitution of Russian Federation). *Vestnik MGU. Seriya 11. Pravo* [Moscow University Bulletin. Series 11. Law], 2014, no. 1 [in Russian].
5. Mazurin S.F. Orthodox concept of statehood's development in Russia. *Istoriia gosudarstva i prava* [History of state and law], 2013, no. 12 [in Russian].
6. Rost Yu. The Victory Day. Sketches of theses for the holiday. *Novaya gazeta*, no. 47, 8 May, 2015 [in Russian].

7. Tonkonogov A.V. Civil war in Russia: past or future? *Istoriia gosudarstva i prava* [History of state and law], 2013, no. 8 [in Russian].
8. Ryzhenkov A.Ya., Chernomorets A.E. Constitutional legal relationship needs transformation. *Novaia pravovaia mysl'* [New legal thought], 2004, no. 2 [in Russian].
9. Shtifanov E.V. Problem of social solidarity and comprehension of freedom in the Russian context. *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal* [Russian juridical journal], 2011, no. 1 [in Russian].
10. Lapin N.I. All-Russian sociological monitoring «Our values and interests today». How to feel and to aspire to the citizens of Russia. *SOTSIS*, 2003, no. 6 [in Russian].
11. Pakhalov M.Yu. Justice: from the objective value in the political and legal thought of the Western European Middle Ages to modern abstraction. *Istoriia gosudarstva i prava* [History of state and law], 2013, no. 17 [in Russian].
12. Isaev I.A. Justice and order. *Istoriia gosudarstva i prava* [History of state and law], 2015, no. 6 [in Russian].
13. Gubman B.L. Western philosophy of culture of the XX century. Tver', LEAN, 1997, 288 p. [in Russian].

*A.A. Napreenko**

SOCIAL AND LEGAL VALUES AND NATIONAL IDEA

The author discusses the state of social and social and legal values in modern Russia and prospects of their development; the impact of values on the formation of a national idea, capable of preventing social and cultural division of country and unite Russian citizens in the way of progressive harmonious development. The author analyzes such values as freedom and justice in the Russian society.

Key words: social values, social and legal values, Russian society, national idea, freedom, justice.

* *Napreenko Alexander Alexandrovich* (tgp-ssu@yandex.ru), Department of Theory and History of State and Law; International Law, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 341.4

*А.А. Цветков**

ГЕНЕЗИС ТЕОРИЙ СООТНОШЕНИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА

В статье проведен анализ становления и развития института соотношения норм международного и внутригосударственного права. Проанализированы исторические аспекты соотношения указанных норм, выявлены особенности современного развития.

Ключевые слова: нормы международного и внутригосударственного права, соотношение норм, история развития международных норм.

До последнего времени проблемы соотношения международного и внутригосударственного права не являлись предметом исследования криминологов, а активно обсуждались лишь в науке международного права [21, с. 57–86].

Вместе с тем и для современной науки уголовного права актуален тезис семитомника «Курс международного права» о том, что «уяснение соотношения международного и внутригосударственного права дает возможность полнее и точнее представить себе формы и способы осуществления норм международного права внутри отдельной страны и пути устранения возникающих в процессе этого осуществления трудностей».

Можно утверждать, что с принятием 12 декабря 1993 г. Конституции РФ (ч. 4. ст. 15) вопросы соотношения международного и внутригосударственного права стали предметом исследования практически во всех отраслях правовой науки, в том числе уголовного права [22, с. 237–240].

Чтобы лучше проанализировать проблему соотношения общепризнанных принципов и норм международного права, *направленных на борьбу с преступностью*, и российского уголовного права как единого правового механизма, следует установить *генезис теорий* их соотношения, а также определить правовую природу отражения в национальном уголовном праве положений международно-правовых норм.

История любой правовой системы показывает неуклонное стремление иметь точное и ясное право. Законность, исключая возможность какого бы то ни было произвола, делается неперменной чертой права. От того, насколько полно и ясно регламентируются правовые положения, в значительной мере зависит точное и безусловное соблюдение норм национального уголовного права.

Следует согласиться с С.В. Черниченко в том, что проблема соотношения международного и внутригосударственного права проявляется в ходе внутригосударственного правотворчества и правоприменения. С одной стороны, государства стремятся избежать коллизий между своими международно-правовыми обязательствами и собственным правом, а с другой — стимулировать развитие своего права [24, с. 329].

В современной науке международного права существует четыре концепции соотношения международного и внутригосударственного права, основанные на:

* © Цветков А.А., 2015

Цветков Алексей Александрович (tsvetcov42@mail.ru), Оренбургский государственный институт менеджмента, 460019, г. Оренбург, ул. Волгоградская, 16.

- независимости международной и национальной правовых систем (дуалистическая);
- примате международного права над внутригосударственным (монистическая);
- примате внутригосударственного права над международным;
- взаимной связи международного и внутригосударственного права [3, с. 45–48].

Теория примата международного права – самая «молодая» из них, она появилась в международно-правовой науке в начале 20-х годов XX века [5, с. 71]. Так, в США почти все юристы-международники (Хайд, Гросс, Джессеп, Иглтон и др.) выступают сторонниками данной теории [1, с. 83–84]. Например, Ч. Хайд предлагает нормы международного права «рассматривать как внутригосударственное право каждого отдельного государства, действующее на территории, находящейся под контролем этого государства» [23, с. 77].

Идея примата международного права над внутригосударственным содержалась также в работах русских юристов конца XIX – начала XX века (П. Казанский, А. Яценко и др.). А. Яценко признавал преимущество международного права над государственным, считая, что «есть высшая форма права над индивидами и государством, высшая над управляющими и управляемыми, что она возлагается и на тех и на других» [26, с. 42]. Наиболее полная разработка концепции примата международного права над внутригосударственным правом при рассмотрении вопросов соотношения этих правовых систем представлена в работах австрийского правоведа Ганса Кельзена «Чистая теория права» (1934 г.) и «Принципы международного права» (1952 г.) [2, с. 48].

Теоретики уголовного права за рубежом, копируя «идею» о сверхнациональных инстанциях, возвышающихся над суверенными государствами, выдвигают мысль о безусловном примате международного уголовного права над национальным. Так, проходивший в 1950 году в Лондоне конгресс американской «Bar Association» принял резолюцию о примате международного уголовного права над национальным [19, с. 274].

Теория примата внутригосударственного права является монистической теорией, так как говорит о единстве исследуемых систем права, фактически определяя международное право как отрасль внутригосударственного права [5, с. 71].

В учебнике 1940 года по теории государства и права (авторы – профессора М.С. Строгович и С. А. Галунский) при характеристике места международного права как отрасли права говорилось: «Международно-правовые договоры СССР с капиталистическими государствами закрепляют их взаимные права и обязанности. Поскольку в этих договорах выражаются те политические принципы, которые проводит СССР и которые лежат в основе политики СССР, международное право должно быть включено в систему советского права как его отрасль, хотя в установлении его норм участвует не только СССР, но и капиталистическое государство, с которым заключается соглашение». Авторы, по сути дела, определяли международное право как внешнегосударственное право Советского Союза [18, с. 192].

Дуалистическая теория соотношения внутригосударственного и международного права, возникшая почти одновременно с теорией примата внутригосударственного права, исходит из признания независимости международного права от внутригосударственного права и равнозначности этих двух систем права. Она рассматривает международное и внутригосударственное право как совершенно самостоятельные и равноценные, вернее, «равносильные», системы права, имеющие различные источники (соответственно международный договор и внутригосударственный закон) и разный круг регулируемых ими правоотношений.

Признавая международное и внутригосударственное право самостоятельными системами права, отнюдь не находящимися в состоянии соподчиненности, советская

правовая наука исходила из того, что обе эти правовые системы находятся во взаимодействии друг с другом, влияют друг на друга в процессе развития [5, с. 15].

Основоположники дуалистической теории Триппель и Анцилотти характеризуют ее так: «нормы международного права не могут существовать как производные по своей форме от норм внутригосударственного права, а нормы внутригосударственного права не могут быть обязательными в силу основной нормы международного права» [5, с. 52].

Из советских ученых, исследовавших проблему соотношения международного и национального права и придерживающихся дуалистической концепции, можно назвать Э.М. Аметистова, И.П. Блищенко, В.Г. Буткевича, А.С. Гавердовского, В.Н. Дурденевского, Г.В. Игнатенко, Ф.И. Кожевникова, Е.А. Коровина, А.М. Ладыженского, Д.Б. Левина, Л.А. Лунца, Н.М. Минасяна, Н.В. Миронова, Р.А. Мюллерсона, Г.И. Тункина, Е.Т. Усенко, Н.А. Ушакова, С.В. Черниченко, В.М. Шуршалава и др.

Анализ мнений советских ученых, исследующих проблему соотношения международного и внутригосударственного права, позволяет выделить следующие положения: сама постановка вопроса о приоритете одной из систем до последнего времени являлась беспредметной [15, с. 97]; международное и национальное право рассматриваются как различные системы права [13, с. 82]; признавалась теория раздельности двух правопорядков – международного и государственного [11, с. 26], где, по мнению Д.Б. Левина, коллизии между нормами международного и внутригосударственного права невозможны [9, с. 128].

Договорная и законодательная практика того времени не дает примеров столкновений или несоответствия между законами и международными договорами.

Совершенно иным положением, в отличие от советской концепции 50-х годов, является признание приоритета международного права над национальным (внутригосударственным) правом в наше время.

Интересно, что первоначально к идее приоритета международного права в советской юридической литературе подходили осторожно, позволяя «говорить только о верховенстве определенных норм международного права над определенными нормами национального права, а не о примате международного права как системы над национальным правом как системой» [13, с. 82].

Сейчас же предлагается пересмотреть все наше законодательство «установив везде примат международного права» [6, с. 140] и признать, что «в ближайшем будущем принцип примата международного права утвердится как общий принцип права, признанный цивилизованными нациями» [10, с. 7].

Однако не все авторы разделяют эти точки зрения. Так, по мнению З.А. Незнамовой, «закрепленное в Конституции общее правило о приоритете норм международного права над нормами национального законодательства неприменимо к уголовному праву» [14, с. 23].

Думается, что данное положение вряд ли может быть принято, так как приоритет, в частности при правотворчестве, норм международного права перед национальными уголовно-правовыми нормами бесспорен и вытекает из принятых Россией международных обязательств в сфере борьбы с преступностью и установления стандартов обращения с правонарушителями.

Учитывая конституционное положение о приоритете норм международного права в нашей стране (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ), Россию с полным основанием следует отнести к таким государствам, как ФРГ, Италия, Греция, Франция и др., основные законы которых провозглашают нормы международного права выше права страны.

Основные законы этих государств содержат общую отсылку к международным договорам, и в силу этого международные договоры в принципе могут действовать внутри страны, в сфере действия национального права.

Первая конституция, которая провозгласила международные договоры частью права страны, — это действующая и ныне Конституция США 1787 года. В Боннской Конституции 1949 года записано, что «нормы международного права стоят выше федеральных законов и непосредственно определяют права и обязанности жителей союзной территории». Статья 10 Конституции Италии 1947 года также утверждает приоритет международного права над внутригосударственным: «итальянский правовой строй согласуется с общепризнанными нормами международного права» [17, с. 256].

Признание международных норм частью права страны являлось одним из условий вступления России в Совет Европы. Выполнение этого правила обязательно для всех государств, законодательство которых не содержит норм, санкционирующих действие норм международного права внутри страны.

Обращаясь к истории развития общества, можно найти примеры, когда национальное уголовное законодательство заимствовало отдельные нормы и даже правовые институты из системы права иностранного государства, а также примеры, когда уголовно-правовые акты одного государства являлись источниками другого государства или группы государств. Большинство уголовно-правовых актов государств было сформировано на основе унифицированных норм и ведущих правовых идей нескольких стран. Например, такие исторически значимые источники уголовного права, как Литовский статут и Каролина, по отношению к уголовному законодательству других государств в свое время имели такое же значение, что и впоследствии общие нормы международного права, которые создавались также на основе накопленного законодательского опыта различных стран.

Введение иностранных норм в национальное уголовное законодательство было направлено на устранение пробелов в уголовном законе государства, а также способствовало общему развитию отрасли национального уголовного права.

В истории содержится множество примеров заимствования норм права одним народом у другого. По мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, племенная жизнь славян могла бы долго обходиться тем неизменным запасом юридических норм, которые были выработаны обычаями. Но вместе с принятием христианства на Руси прежний уровень обычного права был поколеблен, и именно это принудило славян согласовать свои отечественные нормы с чужеземными [7, с. 89]. Так возникли первые договоры русских с греками [12, с. 27].

В Россию со времени принятия ею христианства вместе с остальными греческими церковно-служебными книгами проникли и Номоканоны, которые «были известны у нас очень рано — еще в домонгольские времена» [16, с. 11], получившие на Руси название Кормчих книг.

Произошла рецепция некоторых греческих сборников, которые получили значение действующего права и послужили источниками древнего российского законодательства, а сфера действия рецептированного права распространялась в некоторых отношениях на все гражданское общество, в том числе уголовное право.

С византийским правом в Древнюю Русь проникла, например, новая система наказаний, а именно: поток и разграбление, телесные наказания болезненные и членовредительные. «Под влиянием греческих епископов князь Владимир ввел впервые в карательную систему смертную казнь» [16, с. 360], тогда как подобные наказания в прошлом исконного русского права не имели никаких корней.

В октябре 1649 года было составлено и получило обязательную силу Соборное Уложение царя Алексея Михайловича, которое основывалось на различных источни-

ках права. В предисловии к Уложению 1649 года говорится: «Каковые статьи написаны в правилах св. апостол и св. отец и в градских законах греческих царей» [12, с. 55].

Воинские Артикулы Военного Устава Петра I заимствовали немецкие законы — Саксонский, Уголовные Шведские Уставы и «Воинский артикул Густава Адольфа 1683 г.». В составлении последующих законов редакторы также руководствовались примером иностранных законодательств. Так, Уложение о наказаниях Уголовных и Исправительных 1857 года вмещало в себе семь зарубежных уголовных кодексов. Следующее Уложение о наказаниях использовало уже пятнадцать уголовных законов различных стран.

Нельзя переоценить то огромное влияние, которое еще в большей степени, чем на Россию, оказало римское право на развитие законодательства стран Западной Европы. Так, во Франции в XII веке, а в Германии немного позже законодательство Юстиниана сделалось действующим общим правом по всем делам. В 1532 году, в год появления общего Имперского устава, известного под именем «Каролина», римское право было принято в Германии как вспомогательное право.

Многие положения и институты римского права использовались также в Шотландии, Португалии [17, с. 36, 158]. Во времена Республики Соединенных провинций (XVII в. — 1795 г.) получила широкое распространение система римско-голландского права, в которой своеобразно переплетались традиционные институты римского права, нормы средневекового права германских государств и торговые обычаи портовых городов [17, с. 131–132].

Французские правовые обычаи, в свою очередь, формировались под сильным влиянием римского и канонического права либо же обычного права древнегерманских племен [17, с. 202]. Существенным дополнением к местным источникам права Швейцарии наряду с отдельными принципами и нормами римского права служило уголовно-судебное уложение Каролина Карла V, которое было официально признано действующим швейцарским уголовным правом [17, с. 222].

В некоторых европейских странах попытки возрождения непосредственного применения византийского права сочетались с изданием кодексов, составленных под влиянием либо же заимствованных из законодательства других европейских государств (Греция, Мальта) [17, с. 68, 127].

В догроцианский период в Англии внешние связи находились под влиянием европейских концепций «единства духовной и светской власти, практики европейских государств, они основывались на статутах, которые учитывали континентальную практику» [4, с. 112].

Что касается международного обычного права, то еще в середине XVIII в. известный английский судья Блэкстон обосновал доктрину «инкорпорации», именуемую «блэкстонианской» доктриной. Согласно этому учению, международное обычное право рассматривается как часть общего права (Common Law). В 1765 г. Блэкстон заявил, что право наций (Law of Nations) «признается в полном объеме общим правом, и оно действует как часть права страны» [8, с. 10].

И в XIX веке в Европе некоторые законы были составлены по образцу чужеземных уложений. Так, например, неаполитанское и сардинское уложения — на основании Кодекса Наполеона; греческое уложение почти совершенно сходно с проектом баварского уложения 1831 года.

В свою очередь, «французское уголовное законодательство оказало влияние на западно-европейского законодателя. Кодекс Наполеона 1810 года послужил образцом для многих стран, в том числе для Германии» [20, с. 70].

На основании изложенного можно сделать вывод, что еще с древних времен в законодательствах России и государств Западной Европы иностранные правовые нормы

заимствовались национальным законодательством. Анализ памятников уголовного права различных государств дает подтверждение тому, что рецепированные нормы являлись действующим правом страны. И наряду с национальными уголовными законами целые кодексы (уложения, уставы) непосредственно применялись на территории государства в отношении своих граждан.

Обращение к памятникам права разных государств показывает, что заимствование иностранных норм в национальное уголовное законодательство имело место на протяжении жизни всего человечества, поэтому естественно тяготение государства, его правоприменительных органов к более эффективным правовым средствам.

Библиографический список

1. Leiden Jel. 1990. Vol. 3. № 3. P. 83–84.
2. Абдулаев М.И. Примат международного права над внутригосударственным: история и современность // Правоведение. 1992. № 4.
3. Анцилотти Д. Курс международного права. М., 1961. Т. 1.
4. Батлер У.Э. Взаимодействие международного и национального права // Сов. гос-во и право. 1987. № 5.
5. Блищенко И. П. Международное и внутригосударственное право. М.: Международ. отношения, 1960.
6. Блищенко И. П. Некоторые проблемы советской науки международного права // Сов. гос-во и право. 1991. № 3.
7. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Петроград, 1915.
8. Денисов В.Н. Развитие теории и практики взаимодействия международного права и внутреннего права // Реализация международно-правовых норм во внутреннем праве. Киев: Наукова думка, 1992.
9. Левин Д.Б. Основные проблемы современного международного права. М.: Госюриздат, 1958.
10. Лукашук И.И. Международное право в судах государств. СПб.: СКФ «Россия-Нева». 1993.
11. Макаров А.Н. Обычные начала международного права. М.: Юриздат, 1924.
12. Малиновский И.М. Лекции по истории русского права.
13. Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и национального права. М.: Международ. отношения, 1982.
14. Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1995.
15. Поленина С.В. Взаимодействие международной и внутригосударственных правовых систем // Правовая система социализма. М.: Юрид. лит., 1987.
16. Радин И.М. Учебник истории русского права. Пг., 1915.
17. Решетников Ф.М. Правовые системы стран мира: справочник. М.: Юрид. лит., 1993.
18. Строгович М.С., Галунский С.А. Теория государства и права: учебник. М., 1940.
19. Трайнин А.Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. М.: Юриздат, 1956.
20. Трайнин А.Н. Уголовное право. Общая часть. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1929.
21. Усенко Е.Т. Теоретические проблемы соотношения международного и внутригосударственного права. СЕМП, 1977. М., 1979.
22. Уголовное право (раздел «Международное уголовное право и национальное уголовное право»): учебник для вузов / под ред. Р.А. Адельханяна. М.: Волтерс Клувер, 2004.
23. Хайд Ч. Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки. Т. 1. М.: Иностр. лит-ра, 1950.
24. Черниченко С.В. Теория международного права: в 2 т. Т. 2: Старые и новые теоретические проблемы. М.: Изд-во «НИМП», 1999.
25. Шуршалов В.М. Теория международного договора. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959.
26. Яценко А. Международный федерализм. М., 1908.

References

1. Leiden Jel, 1990, Vol. 3, no. 3, pp. 83–84 [in German].
2. Abdulaev M.I. Primacy of international law over internal law: history and modernity. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 1992, no. 4 [in Russian].
3. Anzilotti D. Course in international law. M., 1961, Vol. 1 [in Russian].
4. Butler W.E. Interaction of international and national law. *Sov. gos-vo i pravo* [Soviet state and law], 1987, no. 5 [in Russian].
5. Blishchenko I.P. International and domestic law. M., *Mezhdunarod. otnosheniia*, 1960, p. 71 [in Russian].
6. Blishchenko I.P. Some problems of Soviet science of international law. *Sov. gos-vo i pravo* [Soviet state and law], 1991, no. 3 [in Russian].
7. Vladimirsky-Budanov M.F. Overview of the history of Russian law. Petrograd, 1915 [in Russian].
8. Denisov V.N. Development of the theory and practice of interaction between international law and domestic law in *Implementation of international legal norms in domestic law*. Kiev, NAUKOVA DUMKA, 1992 [in Russian].
9. Levin D.B. Basic problems of modern international law. M., Gosiurizdat, 1958 [in Russian].
10. Lukashuk I.I. International law in the courts of states. SPb., SKF «Rossiia-Neva», 1993 [in Russian].
11. Makarov A.N. Normal sources of international law. M., Iurizdat, 1924, p. 26 [in Russian].
12. Malinovsky I.M. Lectures on the history of Russian law. [in Russian].
13. Mullerson R.A. Correlation of international and national law. M., *Mezhdunarod. otnosheniia*, 1982 [in Russian].
14. Neznamova Z.A. *Kollizii v ugovnom prave. Avtoref. dis...dok. iurid. nauk* [Collisions in penal law. Extended abstract of Doctor's of Law thesis]. Ekaterinburg, 1995, p. 23 [in Russian].
15. Polenina S.V. Interaction of international and domestic legal systems. *Legal system of socialism*. M., Iurid. lit-ra, 1987, p. 97 [in Russian].
16. Radin I.M. Textbook of history of Russian law. Petrograd, 1915 [in Russian].
17. Reshetnikov F.M. Legal systems of the countries of the world. Guide. M., Iurid. lit., 1993 [in Russian].
18. Strogovich M.S., Golunski S.A. Theory of state and law. Textbook. M., 1940 [in Russian].
19. Traynin A.N. Defence of peace and fight with crimes against humanity. M., Iurizdat, 1956 [in Russian].
20. Traynin A.N. Criminal law. General part. M., Izd-vo Mosk. gos. un-ta, 1929 [in Russian].
21. Usenko E.T. Theoretical problems of correlation between international and domestic law. SEMP, 1977. M., 1979 [in Russian].
22. Criminal law. (Section «International criminal law and national criminal law»). College textbook. P.A. Adilhanyan (Ed.). M., Volters Kluver, 2004 [in Russian].
23. Hyde Ch. International law, its understanding and application of the United States of America. Volume 1. M., Inostr. lit-ra, 1950 [in Russian].
24. Chernichenko S.V. Theory of international law. In 2 Volumes. Volume 2: Old and new theoretical problems. M., Izd-vo «NIMP», 1999 [in Russian].
25. Shurshalov V.M. Theory of international treaty. M., Izd-vo Akad.nauk SSSR, 1959 [in Russian].
26. Yashchenko A. International federalism. M., 1908 [in Russian].

*A.A. Tsvetkov****GENESIS OF THEORIES OF CORRELATION OF NORMS
OF INTERNATIONAL AND DOMESTIC LAW**

In the article the analysis of formation and development of an institute of correlation of international and municipal law norms is carried out. Historical aspects of relationship of these norms are analyzed, peculiarities of modern development are identified.

Key words: norms of international and domestic law, ratio of norms, history of development of international norms.

* *Tsvetkov Alexei Alexandrovich* (tsvetcov42@mail.ru), Department of Civil Law and Process, Orenburg State Institute of Management, 16, Volgogradskaya Street, Orenburg, 460019, Russian Federation.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 342.591

*Е.Ю. Стаханова**

МОТИВ И ЦЕЛЬ СОВЕРШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ДЕЛИКТА

В статье содержится исследование мотивов и целей совершения конституционных правонарушений. Анализируются конструктивные признаки цели конституционного деликта. Особое внимание уделяется вопросу применения конституционной ответственности.

Ключевые слова: мотив, цель, конституционная ответственность, правонарушение.

Одним из необязательных признаков субъективной стороны правонарушения являются его мотив и цель. В психологии под мотивом понимаются: побуждения к деятельности, связанные с удовлетворением потребностей субъекта; предметно-направленная активность определенной силы; побуждающий и определяющий выбор направленности деятельности предмет (материальный или идеальный), ради которого она осуществляется; осознаваемая причина, лежащая в основе выбора действий и поступков личности [1, с. 154].

В юриспруденции мотив правонарушения относится к психическим компонентам, которые предшествуют появлению вины; он образует психологический базис, на котором рождается вина [2, с. 10].

В уголовном праве под мотивом преступления понимают определенные потребности и интересы, которые вызвали у лица решимость совершить противоправное деяние.

Мотив совершения правонарушения характерен, как правило, для умышленных деликтов, поскольку при совершении неосторожных правонарушений «мотив и цель с отрицательным содержанием отсутствуют в принципе. То есть вина есть, а мотива и цели совершения противоправного деяния нет» [3, с. 19].

Всякое умышленное правонарушение совершается по различным мотивам. Мотив может влиять на квалификацию деяния, в этом случае он должен закрепляться в конкретном составе в качестве факультативного признака субъективной стороны, то есть иметь правовое значение. Следовательно, если в деянии отсутствует предусмотренный составом правонарушения мотив, то эти действия нельзя рассматривать в качестве правонарушения.

* © Стаханова Е.Ю., 2015

Стаханова Екатерина Юрьевна (stakatya@gambler.ru), кафедра государственного и административного права, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Можно утверждать, что каждое правонарушение (в том числе и конституционное) совершается мотивированно: любая человеческая деятельность (в том числе правонарушающая) обусловлена совокупностью определенных мотивов. Безмотивного правонарушения не существует, в связи с чем в науке уголовного права утверждается, что термин «безмотивное преступление» подлежит употреблению только тогда, когда преступление совершается невменяемым. Значение установления мотива правонарушения заключается в необходимости детального исследования причин совершения правонарушения с тем, чтобы дать деликту более адекватную оценку и применить последствия в виде наступления справедливой юридической ответственности. Однако юридическое значение мотивы человеческих поступков приобретают только в том случае, когда это непосредственно закреплено в норме закона.

Анализ норм российского законодательства показывает, что мотив как обязательный признак субъективной стороны правонарушения характерен преимущественно для норм уголовного законодательства. Иные законодательные акты, устанавливающие основания юридической ответственности, как правило, не содержат положений, значимых для установления мотивов совершения правонарушений. Так, например, административное, налоговое, бюджетное законодательство не содержат в своих текстах составов правонарушений с указанием мотивов их совершения.

Исходя из анализа норм конституционного права можно сказать, что мотив не является необходимым конструктивным признаком конституционного правонарушения. Тем не менее некоторыми авторами отмечается, что «в тех случаях, когда мотив и цель прямо предусмотрены нормой права в составе конкретного правонарушения, они становятся частью фактического основания наступления конституционной ответственности. Следовательно, действие или бездействие должно признаваться конституционным деликтом, если оно совершено по мотивам и в целях, прямо указанных в законе» [4, с. 19]. С этим мнением стоит согласиться, однако действующее российское законодательство при формулировании оснований конституционной ответственности не предусматривает таких положений. Из этого можно сделать ошибочный вывод о том, что мотив как необязательный признак субъективной стороны правонарушения не имеет значения для конституционного правонарушения. Однако это не так. Дело в том, что применение конституционной ответственности нередко имеет дополнительный (к иным видам юридической ответственности) характер, в связи с чем совершение, например, мотивированного преступления может послужить основанием для применения конституционной ответственности.

Так, в качестве примера можно рассмотреть следующую конституционную норму. В части 1 ст. 93 Конституции установлена возможность применения конституционно-правовой ответственности в виде отрешения Президента РФ от должности на основании выдвинутого Государственной думой обвинения в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления. Таким образом, совершение, например, Президентом РФ убийства по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ) может явиться основанием для применения к Президенту РФ меры конституционной ответственности в виде отрешения от должности. Можно сказать, таким образом, что нормы конституционного законодательства могут опосредованно (при «помощи» норм уголовного законодательства) предусматривать обязательные для установления и квалификации мотивы.

Не исключена возможность установления мотивов правонарушения и в самом конституционном законодательстве. Так, например, в действовавшей до 1 января 2008 г. ст. 273 Бюджетного кодекса РФ было установлено, что если представитель-

ный орган отклоняет отчет об исполнении бюджета по мотивам несоответствия исполнения бюджета утвержденному закону (решению) о бюджете, то указанный орган вправе возбудить процедуру выражения недоверия соответствующему органу исполнительной власти и его должностным лицам, отзыва выборных должностных лиц. В приведенном примере видно, что конституционно-правовые санкции (выражение недоверия соответствующему органу исполнительной власти и его должностным лицам, отзыв выборных должностных лиц) следовали за правонарушение (отклонение отчета об исполнении бюджета), обязательным признаком которого является мотив (несоответствие исполнения бюджета утвержденному закону (решению) о бюджете). Таким образом, препятствия для формулировки в нормах конституционного права мотивов в качестве элементов субъективной стороны правонарушений отсутствуют.

Как уже было указано, мотив правонарушения является категорией психологической, обозначающей побуждение к совершению определенных действий, субъективной причиной, обуславливающей деятельность человека. В связи с этим возникает следующий вопрос: присущ ли мотив правонарушения коллективному субъекту конституционного правонарушения? Иначе говоря, возможно ли законодательное закрепление мотива в качестве конструктивного признака конституционного деликта, совершаемого коллективным субъектом? Для ответа на данный вопрос необходимо воспользоваться исследованиями в области психологии.

Л.П. Буева указывает, что «коллективный субъект деятельности обладает целым рядом особенностей, что сказывается на усложнении ее структуры и особенности деятельности индивидов, включенных в этот “коллективный субъект”» [5, с. 96]. Автор полагает, что коллективному субъекту присуща система интересов, ценностных ориентаций, мотивов, что ставит личность перед необходимостью выбора, согласования личных мотивов, интересов, потребностей с коллективными.

Как отмечается другими исследователями, «мотивированность как свойство коллективного субъекта деятельности представляет активное, заинтересованное и ответственное отношение (побуждение) к совместной деятельности. Она характеризует такое состояние мотивационной сферы участников совместной деятельности, при котором имеют место эмоциональные переживания, потребности, влечения, желания действовать вместе, а также осознание необходимости совместной деятельности и пристрастное, увлеченное отношение к ней. Мотивированность формируется в результате интеграции индивидуальных мотивов, их взаимного “сложения” и “переплетения”. Проявляется она в особенностях активности и заинтересованности членов коллектива» [6, с. 137].

Е.И. Головаха считает, что коллективный мотив следует рассматривать как отражение в коллективном сознании общей цели, формирующейся во взаимодействии общего и индивидуального мотивов [7, с. 54].

Таким образом, с точки зрения психологии мотив как свойство индивида, может быть характерным и для коллектива, группы лиц, объединения. Следовательно, нет никаких причин для отрицания наличия мотива деятельности применительно к юридическим лицам, органами публичной власти и т. д. Подтверждение этому можно найти и в некоторых нормах российского законодательства, устанавливающих различные виды ответственности за совершение коллективными субъектами мотивированных правонарушений. Так, например, ст. 64 Трудового кодекса РФ устанавливает запрет работодателям (а следовательно, и юридическим лицам как коллективным субъектам) отказывать в заключении трудового договора женщинам по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей. Гражданское законодательство указывает, что акт сдачи или приемки результата работ (который подписывается в том числе и представителем юридического лица) может быть признан судом недействительным в

случае, если мотивы отказа от подписания акта признаны им обоснованными (ч. 4 ст. 753 ГК РФ).

Можно сказать, что как с точки зрения психологической науки, так и в юриспруденции мотив может быть характерен в том числе и для коллективного субъекта, в связи с чем стоит сделать вывод о потенциальной возможности установления мотива совершения правонарушения коллективным субъектом конституционной ответственности. Отсутствуют препятствия для включения мотива в нормы о конституционной ответственности в качестве обязательного признака субъективной стороны правонарушения, совершенного коллективным субъектом.

Наряду с мотивом цель правонарушения относится к необязательным признакам правонарушающего поведения. В юридической литературе выделяют следующие конструктивные признаки цели правонарушения:

- 1) основана на антисоциальных и антиобщественных ценностях правонарушителя;
- 2) является продуктом воли правонарушителя, результатом которой является выбор им средств и способов совершения правонарушения;
- 3) субъективна, то есть основана на представлении правонарушителя о будущем вредоносном результате;
- 4) конкретна, но несет в себе некоторых элементов неопределенности исходной модели будущего вредоносного результата [8, с. 35].

Из совокупности представленных признаков цели правонарушения делается вывод о том, что цель правонарушения представляет собой субъективное, конкретное представление правонарушителя о будущем вредоносном результате своей деятельности, к наступлению которого он стремится, предопределяя выбор средств и способов совершения правонарушения.

А.И. Рарог указывает, что включение специальной цели в субъективную сторону свидетельствует о целенаправленном характере деяния, которое в этом случае служит не самоцелью, а способом достижения того конечного результата, который и является целью. Этот результат, а также само деяние и его последствия как способ достижения поставленной цели являются для субъекта желаемыми. Поэтому специальная цель деяния совместима только с прямым умыслом [9, с. 55].

Следовательно, цель правонарушения может свидетельствовать об умышленности совершаемого правонарушения и в этом смысле дополнять вину субъекта в совершении деликта. Установление цели правонарушения важно в том, что подтверждает и конкретизирует вину субъекта правонарушения, в том числе конституционного.

Анализ действующего российского законодательства позволяет понять, что цель как конституирующий признак деликта в конституционном праве встречается много чаще, чем мотив правонарушения, что в таких случаях превращает цель совершения правонарушения в обязательный (конституирующий) признак конституционного деликта. Наиболее значимые нормы конституционного права, устанавливающие цель совершения деликтов, имеет смысл привести в качестве примера.

Так, ч. 5 ст. 13 Конституции России запрещает создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

Часть 4 ст. 40 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» указывает, что лица, не являющиеся кандидатами и замещающие государственные или выборные муниципальные должности, либо находящиеся на госу-

дарственной или муниципальной службе, либо являющиеся членами органов управления организаций независимо от формы собственности, в период избирательной кампании, кампании референдума не вправе использовать преимущества своего должностного или служебного положения в целях выдвижения кандидата, списка кандидатов и (или) избрания кандидатов, выдвижения и поддержки инициативы проведения референдума, получения того или иного ответа на вопрос референдума.

Часть 15.1 ст. 29 того же Федерального закона устанавливает, что члену Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, а также члену избирательной комиссии субъекта Российской Федерации, работающему в комиссии на постоянной (штатной) основе, члену иной избирательной комиссии, действующей на постоянной основе и являющейся юридическим лицом, работающему в комиссии на постоянной (штатной) основе, запрещается использовать в целях, не связанных с выполнением возложенных на него обязанностей, средства материально-технического, финансового и информационного обеспечения, предназначенные для служебной деятельности.

Также указанный Федеральный закон предусматривает, что использование избирательным объединением в целях достижения определенного результата на выборах денежных средств помимо средств собственного избирательного фонда, если их сумма превысила 5 процентов от предельного размера расходования средств избирательного фонда, установленного законом, может повлечь отмену судом регистрации списка кандидатов (п. «б» ч. 8 ст. 76).

В соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» отклоняются заявления о приеме в гражданство Российской Федерации и о восстановлении в гражданстве Российской Федерации, поданные лицами, которые выступают за насильственное изменение основ конституционного строя Российской Федерации или иными действиями создают угрозу безопасности Российской Федерации.

Часть 1 ст. 12 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» предусматривает отказ религиозной организации в государственной регистрации в случаях, если ее цели и деятельность противоречат Конституции Российской Федерации и законодательству Российской Федерации.

Часть 5.2 ст. 62 Федерального закона от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации» устанавливает запрет политической партии использовать эфирное время на каналах организаций, осуществляющих телевещание, в целях:

1) распространения призывов голосовать против федерального списка кандидатов (федеральных списков кандидатов);

2) описания возможных негативных последствий в случае, если тот или иной федеральный список кандидатов будет допущен к распределению депутатских мандатов, тот или иной кандидат (те или иные кандидаты), включенный (включенные) в федеральный список кандидатов, будет избран (будут избраны);

3) распространения информации, в которой явно преобладают сведения о какой-либо политической партии, выдвинувшей федеральный список кандидатов, каком-либо кандидате (каких-либо кандидатах), включенном (включенных) в федеральный список кандидатов, в сочетании с негативными комментариями;

4) распространения информации, способствующей созданию отрицательного отношения избирателей к политической партии, выдвинувшей федеральный список кандидатов, кандидату (кандидатам), включенному (включенным) в федеральный список кандидатов.

Часть 8 ст. 91 этого же Федерального закона устанавливает, что регистрация федерального списка кандидатов, выдвинутого политической партией, может быть отменена Верховным Судом Российской Федерации случае использования политической партией, ее уполномоченным представителем по финансовым вопросам в целях получения определенного результата на выборах помимо средств своего избирательного фонда и избирательных фондов ее региональных отделений иных денежных средств, составляющих более 5 % от установленной предельной суммы всех расходов из средств избирательного фонда политической партии.

Из изложенного можно сделать вывод, что с точки зрения конституционного законодательства цель совершения конституционного деликта имеет большее значение для наступления конституционной ответственности, чем его мотив. Представляется, что такая ситуация объясняется спецификой субъективной стороны конституционных деликтов: значительная их часть носит формальный характер, для наступления конституционной ответственности достаточно невыполнения предписаний конституционных норм, нарушения определенного порядка, мотивы которого не имеют правового значения. В отличие от мотива, цель совершения правонарушения может быть конституирующим признаком конституционного деликта вследствие определяющего значения цели как конечного результата неправомерного деяния, а также отличия правомерного поведения от незаконного. Так, исходя из процитированной нормы ч. 15.1 ст. Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» следует, что именно цель использования средств материально-технического, финансового и информационного обеспечения является значимой для квалификации данного деяния как запрещенного конституционной нормой.

Кроме того, можно сделать вывод о том, что цель в конституционном праве выполняет роль отграничения правонарушающего поведения от правомерного. Именно цель деяния является тем мериллом, на основании которого возможно применение конституционной ответственности. Отсутствие незаконной цели деяния свидетельствует, как правило, о правомерном поведении субъекта конституционного права.

Библиографический список

1. Карпенко Л.А., Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Краткий психологический словарь. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. 430 с.
2. Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., 2001. 134 с.
3. Цельникер Г.Ф. Вина в российском праве: Общетеоретический и исторический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2004. 28 с.
4. Атжанова Ж.С. Конституционная ответственность в Российской Федерации и Республике Казахстан: сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. 31 с.
5. Буева Л.П. Человек: деятельность и общение. М.: Мысль, 1978. 216 с.
6. Журавлев А.Л. Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке / отв. ред.: А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова, В.Н. Дружинин. М.: Академ. проект, 2000. 246 с.
7. Головаха Е.И. Структура групповой деятельности: Социально-психологический анализ. Киев: Наукова думка, 1979. 139 с.
8. Васильев В.В. Цель как факультативный признак субъективной стороны состава правонарушения // Вектор науки ТГУ. 2010. № 3 (3) С. 35–37.
9. Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практ. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. 181 с.

References

1. Karpenko L.A., Petrovsky A.V., Yaroshevsky M.G. Concise psychological dictionary. Rostov-on-Don, Feniks, 1998, 430 p. [in Russian].
2. Rarog A.I. Subjective side and qualification of crimes. M., 2001, 134 p. [in Russian].
3. Tselniker G.F. *Vina v rossiiskom prave: Obshcheteoreticheskii i istoricheskii aspekty: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Guilt in Russian law: general theoretic and historical aspects: Extended abstract of Candidate's of Law thesis]. Nizhny Novgorod, 2004, 28 p. [in Russian].
4. Atzhanova Zh.S. *Konstitutsionnaia otvetstvennost' v Rossiiskoi Federatsii i Respublike Kazakhstan: sravnitel'no-pravovoi analiz: avtoref. diss. kand. iurid. nauk* [Constitutional liability in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: comparative legal analysis: Extended abstract of Candidate's of law thesis]. Chelyabinsk, 2007, 31 p. [in Russian].
5. Bueva L.P. Human being: activity and society. M., Mysl', 1978, 216 p. [in Russian].
6. Zhuravlev A.L. Psychological features of collective subject. *Problem of subject in psychology*. A.V. Brushlinskiy, M.I. Volovikova, V.N. Druzhinin (Eds.). M., Akadem. proekt, 2000, 246 p. [in Russian].
7. Golovaha E.I. Structure of group activity: social and psychological analysis. Kiev, Naukova dumka, 1979, 139 p. [in Russian].
8. Vasiliev V.V. Purpose as facultative aspect of a subject side of delinquency. *Vektor nauki TGU* [Vector of Science of Togliatti State University], 2010, no. 3(3), pp. 35–37 [in Russian].
9. Rarog A.I. Handbook for judges on qualifications of crimes: reference book. 2nd edition, revised and enlarged. M., Prospekt, 2009, 181 p. [in Russian].

*E. Yu. Stakhanova**

MOTIVATION AND PURPOSE OF CONSTITUTIONAL DELINQUENCIES

The article contains the research of motives and purposes of constitutional delinquencies. The author analyses constructive features of a purpose of constitutional delinquency. The author pays special attention to the problem of constitutional liability.

Key word: motive, purpose, constitutional liability, delinquency.

* *Stakhanova Ekaterina Yurievna* (stakatya@rambler.ru), Department of State and Administrative Law, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347.1

*Е.И. Воронина****КАТЕГОРИЯ «ЛИЧНОСТЬ» И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ
ДЛЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ**

Статья посвящена рассмотрению категории «личность» и ее значения для гражданских правоотношений. Изучаются понятия личности в психологии, социологии и философии, после чего характерные черты данной категории, значимые для данных областей знаний, выделяются с позиции их значения для гражданского права. Производится сравнение понятий «личность» и «субъект права». Анализируются случаи использования термина «личность» в гражданском законодательстве.

Ключевые слова: личность, право, индивид, человек, индивидуальность, субъект, правосубъектность

Конституция РФ предусматривает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека — обязанность государства. Как верно заметила Н.С. Кузнецова, «человек должен быть единой абсолютной ценностью первоначального порядка, относительно которой определяются все другие ценности» [1, с. 46]. Все правовое регулирование призвано обеспечить интересы личности, однако сама природа гражданского права как права частного предопределяет его особую роль в защите прав частных лиц.

По мысли И.А. Покровского, гражданское право имеет в виду «интересы отдельного человека»; «конкретный живой человек составляет конечную цель, “целевого субъекта” всего гражданского права, ибо только живой человек может страдать и радоваться, может иметь интересы» [2, с. 32]. С.В. Пахман также указывал, что личный элемент имеет весьма обширное значение в области гражданского права, выделяя несколько сторон этого значения. Во-первых, ученый полагал, что все имущественные права предполагают общественное признание отдельной личности. Таким образом, признание ценности отдельной личности является первоосновой, общей предпосылкой защиты любых имущественных прав. Во-вторых, он подчеркивал особое значение понятия личности для обязательственного права, связанное с тем, что в любом обязательстве личность является до известной степени подвластной, подчи-

* © Воронина Е.И. 2015

Воронина Елена Игоревна (el@samsu.ru), кафедра гражданского и предпринимательского права, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

ненной. В-третьих, по мнению автора, общим условием всех гражданских правоотношений признается «личность» в понятии «правоспособности» [3, с. 19–20]. И.А. Михайлова справедливо обращает внимание на то, что «современное российское общество все в большей мере проникается сознанием первостепенной важности именно личной, частной жизни» [4, с. 3]. Сказанное предопределяет необходимость подробного изучения категории «личность» и ее роли в гражданском праве.

Понятие «личность» является одним из основополагающих понятий многих наук и областей знаний. Как справедливо отмечает С.Л. Рубинштейн, «личность как реальность, как кусок действительности, обладая многообразными свойствами – и природными, а не только общественными, – является предметом изучения разных наук, каждая из которых изучает ее в своих специфических для нее связях и отношениях» [5, с. 31]. Определение понятия «личность» неоднозначно и зависит от позиции, с которой оно дается, от целей науки, в рамках которой данное определение формулируется. Можно с уверенностью сказать, что понятие «личность» носит междисциплинарный характер. Б.И. Додонов считает, что к содержательным характеристикам личности, влияющим на способ ее общественного бытия, следует относить: ее общественный статус, социально значимые физические особенности и психологический уклад [6, с. 39]. В связи с этим изучение данного явления без обращения к достижениям таких областей знаний, как философия, психология и социология, невозможно.

Как справедливо отмечает М.Ф. Орзих, «личность на правовом уровне существования (функционирования, развития) сохраняет свои сущностно-содержательные свойства, родовые качества, не представляя нового, собственно юридического понятия человека» [7, с. 37], однако, по его же словам, «право вторгается в структуру личности, становится ее органической частью, проникая в самые глубинные пласты ее содержания, оказывая воздействие также и на то подсознательное, которое проявляет себя в условиях, ситуациях, слабо контролируемых человеческим сознанием» [8, с. 9]. Можно предположить, что юриспруденция, широко использующая данный термин, не занимается первоначальной его разработкой, а в большинстве случаев заимствует его из указанных областей знаний, тем не менее уточняя его исходя из собственных научных целей.

В первую очередь необходимо избрать наиболее рациональный подход к анализу содержания термина «личность». М.Ф. Орзих исходит из необходимости поуровневого анализа личности. Ученый полагает, что на первичном, родовом уровне структуры личности фиксируются природное начало и социальная сущность человека, обеспечивается проникновение в содержание человеческой личности, создается единое представление о человеке – биосоциальном существе и личности – биосоциальном феномене, в котором биологические свойства включены в социальные в снятом, преобразованном виде. Однако данный уровень находится на весьма высокой ступени абстракции, является методологической первоосновой. На вторичном уровне структуры личности автор выделяет следующие уровни: психологический (темперамент, направленность, способности, характер); социологический (функциональные отношения с социальной системой); нравственный; правовой [7, с. 34–35]. Учитывая приведенное выше положение о том, что на правовом уровне личность сохраняет все свои сущностные свойства, для выявления значения «личности» в юриспруденции необходимо сначала выяснить, какие аспекты, грани понятия «личность» выдвигаются на первый план в каждой из обозначенных отраслей знаний, а именно в психологии, социологии и философии. Очевидно, что изучение всех направлений научных изысканий в данной сфере выходит за рамки целей настоящего исследования, в связи с чем обратимся лишь к тем, результаты которых могут иметь существенное значение для науки гражданского права.

Следует отметить, что науки, имеющие своим предметом изучение биологических и физиологических характеристик, обращают свое внимание не на личность, а скорее на человека как такового. В данном случае на первый план выходят такие характеристики, как возраст, состояние здоровья, внешние признаки человека (конституция, цвет глаз, цвет волос и т. д.). В этом аспекте право интересуют лишь отдельные подобные характеристики. Например, возраст человека имеет принципиальное значение для гражданского права с точки зрения наступления дееспособности, а состояние здоровья учитывается при решении вопроса о лишении гражданина дееспособности. Вместе с тем физиологические характеристики, как уже говорилось, относятся к понятию «человек», а не к понятию «личность».

С точки зрения психологического подхода к анализу проблемы личности на первый план выдвигаются вопросы о мотивах, потребностях, темпераменте, характере, а также о субъективном представлении человека о самом себе. Таким образом, это вопросы о «внутреннем мире» человека, представленном совокупностью эмоций, чувств, познавательных и психических процессов, о самосознании, включая образ собственного «Я», самооценку и самоуважение, от чего во многом зависят уровень притязаний и реальное индивидуальное поведение [9, с. 434].

Следует отметить, что психологические характеристики личности могут быть значимыми для правовой науки и правового регулирования. В частности, в некоторых обязательствах при выборе контрагента стороны могут руководствоваться его личностными чертами: его способностями, профессиональными навыками, талантом. Кроме того, личные переживания, их глубина учитываются при определении размера компенсации морального вреда: то есть в данном случае правовое значение будут иметь черты характера, темперамент потерпевшего, которые позволят суду выяснить степень нравственных страданий. Таким образом, психологический аспект анализа личности также имеет большое значение для правовой науки.

Далее, если обратиться к пониманию личности в социологии, то, по справедливой мысли Г.Е. Зборовского, отправная точка социологического видения личности — не индивидуальные особенности человека, а та социальная система, в которую он включен, и те социальные функции и роли, которые он выполняет. Ученый также отмечает, что социологию личность интересует прежде всего как субъект деятельности и социальных отношений [9, с. 434–435]. При этом В.А. Петровский указывает на неоднозначность решения вопроса о том, каким образом личность соотносится с социальной системой как целым, выделяя три возможных варианта такого соотношения: личность индивида рассматривается как качество, присущее самому индивидуальному субъекту; областью определения и существования личности считается пространство межличностных связей, то есть сами процессы общения и деятельности; личность индивида выносится не только за рамки самого индивидуального субъекта, но и перемещается за пределы его совместной деятельности с другими индивидами [10, с. 41–44].

По нашему мнению, рассмотрение личности с точки зрения ее включенности в социальные связи имеет принципиальное значение для юридической науки, поскольку право, конструируя и описывая правоотношения, создает правовые модели реальных общественных отношений, изучение которых относится к предмету социологии.

Далее, философия рассматривает бытие человека и общества в более широком плане, давая ответы на так называемые «вечные» вопросы. В философии проблема личности — это прежде всего вопрос о месте человека в мире, о том, может ли он стать господином собственной судьбы, «сделать» себя самого, создать свою собственную жизнь [9, с. 434]. И основная проблема в характеристике личности — проблема соотношения и взаимосвязи социального общего и духовного индивидуального.

В любом случае экзистенциальные, духовные элементы структуры личности не могут влиять на гражданско-правовые отношения, в отличие от биологического и социального компонентов, поскольку являются сугубо личными переживаниями каждого индивида. А переживания сугубо личные если и могут воздействовать на социальные отношения, то лишь косвенно, опосредованно.

Принципиальным для науки гражданского права вопросом является соотношение между понятиями «индивид», «индивидуальность» и «личность». Важность данной проблемы обусловлена, в частности, тем, что в гражданском законодательстве используется термин «личность» в различных значениях, о чем речь пойдет ниже. А.Г. Асмолов определяет соотношение между индивидуальными свойствами человека, социально-типическими проявлениями личности и проявлениями индивидуальности личности как субъекта деятельности следующим образом: «Индивидом рождаются. Личностью становятся. Индивидуальность отстаивают» [11, с. 39].

Кроме того, С.Д. Максименко предлагает выделять в структуре личности типичное (то наиболее общее, что свойственно каждому человеку и характеризует личность вообще: ее сознание, активность, ум и эмоционально-волевые проявления, то есть то, чем один человек похож на других людей) и индивидуальное (то, что характеризует отдельного человека: его физические и психологические особенности, направленность, способности, черты характера и т. п., то есть то, чем отличается один человек от другого) [12, с. 90]. Представляется, что подобное структурирование личности имеет значение и для изучения ее роли в гражданском праве. В частности, именно индивидуальное в личности в ряде случаев влияет на динамику обязательств, связанных с личностью их сторон. Качества, отличающие каждого конкретного человека от любого другого, должны исследоваться с целью понимания особенностей указанной группы правоотношений.

В юридической литературе также приводятся определения понятия «личность». Согласно определению Е.А. Суханова, личность — это такой человек, который «обладает определенным уровнем психического развития; качества личности присущи психически здоровому человеку, достигшему определенного возраста, способному в силу своих интеллектуальных и духовных качеств быть участником общественных отношений, формировать свою позицию, отвечать за поступки» [13, с. 137]. Таким образом, цивилист отмечает в структуре личности и физиологический (психическое здоровье, возраст), и социальный (способность быть участником общественных отношений), и духовный (интеллектуальные и духовные качества) компоненты.

В связи с обсуждением категории «личность» возникают два вопроса: 1) каждый ли человек может считаться личностью?; 2) необходимо ли быть личностью, чтобы быть субъектом права? Одни авторы отвечают на первый вопрос положительно. В частности, Е.М. Бабосов полагает, «с точки зрения социологии личностью становится любой человек, не только выдающийся, чем-то выделяющийся, потому что все люди включены в общественные отношения и взаимодействия» [14, с. 259]. А.Г. Бережнов также утверждает, что «в человеческом обществе индивид рождается уже личностью, а не становится таковой впоследствии в зависимости от определенных обстоятельств» [15, с. 17]. При этом автор подчеркивает, что попытки проследить определенные различия между «человеком» и «личностью» в рамках любого человеческого общежития в принципе лишены научных оснований. Общество и личность — всегда парные категории. Если есть минимум социальности, то в той же мере возможна и необходима соответствующая личностная характеристика этой социальности в целом и каждого индивида в отдельности [15, с. 17].

Другие ученые исходят из того, что человек не рождается личностью, а становится ею. По мысли Э.В. Ильенкова, «процесс возникновения личности выступает как

процесс преобразования биологически заданного материала силами социальной действительности, существующей до, вне и совершенно независимо от этого материала» [16, с. 15]. Н.С. Малеин также отмечает, что «человеком рождаются, личностью становятся»; «личность формируется, развивается и проявляется в конкретных исторических условиях через участие в общественной жизни» [17, с. 81]. В.А. Белов придерживается аналогичной точки зрения, обосновывая ее, в частности, тем, что «человек, испытывающий потребность действовать и действующий сообразно переживаемым им эмоциям собственного достоинства, внутренней свободы, причастности ко всему, вокруг него происходящему, и ответственности за это, и есть личность в строгом смысле этого слова» [18, с. 78]. Ученый при этом отмечает, что сильная воля, гражданская позиция и собственное мнение – отличительные внешние качества личности» [18, с. 78]. Очевидно, что не каждому человеку присущи эти качества. Приведенный выше анализ позиций философов, психологов и социологов относительно того, что следует понимать под личностью, показывает, что считать равнозначными понятия «личность» и «человек» невозможно.

В связи с этим возникает второй вопрос: если не каждый человек может считаться личностью, то необходимо ли быть личностью, чтобы стать субъектом права? Ответ на данный вопрос также не является однозначным в литературе. Н.С. Малеин указывает: «Казалось бы, что субъектом права может быть (кроме государства, учреждений и организаций) гражданин, обладающий качеством личности: что личность как субъект общественных отношений одновременно является и субъектом правовых отношений, как части отношений общественных; что философско-социологическое понятие субъекта общественных отношений – личности – и юридическое понятие субъекта права – как участника общественных отношений, урегулированных правом, – соотносятся как целое и часть» [17, с. 82]. Ученый тем не менее отмечает, что «в исследованиях по общей теории права и отдельным правовым дисциплинам учение о субъекте права не всегда согласуется с философско-социологическим понятием личности как субъекта всех общественных отношений или соотношению этих категорий не придается существенного значения» [18, с. 79].

В.А. Белов пишет: «Способность быть субъектом гражданского права не зависит от того, является ли человек к тому же еще и личностью или нет. Иной подход требовал бы оставить за рамками внимания гражданского права (“за бортом” гражданских правоотношений) сперва недееспособных, затем новорожденных и престарелых лиц, необразованных и «политически неграмотных», морально неустойчивых и идеологически не определившихся и многих других граждан». Полагаем, что с данной позицией следует согласиться.

Однако в этом случае возникает вопрос, что следует подразумевать под субъектом права и как данное понятие соотносится с понятием «личность».

А.А. Мицкевич давал следующее определение понятию «субъекты права»: «Это люди и их организации, выступающие как носители предусмотренных законами государства прав и обязанностей. Наличие у лица или организации определенного круга прав и обязанностей и признанной законом возможности иметь другие права и обязанности, возникающие в процессе участия в общественной жизни (т. е. правоспособности), составляет характерное качество субъекта права, именуемое нами правосубъектностью» [19, с. 5]. С.Ф. Кечекьян под субъектом права понимал «а) лицо, участвующее или б) могущее участвовать в правоотношении. Поскольку под субъектом права понимается лицо, могущее быть участником правоотношения, понятие это сливается с понятием правоспособности. Поскольку же имеется в виду действительное участие лица в отдельных правоотношениях, под субъектом права понимается носитель прав и обязанностей в данном конкретном правоотношении» [20, с. 84].

Аналогичным образом понятие субъекта права определяла Р.О. Халфина, отмечавшая, что «в понятии субъекта права, в его традиционном понимании сливаются две основные характеристики: возможность участвовать в различных правоотношениях и реальное участие в них»; «при такой интерпретации понятие «субъект права» охватывает как потенциальные возможности, так и их реализацию» [21, с. 114–115]. Т.Н. Нешатаева также полагает, что субъектом права следует считать лицо или общественное образование, могущее участвовать в правоотношении, что предопределяется правовой нормой, наделяющей его юридическими правами и обязанностями [22, с. 69]. В.А. Белов к субъектам гражданского права относит лиц, «обладающих способностью к участию в фактических отношениях, облакаемых в гражданско-правовые формы, т. е. лиц, обладающих гражданской правоспособностью» [18, с. 78]. Таким образом, понятие субъекта права неразрывно связано с понятием правосубъектности. Ем В.С. понимает правосубъектность как «социально-правовую возможность субъекта быть участником гражданских правоотношений» [13, с. 125]. В.А. Белов отмечает, что гражданской правосубъектностью мы называем «совокупность тех свойств и качеств, естественно присущих тому или другому индивиду (объединению) или иной субстанции, которые позволяют признать за таковой свойство субъекта гражданского права» [18, с. 25]. Таким образом, правосубъектность – это общее свойство, позволяющее считать ту или иную сущность субъектом права, сводящееся к способности этой сущности быть носителем прав и обязанностей.

Далее следует определиться с тем, как соотносятся понятия «личность» и «субъект права». И.А. Кистяковский, используя термины «лицо» и «личность» как синонимы понятия «субъект права», указывал: «Понятие “человек” и понятие “лицо” – понятия различных категорий, совершенно не покрывающие друг друга. Человек – это понятие физическое, создание живой природы, обладающее бесконечным количеством свойств. Лицо – это понятие правовое, произведение правового порядка и обладатель единственного свойства – способности быть носителем прав и обязанностей» [23, с. 121]. Далее он также отмечал, что «те или другие физические или психологические свойства человека, и прежде всего воля, лежат вне правового понятия «личность», и отсутствием или наличием их может руководствоваться правовой порядок, возводя человека до понятия личности» [23, с. 122].

М.Ф. Орзих полагал, что «на правовом уровне сущностно-содержательные качества человека преобразуются, создается юридическая модель личности как фиксация системы ее качеств, обеспечивающих возможность включения человека в государственно-правовую сферу общественной жизни» [7, с. 37]. Далее он указывал, что «личность рассматривается в качестве субъекта права, физического лица, гражданина или более конкретно – в качестве истца, правонарушителя, арендатора, продавца» [7, с. 38]. Таким образом, мы видим, что право абстрагируется от конкретного человека. Оно выбирает качества, которые нужны, чтобы включить человека в правовую сферу, рассматривает личность как субъекта – носителя прав и обязанностей, юридическую абстрактную фигуру.

В том же ключе рассуждает и В.В. Груздев, обращающий внимание на «трансформацию человека в абстрактного субъекта прав, в юридическую персону, когда способность быть субъектом прав отрывается от индивидуальных свойств личности, перестает быть функцией ее действительной сознательной воли и становится чисто социальным свойством» [24, с. 23].

Таким образом, формулируя понятие субъекта права, мы должны абстрагироваться от свойств данного конкретного человека, данной конкретной личности и наделить его лишь такой характеристикой, которая позволит признать субъектом права необходимый круг лиц. Представляется, что подобной характеристикой является правосубъ-

ектность, то есть если личность максимально индивидуальна, включает в себя черты, характеризующие данного конкретного отдельного человека, то понятие «субъект права» эти индивидуальные черты по большей части оставляет без внимания. Говоря о субъекте права, мы абстрагируемся от человека, индивида и личности и подразумеваем исключительно правосубъектность.

И.А. Покровский применительно к гражданским правоотношениям подчеркивал, что все гражданско-правовые нормы «покоятся на предположении некоторого абстрактного человека, своего рода «гражданского человека», которого он определяет как «некоторую среднюю фигуру, представляющую эмпирическое суммирование потребностей и качеств, свойственных среднему в данной социальной среде и в данное время человеку» [2, с. 32]. Ученый при этом отмечает, что «фигура этого абстрактного, “гражданского” человека не вовсе лишена человеческих качеств»; «она гораздо живее и конкретнее общего понятия субъекта прав» [2, с. 32]. Таким образом, цивилист также указывает на абстрактность понятия «субъект права» и отсутствие в нем характеристик, присущих каждому отдельному человеку. Вместе с тем он наряду с понятием «субъект права» выделяет понятие так называемого «гражданского человека», которое, по нашему мнению, может занимать некое промежуточное положение между понятиями «личность» и «субъект права». Полагаем, что выработка такого понятия специально для гражданского права связана с его частным характером, который предопределяет большее внимание к каждому конкретному субъекту права, чем в других отраслях.

Право абстрагируется от конкретного человека, однако, несмотря на всю его нормативность, оно все же нуждается и в понятии «личность». В связи с этим термин «личность» в Гражданском кодексе РФ редко, но все-таки упоминается. Возникает вопрос, в каких случаях, в каком значении и с какими целями ГК РФ использует данное понятие. Следует сначала перечислить все случаи употребления термина «личность» в ГК РФ. К таким случаям относятся следующие:

- п. 1 ст. 150 ГК РФ, упоминающий «достоинство личности»;
- ст. 205 ГК РФ, называющая «причины пропуска срока исковой давности по обстоятельствам, связанным с личностью истца (тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т. п.)»;
- п. 1 ст. 336 ГК РФ, касающийся исключения из числа возможных предметов залога «требований, неразрывно связанных с личностью кредитора, в частности, требований об алиментах и о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью»;
- ст. 383 ГК РФ, касающаяся запрета перехода к другому лицу «прав, неразрывно связанных с личностью кредитора, в частности, требований об алиментах и о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью»;
- п. 2 ст. 388 ГК РФ, касающийся запрета без согласия должника уступки требования «по обязательству, в котором личность кредитора имеет существенное значение для должника»;
- ст. 418 ГК РФ, предусматривающая случаи прекращения обязательства смертью должника («если исполнение не может быть произведено без личного участия должника или обязательство иным образом неразрывно связано с личностью должника») и кредитора («если исполнение предназначено лично для кредитора либо обязательство иным образом неразрывно связано с личностью кредитора»);
- ст. 980 ГК РФ, предусматривающая в качестве одного из условий действия без поручения цель предотвращения вреда личности заинтересованного лица;
- ст. 1064 ГК РФ, упоминающая вред, причиненный личности гражданина;
- ст. 1112 ГК РФ, называющая в числе прав и обязанностей, не входящих в состав наследства, неразрывно связанные с личностью наследодателя, в частности, право на

алименты, право на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина;

– п. 3, 4 ст. 1125 ГК РФ, касающиеся документа, удостоверяющего личность гражданина (рукоприкладчика и свидетеля подписания завещания);

– п. 3 ст. 1126 ГК РФ, говорящий о документе, удостоверяющем личность гражданина (свидетеля подписания закрытого завещания);

– п. 2 ст. 1265 ГК РФ, в котором речь идет о раскрытии автором, опубликовавшим произведение под псевдонимом или анонимно, своей личности;

– п. 2 ст. 1281 ГК РФ, в котором упоминается раскрытие автором, опубликовавшим произведение под псевдонимом или анонимно, своей личности, а также о случаях, когда его личность более не подлежит сомнениям;

– п. 2 ст. 1419 ГК РФ, содержащий требования к наименованию селекционного достижения о том, что оно не должно вводить в заблуждение относительно личности его автора.

Обращает на себя внимание то, что право, используя термин «личность», решает три возможные задачи. Первая задача – идентификация (индивидуализация) лица (п. 3, 4 ст. 1125 ГК РФ, п. 3 ст. 1126 ГК РФ, п. 2 ст. 1265 ГК РФ, п. 2 ст. 1281 ГК РФ, п. 2 ст. 1419 ГК РФ), то есть установление тождества данного конкретного индивида и обладателя совокупности прав и обязанностей, которыми он представляется наделенным, то есть, по сути, индивидуализация субъекта права. Это могут быть права и обязанности рукоприкладчика, свидетеля подписания завещания, автора произведения, автора селекционного достижения. Таким образом, в этих случаях термин «личность» упоминается в значении «индивид» – данный конкретный человек, обладающий своими уникальными характеристиками.

Вторая задача – фиксация принадлежности личности каких-либо нематериальных благ и их влияние на гражданские правоотношения (п. 1 ст. 150 ГК РФ; ст. 205 ГК РФ; ст. 980 ГК РФ; ст. 1064 ГК РФ). В данном случае речь идет скорее о физических и психологических, чем о социальных характеристиках человека.

Третья задача употребления термина «личность» – отражение потенциала динамики того или иного правоотношения (п. 1 ст. 336 ГК РФ; ст. 383 ГК РФ; п. 2 ст. 388 ГК РФ; ст. 418 ГК РФ; ст. 1112 ГК РФ). Полагаем, что в данной группе норм личность проявляет себя наиболее ярким образом. Можно предположить, что это те немногие случаи, в которых абстрактный «гражданский человек» приобретает реальные очертания, где наряду с правами и обязанностями значимыми становятся его интересы, личные взаимоотношения с другими людьми, черты его характера, способности, профессиональные достижения, навыки и умения, то есть все, что характеризует его как личность, как члена общества.

Библиографический список

1. Кузнецова Н.С. Гражданское общество и личные неимущественные права // Личные неимущественные права: проблемы теории и практики применения: сб. статей и иных материалов / под ред. Р.А. Стефанчука. Киев: Юринком Интер, 2010. С. 38–49.

2. Покровский И.А. Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права // Вестник гражданского права. 1913. № 4. С. 30–50.

3. Пахман С.В. О значении личности в области гражданского права // Личные неимущественные права: проблемы теории и практики применения: сб. статей и иных материалов / под ред. Р.А. Стефанчука. Киев: Юринком Интер, 2010. С. 13–37.

4. Михайлова И.А. Личные неимущественные права и нематериальные блага: традиционное понимание и новые подходы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4. С. 3–9.

5. Рубинштейн С.Л. Теоретические вопросы психологии и проблемы личности // Психология личности. Тексты / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 28–34.
6. Додонов Б.И. О системе «личность» // Вопросы психологии. 1985. № 5.
7. Орзих М.Ф. Личность и право. М.: Юрид. лит., 1975. 112 с.
8. Орзих М.Ф. Право и личность. Вопросы теории правового воздействия на личность социалистического общества. Киев: Вища школа, 1978. 143 с.
9. Зборовский Г.Е. Общая социология: учебник. 3-е изд., испр. и доп. М.: Гардарики, 2004. 592 с.
10. Петровский В.А. К пониманию личности в психологии // Вопросы психологии. 1981. № 2. С. 40–52.
11. Асмолов А.Г. Историко-эволюционный подход к пониманию личности: проблемы и перспективы исследования // Вопросы психологии. 1986. № 1. С. 28–40.
12. Максименко С.Д. Общая психология. М.: Рефл-Бук, Ваклер, 2004. 528 с.
13. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1. Общая часть / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Волтерс Клувер, 2007 (авторы главы – С.М. Корнеев, А.Е. Шерстобитов). 720 с.
14. Бабосов Е.М. Общая социология. Минск: ТетраСистемс, 2004. 640 с.
15. Бережнов А.Г. Права личности: некоторые вопросы теории. М.: Изд-во МГУ, 1991. 142 с.
16. Ильенков Э.В. Что такое личность? // Психология личности. Тексты / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 11–19.
17. Малейн Н.С. Гражданский закон и права личности в СССР. М.: Юрид. лит., 1981. 216 с.
18. Белов В.А. Гражданское право: учебник. Т. II. Общая часть. Лица, блага, факты. 1093 с.
19. Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М.: Госюриздат, 1962. 212 с.
20. Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 187 с.
21. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974. 340 с.
22. Нешатаева Т.Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. М.: Дело, 1999. 272 с.
23. Кистяковский И.А. Понятие субъекта права // Журнал Министерства юстиции. 1903. № 8. С. 115–127.
24. Груздев В.В. Теория правового состояния личности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2012. 546 с.

References

1. Kuznetsova N.S. Civil society and personal non-property rights. *Lichnye neimushchestvennye prava: problemy teorii i praktiki primeneniia: sb. statei i inykh materialov / pod red. R.A. Stefanchuka* [Personal non-property rights: problems of theory and practice: collection of articles and other materials]. R.A. Stefanchuk (Ed.). Kiev, Iurinkom Inter, 2010 [in Russian].
2. Pokrovskiy I.A. Abstract and concrete person in the face of the civil law. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Civil Law Review], 1913, no. 4, pp. 30–50 [in Russian].
3. Pahman S.V. On the significance of the person in the civil law. *Lichnye neimushchestvennye prava: problemy teorii i praktiki primeneniia: sb. statei i inykh materialov / pod red. R.A. Stefanchuka* [Personal non-property rights: problems of theory and practice: collection of articles and other materials]. R.A. Stefanchuk (Ed.). Kiev, Iurinkom Inter, 2010 [in Russian].
4. Mikhailova I.A. Personal non-property rights and intangible benefits: traditional comprehension and new approaches. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Russian laws: experience, analysis and practice], 2012, no. 4 [in Russian].
5. Rubinshtein S.L. Theoretical issues of psychology and problems of personality. *Psychology of personality. Texts*. Yu.B. Gippenreyter, A.A. Puzyrey (Eds.). M., Izd-vo Mosk. un-та, 1982, pp. 28–34 [in Russian].
6. Dodonov B.I. About the system of personality. *Voprosy psikhologii*, 1985, no. 5. [in Russian].

7. Orzikh M.F. Personality and law. M., Iurid. lit., 1975, 112 p. [in Russian].
8. Orzikh M.F. Law and personality. Issues of the theory of legal influence on the personality in the socialistic society. Kiev, Vishcha shkola, 1978, 143 p. [in Russian].
9. Zborovskiy G.E. General sociology: textbook. 3rd ed., revised and enlarged. M., Gardariki, 2004, 592 p. [in Russian].
10. Petrovskiy V.A. On the perception of personality in the psychology. *Voprosy psikhologii*, 1981, no. 2, pp. 40–52 [in Russian].
11. Asmolov A.G. Historical and evolutionary approach to the perception of personality: problems and the perspectives of research. *Voprosy psikhologii*, 1986, no. 1, pp. 28–40 [in Russian].
12. Maximenko S.D. General psychology. M., Refl-Buk, Vakler, 2004, 528 p. [in Russian].
13. Civil law: textbook. In 4 Vols. Vol. 1: General part. E.A. Sukhanov (Ed.). M., Volters Kluver, 2007. (authors of chapter – S.M. Korneev, A.E. Sherstobitov), 720 p. [in Russian].
14. Babosov E.M. General sociology. Minsk, TetraSistems, 2004, 640 p. [in Russian].
15. Berezhnov A.G. Rights of the personality: some issues of theory. M., Izd-vo MGU, 1991, 142 p. [in Russian].
16. Ilyenkov E.V. What is personality? *Psychology of personality. Texts*. Yu.B. Gippenreyter, A.A. Puzyrey (Eds.). M., Izd-vo Mosk. un-ta, 1982, pp. 11–19 [in Russian].
17. Malein N.S. Civil law and the rights of personality in the USSR. M., Iurid. lit., 1981, 216 p. [in Russian].
18. Belov V.A. Civil law: textbook. Vol. 2: General part. Persons. Benefits. Facts. 1093 p. [in Russian].
19. Mitskevich A.V. Persons in the soviet law. M., Gosiurizdat, 1962, p. 5, 212 p. [in Russian].
20. Kechekyan S.F. Legal relations in the socialistic society. M., Izd-vo AN SSSR, 1958, 187 p. [in Russian].
21. Khalfina R.O. General theory of legal relations. M., Iurid. lit., 1974, 340 p. [in Russian].
22. Neshataeva T.N. International organizations and law. New tendencies in the international legal regulation. M., Delo, 1999, 272 p. [in Russian].
23. Kistyakovskiy I.A. Concept of the subject of law. *Zhurnal Ministerstva iustitsii* [Journal of the Ministry of Justice], 1903, no. 8, pp. 115–127 [in Russian].
24. Gruzdev V.V. *Teoriia pravovogo sostoiianiia lichnosti: avtoref. dis. ... d-ra iurid. nauk: 12.00.01* [Theory of legal condition of personality: Extended abstract of the Doctor's of Law thesis: 12.00.01]. Nizhny Novgorod, 2012, 546 p. [in Russian].

*E.I. Voronina**

TERM «PERSONALITY» AND ITS SIGNIFICANCE FOR CIVIL MATTERS

The article is dedicated to the consideration of the term «personality» and its significance for civil matters. The notions of «personality» in psychology, sociology and philosophy are studied. Afterwards the main characteristics of this category that are important for these fields of knowledge are marked from the point of view of the civil law. The term «personality» and “subject of law” are compared. The cases of the use of the term “personality” in the civil legislature are analyzed.

Key words: personality, law, individual, person, individuality, subject, legal personality.

* *Voronina Elena Igorevna* (cl@samsu.ru), Department of Civil and Entrepreneurial Law, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

ПРОЦЕСС ЛИКВИДАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИНАМИКИ ЕГО ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ

Статья посвящена исследованию способов реализации правосубъектности юридических лиц в процессе их ликвидации. Автор анализирует роль учредителей (участников), органа юридического лица, арбитражного управляющего и ликвидационной комиссии.

Ключевые слова: юридическое лицо, гражданская правосубъектность, ликвидация юридического лица.

Юридическое лицо как субъект гражданского права на отдельных стадиях своего существования может иметь различный объем гражданской правосубъектности, реализуемой указанными в законе способами. В частности, постепенное уменьшение объема гражданской правосубъектности указанного участника гражданских правоотношений происходит в процессе его ликвидации.

Как известно, ликвидация юридического лица влечет не только конкретные юридические последствия, но в конечном итоге приводит к его прекращению как субъекта гражданского права. Прежде всего отметим, что в литературе применительно к юридическому лицу, как правило, говорят о правоспособности и ее видах (общей и специальной). Дееспособность же данного субъекта гражданского права подробно не освещается, поскольку, по мнению многих авторов, в этом нет особой необходимости, так как в отличие от граждан у организации правоспособность и дееспособность возникают и прекращаются одновременно и существуют неразрывно [1]. В реальной действительности названный вопрос не имеет однозначного решения. К сожалению, внесенные в ГК РФ изменения, касающиеся юридических лиц, этот аспект их статуса практически не затрагивают. Заметим также, что традиционно считается, что во вне гражданская правосубъектность юридического лица реализуется через его органы, представителей и участников (применительно к корпоративным организациям). Однако следует иметь в виду, что при ликвидации названного субъекта права происходят не только внешние процессы, связанные в том числе и с реализацией собственно его гражданской правосубъектности, но и внутренние процедуры, которые могут иметь также и выход вовне.

В современной редакции п. 1 ст. 61 ГК, определяющей понятие ликвидации юридического лица, говорится об отсутствии в данном случае универсального правопреемства. Это означает, что при ликвидации юридического лица сингулярное правопреемство допускается, что вполне соответствует закону и реальному положению дел, поскольку возможен переход определенной части его имущества к другим лицам. Например, согласно п. 8 ст. 63 ГК РФ, имущество юридического лица, оставшееся после удовлетворения требований кредиторов, передается его учредителям (участ-

* © Лисецкий С.К., 2015

Лисецкий Сергей Константинович (cl@samsu.ru), кафедра гражданского и предпринимательского права, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

никам), имеющим вещные права на это имущество или корпоративные права в отношении юридического лица, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или учредительным документом юридического лица. При ликвидации некоммерческой организации оставшееся после удовлетворения требований кредиторов имущество направляется в соответствии с уставом некоммерческой организации на цели, для достижения которых она была создана, и (или) на благотворительные цели, если иное не установлено ГК РФ или другим законом.

Как справедливо подчеркивается в юридической литературе, с момента принятия решения о ликвидации основной целью функционирования юридического лица является его прекращение и поэтому право- и дееспособность ликвидируемой организации претерпевают изменения, объем их существенно ограничивается порядком и целями ликвидации [2]. С началом процедуры ликвидации юридического лица происходят существенные изменения и в способах реализации его правосубъектности, которые выражаются в целом ряде моментов.

Согласно п. 2 ст. 61 ГК РФ, юридическое лицо ликвидируется по решению его учредителей (участников) или органа юридического лица, уполномоченного на то учредительным документом. Следовательно, на начальной стадии ликвидации организации, осуществляемой в добровольном порядке, ее правосубъектность реализуется двумя способами: через действия учредителей (участников) или соответствующего органа.

Вопрос о соотношении понятий «учредитель» и «участник» юридического лица в литературе является дискуссионным. В частности, существует мнение, что статус учредителя прекращается с момента государственной регистрации юридического лица. Следовательно, никакие правовые отношения между юридическим лицом и его учредителями невозможны [3]. Сторонники другого взгляда считают, что статус учредителя сохраняется и в период функционирования юридического лица. Так, А.Ш. Хабибуллина полагает, что они оказывают управляющее воздействие на юридическое лицо, осуществляемое посредством органа управления, будучи включенным в его состав, либо как самостоятельный субъект управления. Причем, как утверждает автор, правовой статус и компетенция учредителя организации реализуются в действиях учредителя либо органа управления, в состав которого он входит [3]. Относительно последнего высказывания заметим, что действительно учредитель нередко входит в состав органа создаваемого им юридического лица, и его управленческое воздействие осуществляется как непосредственно, так и путем участия в органах организации. Однако полагаем, что с точки зрения способов реализации правосубъектности последней — это два самостоятельных способа. Названное обстоятельство особенно важно учитывать при анализе вопроса о способах реализации правосубъектности юридического лица на стадии его ликвидации, поскольку, как видим, законодатель строго различает субъектов, имеющих право принимать решение о ликвидации (учредители (участники) или орган). В зависимости от того, какой субъект имеет такое право, ГК по-разному решает вопросы, касающиеся разграничения их полномочий в процессе ликвидационной процедуры.

Правовой статус учредителя и его соотношение со статусом участника мы рассматриваем в так называемом динамическом аспекте. На стадии создания юридического лица субъект, создающий организацию, является учредителем (ст. 50.1 ГК РФ), а с началом ее функционирования его статус трансформируется: он становится участником, сохраняя при этом статус учредителя. Причем после создания юридического лица правовое положение учредителя ничем не будет отличаться от правового положения вновь принятых участников. Применительно к правам и обязанностям участников корпорации, например, ГК РФ об учредителях не упоминает (ст. 65.2, 67 ГК РФ).

Вместе с тем относительно утверждения устава организации, ее ликвидации говорится об учредителях (участниках) и др. (ст. 52, 62 и др.). Такой подход законодателя вполне оправдан, поскольку в зависимости от ситуации те или иные действия могут совершаться только учредителями (например, утверждение устава создаваемого юридического лица), или участниками, в число которых входят и учредители (в частности, утверждение внесенных в устав изменений).

Роль учредителя (участника) в процессе ликвидации организации не сводится только к их действиям, связанным собственно с самой процедурой ликвидации. При определенных условиях на них возлагаются обязанности по несению соответствующих имущественных затрат. В ГК РФ введено общее правило о том, что все действия по ликвидации юридического лица должны совершиться за счет имущества последнего, а при недостаточности такого имущества учредители (участники) юридического лица обязаны совершить указанные действия солидарно за свой счет (или такие расходы возлагаются на них солидарно по решению суда) (п. 5 ст. 61, п. 2 ст. 62 ГК). Причем при невозможности ликвидации юридического лица ввиду отсутствия средств на расходы, необходимые для его ликвидации, и невозможности возложить эти расходы на его учредителей (участников) юридическое лицо подлежит исключению из Единого государственного реестра юридических лиц в порядке, установленном законом о государственной регистрации юридических лиц (п. 6 ст. 62 ГК). Именно в этом состоит основное отличие учредителей (участников) юридического лица как субъектов, принимающих решение о ликвидации организации, от его органа.

В связи с этим необходимо остановиться на анализе некоторых легальных формулировок, в которых применительно к ликвидации юридического лица используются понятия «общее собрание участников» и «единогласное решение его участников». В ГК РФ устанавливается общее правило о том, что в корпорациях решение вопроса о ликвидации относится к исключительной компетенции ее высшего органа – общего собрания участников (п. 2 ст. 65.3. ГК РФ). Иное может быть предусмотрено самим ГК РФ или иным законом. Вопросы, отнесенные ГК и другими законами к исключительной компетенции высшего органа корпорации, не могут быть переданы им для решения другим органам корпорации, если иное не предусмотрено ГК или другим законом.

Рассмотрим данный вопрос применительно к обществу с ограниченной ответственностью. Согласно п. 1 ст. 92 ГК РФ, это юридическое лицо может быть ликвидировано добровольно по единогласному решению его участников. Вместе с тем в соответствии с п. 11 п. 2 ст. 33 Федерального закона от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» решение данного вопроса относится к компетенции общего собрания участников, которое (решение) принимается всеми участниками общества единогласно. В аспекте п. 2 ст. 61 ГК РФ возникает вопрос, кто имеет право принимать решение о ликвидации ООО: общее собрание участников или участники? Представляется, что указание в отношении общества с ограниченной ответственностью на единогласное решение его участников порождает неопределенность правового регулирования, которая должна быть устранена.

Как отмечается в литературе, право- и дееспособность ликвидируемой организации претерпевают изменения, объем их существенно ограничивается порядком и целями ликвидации, а органы юридического лица могут осуществлять полномочия только в рамках ликвидационных процедур. Компетенция высшего органа управления на стадии ликвидации также является ограниченной, но вместе с тем сохраняет свой руководящий характер [2]. Кроме того, на основе прежней редакции ГК РФ в судебной практике был сделан вывод о том, что закон не установил обязательное прекращение полномочий иных органов юридического лица с принятием решения о

ликвидации [4]. Однако из современной редакции ГК РФ нельзя сделать однозначного вывода о роли и порядке функционирования органов юридического лица, кроме того органа, который уполномочен на принятие решения о ликвидации. Рассматриваем такое положение дел как пробел в правовом регулировании. Не устраняют его и положения п. 4 ст. 62 ГК РФ, устанавливающие, что с момента назначения ликвидационной комиссии к ней переходят полномочия по управлению делами юридического лица, поскольку, как будет показано ниже, учредители (участники) или орган, которые приняли решение о ликвидации организации, продолжают играть в этот период определенную роль.

Согласно п. 5 ст. 61 ГК РФ, на его учредителей (участников) или на орган, уполномоченный на ликвидацию юридического лица его учредительным документом, могут быть возложены обязанности по осуществлению ликвидации этого субъекта и решением суда о ликвидации юридического лица. Неисполнение решения суда, в свою очередь, является основанием для осуществления этой процедуры арбитражным управляющим. Причем такая процедура производится за счет имущества юридического лица, что является совершенно новой нормой. Назначение арбитражного управляющего предусмотрено и в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения учредителями (участниками) юридического лица обязанностей по его ликвидации по иску заинтересованного лица или уполномоченного государственного органа, которые при наличии такого нарушения вправе потребовать в судебном порядке ликвидации организации (п. 5 ст. 62 ГК). Таким образом, при наличии определенных условий в процессе ликвидации юридического лица даже при отсутствии оснований для применения процедуры банкротства появляется фигура арбитражного управляющего, который реализует правосубъектность указанного субъекта права.

Далее, в соответствии с п. 3 ст. 62 ГК РФ учредители (участники) юридического лица или орган, принявшие решение о его ликвидации, назначают ликвидационную комиссию (ликвидатора) и устанавливают порядок и сроки ликвидации в соответствии с законом. В свою очередь, ликвидационная комиссия также наделяется ГК РФ определенными функциями по реализации правосубъектности юридического лица. Как отмечалось, с момента назначения ликвидационной комиссии к ней переходят полномочия по управлению делами юридического лица (п. 4 ст. 62 ГК РФ). Это означает, что по существу комиссия выступает неким аналогом органа юридического лица. Она обладает не только правами и обязанностями, реализуемыми внутри юридического лица (например, составляет промежуточный ликвидационный и ликвидационный балансы), но во внешней сфере. Так, согласно п. 4 ст. 63 ГК РФ, если имеющиеся у ликвидируемого юридического лица (кроме учреждений) денежные средства недостаточны для удовлетворения требований кредиторов, ликвидационная комиссия в установленном порядке осуществляет продажу имущества юридического лица. В силу п. 8 ст. 63 ГК РФ при наличии спора между учредителями (участниками) относительно того, кому следует передать вещь, она продается ликвидационной комиссией с торгов.

Кроме того, ликвидационная комиссия от имени ликвидируемого юридического лица выступает в суде (п. 4 ст. 62 ГК РФ). Таким образом, в качестве истца в суде выступает само юридическое лицо. Вместе с тем, согласно п. 4 ст. 64 ГК РФ, в случае отказа ликвидационной комиссии в удовлетворении требований кредитора либо уклонения от их рассмотрения кредитор вправе до утверждения ликвидационного баланса юридического лица обратиться в суд с иском к ликвидационной комиссии. Таким образом, в качестве ответчика в последнем случае называется сама ликвидационная комиссия. Из приведенных законоположений следует, что правовой статус ликвидационной комиссии страдает неопределенностью. В качестве кого она выступает как

элемент «правореализационного механизма» ликвидируемого юридического лица? Интересно отметить, что по общему правилу ГК говорит о ликвидационной комиссии именно как о едином целом и только применительно к ответственности употребляет понятие «член ликвидационной комиссии». Согласно п.2 ст. 64.1 ГК РФ, члены ликвидационной комиссии (ликвидатор) обязаны возместить убытки, причиненные ими учредителям (участникам) ликвидированного юридического лица или его кредиторам, по требованию последних в порядке и по основаниям, предусмотренным в ст. 53.1 ГК РФ. Вместе с тем на протяжении всего периода ликвидации определенную роль продолжают играть учредители (участники) или орган, которые приняли решение о ликвидации юридического лица. В частности, они утверждают промежуточный ликвидационный и ликвидационный балансы. Полагаем, что требует дальнейшей разработки вопрос о статусе ликвидационной комиссии, поскольку такие традиционные термины, как «субъект» или «лицо», к ней могут быть применены весьма условно.

Отметим также, что одна из главных особенностей регулирования порядка ликвидации юридического лица состоит в том, что теперь такой порядок согласован с процедурой банкротства, которая в случае ее возбуждения ведет к прекращению осуществляемой по общим правилам ликвидации юридического лица. Это, в свою очередь, означает, что в зависимости от применения той или иной процедуры ликвидации (общей или банкротства) используются различные способы реализации правосубъектности ликвидируемой организации.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что имеется настоятельная потребность в более четкой регламентации различных способов реализации правосубъектности юридического лица на стадии его ликвидации в аспекте распределения соответствующих функций.

Библиографический список

1. Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М.: Статут, 2005. 476 с.
2. Хабибуллина А.Ш. О правовом статусе и компетенции высшего органа управления и учредителя (участника) юридического лица на стадии ликвидации. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Субъекты правовых отношений, связанных с созданием и деятельностью акционерного общества (комментарий проекта изменений ГК РФ) // Законодательство. 2012. № 8. С. 32–42.
4. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 мая 2010 г. по делу № А55-18976/2009. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Kozlov N.V. Legal personality. M., Statut, 2005, 476 p. [in Russian].
2. Khabibullina A.Sh. On the legal status and competence of the supreme management body and the founder (participant) of legal entity under liquidation. The document is provided by ConsultantPlus [in Russian].
3. Kozlova N.V., Filippova S.Yu. Subjects of legal relations connected with the creation and operation of joint-stock company (comment of the draft of amendments to the Russian Civil Code). *Zakonodatel'stvo* [Legislation], 2012, no. 8, pp. 32–42 [in Russian].
4. Resolution of the Eleventh Arbitration Appellate Court dated 27 May, 2010 with regard to case № А55-18976/2009. Legal reference system ConsultantPlus [in Russian].

*S.K. Lisetskiy**

**PROCESS OF LIQUIDATION OF A LEGAL ENTITY AS A REFLECTION
OF DYNAMICS OF ITS LEGAL PERSONALITY**

The article is devoted to the study of methods of implementation of juridical personality of legal entities in the process of their liquidation. Author analyses the role of founders (participants), organs of legal entity, arbitral manager, and liquidation commission

Key words: legal entity, juridical personality, liquidation of a legal entity.

* *Lisetskiy Sergey Konstantinovich* (cl@samsu.ru), Department of Civil and Entrepreneurial Law, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

В статье рассматривается понятие секьюритизации в российской и зарубежной цивилистической доктрине, а также в законодательстве. Указанный вопрос исследуется с учетом новелл Гражданского кодекса Российской Федерации, законодательства о рынке ценных бумаг, проектов международных правовых актов. На базе проведенного анализа предлагается авторское определение секьюритизации, раскрывающее сущность данного правового явления как сложного фактического состава.

Ключевые слова: секьюритизация, актив, ценная бумага, финансовый инструмент, эмиссия, кредитный риск, специализированная финансовая организация, инвестор.

В настоящее время в Российской Федерации отсутствует закрепленное на законодательном уровне определение секьюритизации. В международной финансовой практике соответствующие отношения получили широкое распространение. Как справедливо отмечено в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации [1], на современном этапе в рамках отечественного правопорядка без существенных юридических рисков можно секьюритизировать только права (требования) по ипотечным кредитам. Таким образом, совершенствование правового регулирования и цивилистической теории в данной сфере представляется весьма актуальным.

Впервые секьюритизация как особая совокупность отношений, складывающихся на финансовых рынках, появилась в семидесятых годах двадцатого века в Соединенных Штатах Америки. В тот период ипотечные ценные бумаги фондировались в ценные бумаги федеральных агентств США. Затем в восьмидесятых годах участники фондового рынка в зарубежных странах начали переводить в ценные бумаги иные доходные активы. В девяностые годы двадцатого века в иностранных правопорядках начали выявлять проблемы, связанные с секьюритизацией. Например, повышенные риски при секьюритизации прав по кредитным договорам, исполнение обязательств по которым обеспечено залогом недвижимости, оцененной ненадлежащим образом. В такой ситуации производные ценные бумаги, выпущенные в результате секьюритизации вкладных, могут существенно понизиться в стоимости, что, в свою очередь, чревато нестабильностью на финансовых рынках. С учетом названных обстоятельств целесообразно сопоставить понятие секьюритизации в зарубежном законодательстве и правовой теории с отечественным для понимания сущности данного явления.

В иностранной юридической теории секьюритизация рассматривается как процесс, в рамках которого определенные разновидности активов объединяются в совокуп-

* © Максимкин Я.А., 2015

Максимкин Яков Александрович (yamaksimkin63@gmail.com), кафедра гражданского и предпринимательского права, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

ность с целью использования в качестве обеспечения выпуска процентных ценных бумаг [2]. Для отношений, складывающихся в процессе секьюритизации, характерно участие как минимум трех субъектов: первоначального правообладателя активов, специализированной финансовой организации – эмитента производных ценных бумаг, инвесторов – приобретателей производных ценных бумаг. В рамках секьюритизации активы правообладателя обособляются от иного имущества и передаются в управление специализированной финансовой организации. Обособленные активы получают иммунитет на случай банкротства правообладателя и в конкурсную массу не включаются. Основной целью деятельности специализированной финансовой организации является выпуск производных ценных бумаг, обеспеченных активами правообладателя, находящимися в ее управлении. В свою очередь, инвесторы приобретают производные ценные бумаги, выпущенные в рамках секьюритизации, при их размещении и последующем обращении.

В трудах зарубежных юристов секьюритизацию предлагается рассматривать также как процесс конвертации денежных средств, возникающих из активов или дебиторской задолженности правообладателя, в возвратные платежи последнему, в рамках этого процесса интерес правообладателя состоит в получении финансирования, обеспеченного активами или дебиторской задолженностью, посредством займа или эмиссии долговых ценных бумаг [3]. Таким образом, в данном определении особое значение придается финансированию, которое получает правообладатель в результате секьюритизации. Правообладатель передает принадлежащие ему активы в управление специализированной финансовой организации, соответственно, он заинтересован в получении доходов по результатам размещения долговых ценных бумаг данной организацией.

С учетом приведенных выше теоретических подходов к понятию секьюритизации в зарубежных правовых исследованиях ее можно определить как процесс, в рамках которого происходит объединение активов (ценных бумаг и иного имущества) правообладателя с последующим их обособлением, наделением иммунитетом от включения в конкурсную массу при банкротстве правообладателя и передачей в управление специализированной финансовой организации, осуществляющей эмиссию ценных бумаг, обеспеченных находящимися в ее управлении активами правообладателя, и предоставляющей финансирование правообладателю. В качестве признаков секьюритизации могут быть названы следующие: во-первых, субъектный состав предполагает наличие как минимум трех участников правоотношений, а именно – правообладателя, которому принадлежат активы; специализированной финансовой организации, осуществляющей управление активами и эмиссию ценных бумаг, а также инвестора – приобретателя ценных бумаг, обеспеченных активами; во-вторых, необходимость объединения активов правообладателя и передачи их специализированной финансовой организации в виде совокупности (пула), наделенной иммунитетом от взысканий кредиторов правообладателя, в том числе при его банкротстве; в-третьих, встречное предоставление правообладателю делает специализированная финансовая организация, как правило, в виде финансирования.

Правовое регулирование секьюритизации в мировой практике осуществляется как на международном, так и на государственном уровне. Наднациональным отраслевым регулятором отношений в банковской сфере, складывающихся в том числе при секьюритизации, выступает Базельский комитет по банковскому надзору, функционирующий при Банке международных расчетов. Документы, принятые Базельским комитетом по банковскому надзору, справедливо относятся учеными-юристами к форме «мягкого права», носящего преимущественно рекомендательный характер [4]. Тем не менее нельзя недооценивать значение актов данной организации, членами которой

являются представители центральных банков и органов финансового регулирования стран «группы десяти», а также иных крупнейших участников мирового рынка.

11 декабря 2014 года Базельским комитетом по банковскому надзору были опубликованы изменения к рамочному регулированию секьюритизации (документ «Базель III») [5]. Названный акт вступит в силу в полном объеме в январе 2018 года. Необходимость его издания была обусловлена финансовым кризисом 2007–2008 года, одной из причин которого явились злоупотребления участников фондового рынка, осуществлявших секьюритизацию низкокачественных ипотечных кредитов. Целью рамочного регулирования секьюритизации («Базель III») является реформирование стандартов банковской деятельности в данной сфере для противодействия кризисным явлениям в экономике. В свете реформирования отечественного гражданского права считаем целесообразным обратиться к рамочному регулированию секьюритизации («Базель III»), поскольку оно отражает передовой международный опыт нормирования подобных отношений.

Из пункта «а» параграфа 1 рамочного регулирования секьюритизации («Базель III») следует, что выработать единое определение секьюритизации затруднительно ввиду различного структурирования подобных сделок. Тем не менее в названном документе раскрывается понятие двух видов секьюритизации, а именно – традиционной и синтетической.

Под традиционной секьюритизацией в рамочном регулировании секьюритизации («Базель III») понимается структура, в которой денежный поток от лежащей в основе совокупности эмиссий используется для обслуживания как минимум двух различных стратифицированных позиций риска для активов или траншей, отражающих различные степени кредитного риска. Платежи инвесторам в случае традиционной секьюритизации зависят от осуществления лежащих в ее основе эмиссий, в свою очередь, основанных на имуществе, обособленном в целях секьюритизации. Как отмечается в рамочном регулировании секьюритизации («Базель III»), стратифицированные (разделенные на транши) структуры, характеризующие секьюритизацию, отличаются от обыкновенных приоритетных или субординированных долговых инструментов тем, что более поздние секьюритизационные транши могут покрывать финансовые потери без нарушения платежей по договорам в рамках более ранних траншей, тогда как субординация в обыкновенных приоритетных или субординированных долговых структурах регулируется путем определения очередности погашения требований по обязательствам, в том числе при ликвидации одного из участников секьюритизации.

Согласно рамочному регулированию секьюритизации («Базель III»), синтетической секьюритизацией является структура, в рамках которой существует как минимум две различные стратифицированные позиции риска для активов или траншей, которые отражают различные степени кредитного риска. Кредитный риск лежащих в основе секьюритизации эмиссий полностью или частично перераспределяется посредством использования гарантий (подобных независимой гарантии, предусмотренной статьей 368 Гражданского кодекса Российской Федерации) или фондируемых кредитных производных финансовых инструментов (например, кредитных нот – разновидностей облигаций, эмитируемых банками), или нефондируемых кредитных производных финансовых инструментов (в частности, кредитных дефолтных свопов – договоров, предусматривающих обязанность стороны вносить платежи другой стороне, которая, в свою очередь, обязуется выплатить доход первой стороне, если третье лицо – плательщик по кредитному (заемному) обязательству (из договора или облигации), которое является базисным активом для данного свопа, будет неплатежеспособен). Целью перераспределения кредитного риска является хеджирование – уменьшение (компенсация) неблагоприятных для хозяйствующего субъекта последствий,

например, возникновения убытка, недополучения прибыли, уменьшения выручки или рыночной стоимости имущества (в том числе имущественных прав), которое составляет актив в рамках секьюритизации. Соответственно, риски инвесторов в данном случае зависят от наличия или отсутствия прибыли от управления активом, в отношении которого проведена секьюритизация.

Зарубежные аналитики отмечают, что эмиссии при секьюритизации, предусмотренные рамочным регулированием секьюритизации («Базель III»), могут включать инвестиции в ценные бумаги, обеспеченные активами; сохранение субординированных траншей; повышение кредитоспособности; гарантии финансовых обязательств по приобретению ценных бумаг; процентные и валютные свопы, а также кредитные производные финансовые инструменты [6].

Таким образом, для рамочного регулирования секьюритизации («Базель III») характерно наиболее широкое понимание как традиционной, так и синтетической секьюритизации. Полагаем, что названный подход является результатом применения к процессам секьюритизации доктрины приоритета существа над формой, в рамках которой юридические последствия, вытекающие из отдельных сделок или их совокупности, определяются существом, а не формой таких сделок, а также концепции деловой цели, которая при толковании отдельной сделки или их совокупности исходит из экономического результата, на который направлены такие сделки. В целом рамочное регулирование секьюритизации («Базель III») направлено на создание механизмов учета и минимизации рисков при секьюритизации в условиях постоянно меняющегося фондового рынка и появления новых финансовых инструментов.

В настоящее время наблюдается изменение правового регулирования секьюритизации на уровне Европейского союза. Так, 30 сентября 2015 года Европейской комиссией был опубликован официальный законопроект, направленный на создание нового правового регулирования секьюритизации [7]. Как отмечают зарубежные правоведы, целью данного законопроекта являются построение единого механизма юридического нормирования секьюритизации, консолидация и обновление существующих норм [8]. В случае принятия указанного документа Европейским парламентом, он заменит ныне действующие Директивы 2009/65/ЕС, 2009/138/ЕС, 2011/61/EU, а также Правила (ЕС) № 1060/2009 и (EU) № 648/2012. В иностранной юридической прессе указывается на необходимость реформирования правового регулирования секьюритизации в Европейском союзе в свете финансового кризиса 2007–2008 годов. Считаем целесообразным рассмотреть определение секьюритизации, содержащееся в названном законопроекте.

Из статьи 2 законопроекта, подготовленного Европейской комиссией, следует, что секьюритизацией является сделка или их совокупность, в рамках которой кредитный риск, связанный с эмиссией или совокупностью эмиссий, разделяется на транши. Кредитный риск при секьюритизации характеризуется следующими признаками в совокупности: 1) платежи по сделке или их совокупности зависят от осуществления эмиссии или совокупности эмиссий; 2) от субординации траншей зависит распределение убытков при исполнении сделки или их совокупности. В соответствии с пунктом 6 статьи 2 данного законопроекта под траншем понимается установленная договором доля кредитного риска, связанная с эмиссией или совокупностью эмиссий, характеристики которой влекут больший или меньший риск кредитных убытков для ее держателя без учета обеспечения по кредиту, предоставленного третьими лицами непосредственно держателю доли или иным держателям.

Таким образом, законопроект, созданный Европейской комиссией, вслед за рамочным регулированием секьюритизации («Базель III») сосредоточен на правовом регулировании уменьшения рисков участников рассматриваемых правоотношений. В на-

званном законопроекте закреплены требования по раскрытию информации участниками секьюритизации, должной осмотрительности при совершении сделок, удержанию риска.

Специальные правовые акты, регулирующие секьюритизацию, принимаются и в государствах, входящих в состав Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества. Так, в Республике Казахстан данные правоотношения регулируются Законом Республики Казахстан от 20 февраля 2006 года № 126-III ЗРК «О проектном финансировании и секьюритизации» [9]. В соответствии со статьей 1 указанного закона секьюритизация – финансирование под уступку денежного требования путем выпуска облигаций, обеспеченных выделенными активами. В данном законе определение сделки секьюритизации обособлено от дефиниции секьюритизации в целом: согласно статье 1, под такой сделкой понимаются приобретение специальной финансовой компанией прав требования и выпуск облигаций, обеспеченных выделенными активами.

В Республике Армения также принят отдельный нормативный правовой акт, предмет регулирования которого являются соответствующие отношения, – Закон Республики Армения от 21 июня 2008 года № АЛ-96 «О секьюритизации активов и о ценных бумагах, обеспеченных активами» [10]. Из пункта 1 статьи 3 названного закона следует, что под секьюритизацией понимается процесс, в рамках которого первоначальный собственник активов или продавец отчуждает активы секьюритизационному фонду, предоставляя последнему все права, связанные с передачей указанных активов, тогда как секьюритизационный фонд выпускает ценные бумаги, обеспеченные приобретенными активами и платежами по ним.

Анализ упомянутых выше законодательных актов иностранных государств – членов Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества, а также сопоставление дефиниций секьюритизации, содержащихся в них, позволяет сделать вывод о различных подходах к секьюритизации, реализованных в данных законах. Закон Республики Казахстан от 20 февраля 2006 года № 126-III ЗРК «О проектном финансировании и секьюритизации» исходит из традиционного, узкого понимания секьюритизации, когда при ее осуществлении специализированные финансовые организации – приобретатели активов – выпускают облигации, обеспеченные такими активами. Однако современная финансовая практика свидетельствует о возможности эмиссии в рамках секьюритизации не только облигаций, но и иных финансовых инструментов, например, кредитных деривативов, процентных и валютных свопов. Данное обстоятельство отражено в параграфе 1 рамочного регулирования секьюритизации («Базель III»). Соответственно, содержащееся в статье 1 Закона Республики Казахстан от 20 февраля 2006 года № 126-III ЗРК «О проектном финансировании и секьюритизации» определение не в полной мере соответствует реальному положению дел.

Дефиниция секьюритизации в статье 3 Закона Республики Армения от 21 июня 2008 года № АЛ-96 «О секьюритизации активов и о ценных бумагах, обеспеченных активами» является более широкой по сравнению с толкованием данного понятия в статье 1 Закона Республики Казахстан от 20 февраля 2006 года № 126-III ЗРК «О проектном финансировании и секьюритизации». Согласно статье 28 указанного закона Республики Армения, в качестве ценных бумаг, обеспеченных приобретенными при секьюритизации активами, могут выступать не только облигации, но и сертификаты участия. Однако, на наш взгляд, ограничение перечня ценных бумаг, эмитируемых в процессе секьюритизации, нельзя признать удачным в свете непрерывного развития финансовых рынков и применения новых инструментов в рассматриваемых правоотношениях. Кроме того, из буквального толкования положений статьи 3 Зако-

на Республики Армения от 21 июня 2008 года № АЛ-96 «О секьюритизации активов и о ценных бумагах, обеспеченных активами» вытекает, что в рамках секьюритизации первоначальный собственник активов или продавец отчуждает активы секьюритизационному фонду. В то же время консолидация активов у специализированной финансовой организации, к каковой относится секьюритизационный фонд по законодательству Республики Армения, может быть осуществлена на практике не только путем их отчуждения, но и, например, посредством передачи их в доверительное управление.

Отечественное законодательство в настоящее время не содержит легального определения секьюритизации. Нет его и в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации. В то же время в ходе реформы гражданского законодательства некоторые нормы, которые могут быть применены при секьюритизации, были введены в российские нормативные правовые акты. К таковым можно отнести новую редакцию статей 142 и 149 Гражданского кодекса Российской Федерации [11] в части определения бездокументарных ценных бумаг, а также новеллы параграфа 3 главы 23 Гражданского кодекса Российской Федерации о залоге (статьи 358.1–358.17, регулирующие залог обязательственных прав, в том числе по договору банковского счета, залог прав участников юридических лиц, залог ценных бумаг). В Федеральный закон от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [12] была включена глава 3.1, посвященная особенностям создания, реорганизации, ликвидации, правового положения и деятельности специализированного общества – российского аналога специализированной финансовой организации в зарубежных правовых порядках, о которой было сказано выше. Отдельные нормы о секьюритизации существовали в российском законодательстве и до проводимой в настоящее время модернизации. В частности, из статьи 1 Федерального закона от 29 ноября 2001 года № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» [13] следует, что допускается привлечение денежных средств и иного имущества путем размещения акций или заключения договоров доверительного управления в целях их объединения и последующего инвестирования в объекты, определяемые в соответствии с данным законом. Глава 2 Федерального закона от 11 ноября 2003 года № 152-ФЗ «Об ипотечных ценных бумагах» [14] содержит нормы об эмиссии и обращении облигаций с ипотечным покрытием, т. е. о базовой форме секьюритизации, в которой в качестве секьюритизируемых активов выступают обеспеченные ипотекой требования о возврате основной суммы долга и (или) об уплате процентов по кредитным договорам и договорам займа, составляющие ипотечное покрытие. По результатам секьюритизации в соответствии с Федеральным законом от 11 ноября 2003 года № 152-ФЗ «Об ипотечных ценных бумагах» выпускаются и вводятся в оборот облигации с ипотечным покрытием. Однако до внесения изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации применение специальных федеральных законов было осложнено отсутствием необходимой правовой основы.

В отечественной цивилистической доктрине можно выделить два подхода к понятию секьюритизации. В соответствии с первой позицией секьюритизация представляет собой комплекс мер и правовых институтов по повышению ликвидности прав требования за счет формирования и обслуживания (управления) особого имущественного комплекса и эмиссии связанных с ним ценных бумаг с целью привлечения дополнительных денежных средств [15]. В приведенном определении наблюдается смешение секьюритизации как правового института в объективном смысле и мер, содержащихся в правовых актах, регулирующих данные общественные отношения. Кроме того, указанная дефиниция не позволяет установить, в чем состоит связь имущественного комплекса и эмиссии ценных бумаг.

Согласно второму подходу секьюритизация рассматривается как сделка со следующей структурой: 1) банк (оригинатор, инициатор сделки) продает обеспеченные ипотекой права требования по кредитам в пользу ипотечного агента; 2) ипотечный агент выпускает облигации, исполнение обязательств по которым обеспечивается залогом особого имущественного комплекса (ипотечного покрытия), состоящего в основном из совокупности проданных в пользу ипотечного агента активов; 3) исполнение обязательств ипотечного агента по облигациям синхронизируется с поступлениями по кредитам; 4) средства от размещения облигаций поступают от ипотечного агента в пользу банка-оригинатора в качестве покупной цены за проданный пул активов [16]. Правда, авторы приведенной выше дефиниции указывают, что после внесения изменений в Федеральный закон от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», регулирующих создание и деятельность специализированных обществ, структура секьюритизации в отечественном правовом порядке изменилась. Считаем, что секьюритизация не может быть сведена исключительно к сделке. В рамках секьюритизации эмитируются ценные бумаги и (или) иные финансовые инструменты. Эмиссия представляет собой сложный юридический состав, сочетающий действия эмитента, приобретателей, иных участников данных правоотношений (например, андеррайтеров), акты органов государственной власти, в котором сделки – лишь один из элементов.

С учетом изложенного выше предлагаем следующее теоретическое определение секьюритизации: это сложный фактический состав, направленный на получение финансирования, в рамках которого происходит передача имущественных активов от управомоченного лица в управление специализированному обществу, сопровождающаяся объединением и обособлением таких активов, а также распространением на них иммунитета на случай ликвидации управомоченного лица или обращения взыскания на его имущество, по результатам которой специализированное общество эмитирует ценные бумаги и (или) иные финансовые инструменты, прямо или косвенно обеспеченные названными активами, с субординацией обязательств и рисков по ним или без таковой, с целью последующего отчуждения выпущенных ценных бумаг и (или) иных финансовых инструментов инвесторам.

Библиографический список

1. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11.
2. Jobst Andreas. Back to basics: What is securitization? // Международный Валютный Фонд: официальный интернет-сайт. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2008/09/pdf/basics.pdf> (дата обращения: 27.10.2015).
3. Deacon John. Global Securitisation and CDOs. – Hoboken, NJ, USA: John Wiley & Sons, Incorporated, 2004. – 688 p.
4. Швейцарское финансовое право и международные стандарты = Schweizerisches Finanzmarktrecht und internationale Standards / П. Нобель; пер. с нем. Н. Сироткина, Ю. Волобуева, В. Иванова; науч. ред. И.Г. Хубер. 2-е русскояз. изд. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 1104 с.
5. Basel III Document. Revisions to the securitisation framework. Доступ с официального интернет-сайта Базельского комитета по банковскому надзору. URL: <http://www.bis.org/bcbs/publ/d303.pdf> (дата обращения: 28.10.2015).
6. Craske Meryn; Day, Stephen. Revisions to the Securitisation Framework: Final Rules published by the Basel Committee. // Cadwalader, Wickersham & Taft LLP. URL: <http://www.cadwalader.com/uploads/cfmemos/56318c38ce234a2e026229f5af2adb1.pdf> (дата обращения: 29.10.2015).

7. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council laying down common rules on securitisation and creating a European framework for simple, transparent and standardised securitisation and amending Directives 2009/65/EC, 2009/138/EC, 2011/61/EU and Regulations (EC) No 1060/2009 and (EU) No 648/2012. Доступ с официального интернет-сайта Европейской комиссии. URL: http://ec.europa.eu/finance/securities/docs/securitisation/com-2015-472_en.pdf (дата обращения: 29.10.2015).

8. Warbey, James; Goldfinch, John. CLOs & European risk retention: changes proposed in the new securitisation regulation. // Milbank. URL: <http://www.milbank.com/images/content/2/1/21746/10-5-15-CLOs-European-Risk-Retention-Alert.pdf> (дата обращения: 28.10.2015).

9. Закон Республики Казахстан от 20 февраля 2006 года № 126-III ЗРК «О проектном финансировании и секьюритизации». Доступ из ИПС «Законодательство стран СНГ». URL: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=10574 (дата обращения: 30.10.2015).

10. Закон Республики Армения от 21 июня 2008 года № АЛ-96 «О секьюритизации активов и о ценных бумагах, обеспеченных активами». Доступ с официального сайта Национального Собрания Республики Армения. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=3294&lang=eng> (дата обращения: 30.10.2015).

11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994г. // Собрание законодательства. 1994. №32. Ст. 3301.

12. Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22 апреля 1996г. // Собрание законодательства. 1996. №17. Ст. 1918.

13. Федеральный закон «Об инвестиционных фондах» от 29 ноября 2001 г. // Собрание законодательства. 2001. №49. Ст. 4562.

14. Федеральный закон «Об ипотечных ценных бумагах» от 11 ноября 2003 г. // Собрание законодательства. 2003. № 46 (ч. 2). Ст. 4448.

15. Бушев А.Ю. Секьюритизация как правовой институт по управлению рисками, возникающими у участников отношений по обороту прав требования на рынке ценных бумаг // Гражданское право. 2014. № 3. С. 7–11.

16. Калинин С.И., Ушаков О.В., Фильчуков А.А. Секьюритизация и проектное финансирование в России: новые правовые реалии // Закон. 2014. № 5. С. 171–179.

References

1. Concept of development of the civil law of Russian Federation (approved by the President's Council on codification and improvement of the civil law dated 07 October, 2009). *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Herald of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation], 2009, no. 11 [in Russian].

2. Jobst Andreas. Back to basics: What is securitization? *International Monetary Fund: official web-site*. Retrieved from: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2008/09/pdf/basics.pdf> (accessed 27.10.2015) [in English].

3. Deacon, John. *Global Securitisation and CDOs*. Hoboken, NJ, USA: John Wiley & Sons, Incorporated, 2004, 688 p. [in English]

4. Nobel P. *Swiss financial law and international standards = Schweizerisches Finanzmarktrecht und internationale Standards*; translated from German by N. Sirotkina, U. Volobueva, V. Ivanova; scientific editor I.G. Huber. 2nd Russian-language edition. M., Infotropik Media, 2012, 1104 p. [in Russian].

5. Basel III Document. Revisions to the securitisation framework. Access from the official web-site of Basel Committee on Banking Supervision. Retrieved from: <http://www.bis.org/bcbs/publ/d303.pdf> (accessed 28.10.2015) [in English].

6. Craske Merryn; Day Stephen. Revisions to the Securitisation Framework: Final Rules published by the Basel Committee. *Cadwalader, Wickersham & Taft LLP*. Retrieved from: <http://www.cadwalader.com/uploads/cfmemos/56318c38ce234a2e026229f5af2adbf1.pdf> (accessed 29.10.2015) [in English].

7. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council laying down common rules on securitisation and creating a European framework for simple, transparent and standardised securitisation and amending Directives 2009/65/EC, 2009/138/EC, 2011/61/EU and

Regulations (EC) No 1060/2009 and (EU) No 648/2012. Access from official web-site of European Commission. Retrieved from: http://ec.europa.eu/finance/securities/docs/securitisation/com-2015-472_en.pdf (accessed 29.10.2015) [in English].

8. Warbey James; Goldfinch John. CLOs & European risk retention: changes proposed in the new securitisation regulation. *Milbank*. Retrieved from: <http://www.milbank.com/images/content/2/1/21746/10-5-15-CLOs-European-Risk-Retention-Alert.pdf> (accessed 28.10.2015) [in English].

9. Law of Kazakhstan Republic dated 20.02.2006 № 126-III ZRK «On project financing and securitization». Access from legal information system «Legislation of the countries of CIS». Retrieved from: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=10574 (accessed 30.10.2015) [in Russian].

10. Law of the Republic of Armenia dated 21.06.2008 № AL-96 «On asset securitization and asset backed securities». Access from official web-site of the National Assembly of the Republic of Armenia. Retrieved from: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=3294&lang=eng> (accessed 30.10.2015) [in Russian].

11. Civil Code of the Russian Federation (first chapter) dated 30.11.1994. *Sobranie zakonodatel'stva* [Legislation Bulletin of the Russian Federation], 1994, no. 32, Art. 3301 [in Russian].

12. Federal Law dated 22.04.1996 № 39-FZ «On securities market». *Sobranie zakonodatel'stva* [Legislation Bulletin of the Russian Federation], 1996, no. 17, Art. 1918 [in Russian].

13. Federal Law dated 29.11.2001 № 156-FZ «On investment funds». *Sobranie zakonodatel'stva* [Legislation Bulletin of the Russian Federation], 2001, no. 49, Art. 4562 [in Russian].

14. Federal Law dated 11.11.2003 № 152-FZ «On mortgage-backed securities». *Sobranie zakonodatel'stva* [Legislation Bulletin of the Russian Federation], 2003, no. 46 (part 2), Art. 4448 [in Russian].

15. Bushev A.U. Securitization as a legal institute of risk management of participants of relations with regard to turnover of rights in action at the securities' market. *Grazhdanskoe pravo* [Civil law], 2014, no. 3, pp. 7 – 11 [in Russian].

16. Kalinin S.I., Ushakov O.V., Filchukov A.A. Securitization and project financing in Russia: new legal realities. *Zakon* [Law], 2014, no. 5, pp. 171 – 179 [in Russian].

Ya.A. Maksimkin*

ON THE ISSUE OF SECURITIZATION CONCEPT IN RUSSIAN AND FOREIGN CIVIL LAW

The concept of securitization in Russian and foreign civil doctrine and legislation is examined in the article. The mentioned question is analyzed with a glance on novels of the Civil Code of the Russian Federation, legislation on securities market, projects of international legal acts. The author's definition of securitization, which reveals the essence of this legal phenomenon as complex factual composition, is suggested on the basis of conducted research.

Key words: securitization, asset, security, financial instrument, emission, credit risk, special purpose company, investor.

* *Maksimkin Yakov Aleksandrovich* (yamaksimkin63@gmail.com), Department of Civil and Entrepreneurial Law, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 347

*Е.В. Рузанова**

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА: ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ КРИТЕРИИ

Статья посвящена определению характерных признаков гражданско-правовых обязательств как вида гражданских правоотношений и выявлению их классификационных критериев. Автор приходит к заключению, что обязательства представляют собой определенную юридическую модель взаимодействия субъектов. На основе различных позиций в статье делается вывод о том, что модели договорных и внедоговорных обязательств имеют существенные особенности (совокупность признаков), позволяющие говорить об обоснованности такой дихотомии. Указанные вопросы исследуются автором с учетом легальных нововведений в сферах общих положений об обязательствах.

Ключевые слова: гражданско-правовые обязательства, признаки обязательства, критерии деления обязательств, дихотомия, договорные и внедоговорные обязательства.

В настоящее время общая часть обязательственного права подверглась значительной корректировке, в целом базирующейся на Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (далее – Концепция) [1]. Новеллы затронули целый ряд вопросов, касающихся гражданско-правовых обязательств, в том числе понятия обязательства и легальных аспектов соотношения общего и специального регулирования в этой сфере.

Понятие гражданско-правового обязательства, как известно, является достаточно разработанным в цивилистической науке, и его современное легальное определение (ст. 307 ГК РФ) как устоявшееся практически не вызывает споров в юридической литературе. В силу же изменений, внесенных в Раздел III ГК «Общая часть обязательственного права», к числу совершаемых действий отнесены оказание услуги и внесение вклада в совместную деятельность (ст. 307 ГК РФ). Такое нововведение носит уточняющий характер и делает определение обязательства более полным.

В ретроспективном аспекте можно выделить три основных доктринальных подхода к определению обязательства, различающиеся в основном в расстановке акцентов: одни авторы придавали решающее значение праву требования [2, с. 391], другие – обязанности [3, с. 1], третьи же – объединяли обе эти трактовки [4, с. 4]. По мнению М.М. Агаркова, первые две позиции приводят практически к равнозначным дефинициям гражданско-правового обязательства, однако описание его понятия через право требования является более ясным [5, с. 14]. Мы не считаем принципиальным, о чем говорить в первую очередь, о праве или обязанности, поскольку они корреспондируют друг другу и взаимообусловлены. В дореволюционной литературе также широко

* © Рузанова Е.В., 2015

Рузанова Евгения Владимировна (cl@samsu.ru), кафедра гражданского и предпринимательского права, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

обсуждался и вопрос о связанности субъектов обязательства [6, с. 1–2]. Представляется, что связанность лиц в обязательстве является существенной в плане рассмотрения обязательства как относительного правоотношения, однако личный элемент обязательства имеет значение, как правило, в обязательствах, связанных с личностью.

Важной опорной точкой является и проблема объекта (иногда употребляется термин «предмет») данного правоотношения. Одной из самых распространенных позиций, представленной в том числе и в дореволюционной литературе, с которой мы солидарны, является признание таким объектом определенных действий (как в положительном, так и в отрицательном смысле) [7, с. 110–111; 8, с. 45]. Продолжает оставаться спорным также и активно дискутируемым в цивилистической литературе дореволюционного периода вопрос о возможности существования обязательств неимущественного характера. Сторонник признания такой возможности И.А. Покровский, в частности, писал, что «даже беглый пересмотр основных аргументов противников обязательств на действия неимущественные обнаруживает их полную несостоятельность» [9, с. 135]. Считаем аргументы, приведенные И.А. Покровским в обоснование своей позиции, весьма убедительными. Отметим также, что наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой в качестве обязательства «квалифицируется» только имущественное правоотношение [5, с. 38–42; 10, с. 36]. Полагаем, что нет никаких препятствий для признания неимущественных обязательств, тем более если учесть современные тенденции по повышению роли гражданского права в охране прав личности.

В доктрине относительно дефиниции и признаков обязательства как вида гражданских правоотношений практически разногласий нет. Как правило, подчеркивается, что оно опосредует процесс перемещения имущества или иных результатов труда имущественного характера; оно является относительным правоотношением; обязанность субъекта не исчерпывается пассивным поведением, он, как правило, должен совершить некое действие; также внимание акцентируется на праве одного лица требовать определенного поведения от другого участника правоотношения. Поскольку, с нашей точки зрения, обязательства могут быть и неимущественными, то первый признак необходимо дополнить указанием на совершение действий неимущественного характера. Традиционно под обязательством понимается такое урегулированное нормами гражданского права отношение, в силу которого одно лицо (кредитор) вправе требовать от другого лица (должника) совершения определенных действий либо воздержания от их совершения [5, с. 13]. Иногда указывается и на дополнительные его черты. Так, О.С. Иоффе, кроме всего прочего, говорил об обязательстве как правоотношении «по перемещению имущества и иных результатов труда» [10, с. 6]. В определении обязательственного права, сформулированном немецким исследователем Л. Эннексерусом, например, особое внимание обращается на интерес кредитора: «обязательственное право есть право одного лица (кредитора) по отношению к другому лицу (должнику) на исполнение, точнее, на удовлетворение заслуживающего защиты интереса» [12, с. 268]. Отметим, что в легальном определении обязательства делается акцент на обязанности должника.

Как указывалось в Концепции, в общих положениях, определяющих понятие обязательства, явно недоставало норм, которые позволяли бы классифицировать обязательства на отдельные виды и определить особенности правового регулирования указанных отдельных видов обязательств. Предлагалось также дополнить статью 307 ГК РФ положением о порядке применения общих положений об обязательствах к отдельным видам обязательств — договорным и внедоговорным, а также о возможности их применения к другим относительным правоотношениям (реституционным, корпоративным и т. п.), если иное не предусмотрено ГК и иными законами и не

вытекает из существа указанных правоотношений. Это положение Концепции нашло воплощение в новой статье 307.1, которая установила последовательность применения правил ГК об обязательствах в зависимости от того, является ли обязательство договорным или внедоговорным. Теперь общие положения об обязательствах применяются и к требованиям, возникшим из корпоративных отношений, и к требованиям, связанным с применением последствий недействительности сделки. Эти положения применяются, поскольку иное не установлено ГК РФ, иными законами или не вытекает из существа соответствующих отношений. Действительно, нередко возникают не только правоотношения, являющиеся собственно обязательственными, но близкие к ним, например, обязательства сторон, возникающие из корпоративного договора (ст. 67.2 ГК РФ).

В цивилистической литературе предлагались и предлагаются самые различные членения обязательств, как имеющие, так не имеющие какого-либо определенного классификационного критерия. Так, Н.Б. Новицкий и Л.А. Лунц различали; во-первых, обязательства, возникающие на основе плана (основную часть которых составляли обязательства, возникающие из договоров); во-вторых, обязательства, не охватываемые планированием (включающие договоры между гражданами; обязательства, возникающие из односторонних актов, и алиментные обязательства), в-третьих, обязательства, способствующие нормальному развитию отношений первых двух групп путем возмещения потерь в имуществе, необоснованных или вызванных неправомерными действиями (к числу которых относились обязательства из причинения вреда или неосновательного обогащения). Как видим, здесь единый критерий классификации отсутствует. Вместе с тем такая градация обязательств реально отражала особенности правового регулирования отдельных групп обязательств и имела практическое значение [8, с. 77].

В свое время О.С. Иоффе, говоря о значении классификации обязательств, справедливо подчеркивал, что она преследует методические, теоретические, практические цели [11, с. 86]. Деление обязательств как с целью построения единой системы обязательств, так и для решения частных вопросов в равной мере необходимо, поскольку позволяет более глубоко проникнуть в суть предмета изучения. В литературе разграничение обязательств осуществляется двумя основными способами: через определение критериев их дифференциации и (или) путем выявления совокупности специфических признаков каждого из видов. Считаем, что число таких признаков в принципе может быть любым, в отличие от критерия, который для конкретной классификации должен быть только один. В доктрине нередко используется и такой прием, как «вычленение» отдельных видов обязательств без определения критерия их обособления. Названный подход имеет право на существование, поскольку он расширяет возможности изучения данного правового явления.

В настоящее время можно считать общепринятой классификацию обязательств на регулятивные и охранительные (в зависимости от цели) и на договорные и внедоговорные (в зависимости от оснований возникновения) [11, с. 25]. Относительно последнего деления в литературе отсутствует единство мнений по вопросу о «составе» внедоговорных обязательств и о том, является ли такое деление «всеохватывающим». С определенной долей условности можно говорить о широком и узком подходах к пониманию внедоговорных обязательств.

Сторонники широкого подхода включают в их состав обязательства, которые возникают не на основании договора, а из других юридических фактов, и считают, что такая классификация охватывает всю совокупность гражданско-правовых обязательств. Внедоговорные обязательства, по их мнению, включают в себя все обязательства, порождаемые «независимо от соглашения его участников» [14, с. 117], или по осно-

ваниям их возникновения, находящимся «за пределами договоров» [15, с. 42]. Как известно, О.С. Иоффе, рассматривающий деление обязательств на договорные и внедоговорные в качестве основной их классификации, обращал внимание на то обстоятельство, что по цивилистической традиции имеет место отождествление внедоговорных и деликтных обязательств. Общий недостаток такого подхода, по мнению ученого, состоит в «выпадении» ряда обязательств (возникающих из односторонних сделок, неосновательного обогащения, спасания социалистического имущества и порождаемых плановыми актами) [11, с. 79].

Авторы, придерживающиеся узкой трактовки, исходят из того, что внедоговорные обязательства охватывают только охранительные (иногда называемые правоохранительными) обязательства. Причем классификации обязательств по основаниям их возникновения, предлагаемые сторонниками данного взгляда, существенно различаются. Так, одни ученые выделяют обязательства из договоров и иных (односторонних) сделок; обязательства из неправомерных действий; обязательства из иных юридических фактов [16, с. 43], а другие – обязательства, возникающие из договоров; внедоговорные обязательства; обязательства, возникающие из административных актов и односторонних сделок (из односторонних волевых действий) [17, с. 428], и т. д. Объединяет же указанные позиции не только узкое понимание внедоговорных обязательств, но и трехчленное деление всех обязательств.

Е.А. Суханов назвал попытку сохранения двучленной градации данных правоотношений путем расширения состава внедоговорных обязательств за счет включения некоторых других обязательств, возникающих не из договоров (например, обязательств, возникающих из односторонних сделок), неудачной [16, с. 42–43]. Причина такого положения дел, как полагает автор, кроется в искусственном разделении однородных по сути обязательств (основанных на сделках) и в объединении в одну группу обязательств из правомерных действий (сделок) и из правонарушений. В связи с этим он видит более логичным разделить все обязательства на регулятивные (договорные и иные обязательства правомерной направленности) и охранительные (из причинения вреда и из неосновательного обогащения). По нашему мнению, последнее деление обязательств имеет самостоятельное значение, поскольку базируется на собственном классификационном критерии и по этой причине не может подменять другие классификации.

Полагаем, что прямо противопоставлять приведенные выше двучленное и трехчленное деления обязательств нельзя, так как предыдущее изложение свидетельствует скорее о разной степени детализации классификационной системы, нежели о различиях принципиального характера.

С методологической точки зрения считаем верной высказанную в литературе идею построения системы обязательств на основе последовательно осуществляемой многоступенчатой классификации. Суть ее, по мысли Н.Д. Егорова, состоит в том, чтобы использовать единый классификационный критерий применительно к отдельной ступени классификации [14, с. 117–118]. Базируясь на таком подходе, автор формирует систему обязательств путем их деления первоначально на типы, далее, типы на группы, группы на виды, виды на подвиды и формы. В частности, договорные и внедоговорные обязательства им отнесены к типам. Следует заметить, что автор не совсем последователен, решая вопрос о построении системы обязательств. Так, в качестве наиболее общей (первичной) классификации обязательств Н.Д. Егоров использует их деление на две основные группы: охранительные и регулятивные [18, с. 544–575]. Однако сам же ученый рассматривает группу в качестве более дробного деления по сравнению с типом.

Отметим, что в литературе используется самая различная классификационная терминология. Так, Е.А. Суханов по основаниям возникновения делит обязательства на группы, а договорные обязательства как вид обязательств (входящих в одну группу с обязательствами из односторонних сделок) — на типы, типы договорных обязательств, в свою очередь, на виды, подвиды, разновидности [16, с. 43]. В принципе с соответствующими пояснениями авторов допустима любая терминология. Однако традиционно типология выражает более высокий уровень обобщения, нежели видовое деление.

Возвращаясь к вопросу о делении обязательств на договорные и внедоговорные, заметим, что даже использование одного критерия (в нашем случае — основания возникновения обязательств) не исключает получение различных классификационных результатов. Он зависит от того, какие конкретные цели ставятся исследователем. Так, если для автора приоритетным является «сделочная» природа обязательств, то объединение их в одну группу (тип, вид и т. д.) выглядит вполне логичным. Однако если требуется принципиально обособить договорные обязательства (как базирующиеся исключительно на согласованной воле участников), то дихотомия (договорные — внедоговорные обязательства в широком понимании) вполне допустима. Сказанное не означает, что нет никаких объективных классификационных подходов и что все зависит исключительно от усмотрения ученых. Спор между сторонниками соответственно двучленного и трехчленного деления обязательств в основном сводится к тому, насколько близка природа объединяемых в одну группу обязательств.

Как известно, особенность гражданско-правовых обязательств как вида правоотношений состоит в том, что они представляют собой определенную юридическую модель взаимодействия субъектов. Именно в оформлении такого взаимодействия и состоит «предназначение» обязательств, их правовая сущность. Эта модель в статическом состоянии уже заложена в порождающих обязательство юридических фактах, однако «степень» и способ такого моделирования различны: они зависят от особенностей юридического факта. Поэтому с точки зрения связи «юридический факт — обязательство» в ракурсе оценки точности (целесообразности) выбора классификационного критерия, по нашему мнению, речь должна идти о критерии степени влияния юридического факта на содержание обязательства, которая предопределяет «качество» названной связи.

Думается, что на содержание обязательств влияют определенные качества юридических фактов, которые не являются первостепенными при общей классификации последних как оснований возникновения (изменения и прекращения) гражданских правоотношений. Действительно, сделки относятся к одной группе юридических фактов. Но эта «близость» имеет конститутивное значение прежде всего для гражданского правоотношения в целом, а не для обязательства.

Как известно, основная масса обязательств в гражданском праве возникает из договоров, поскольку именно договор «приспособлен» (специально предназначен) для «порождения» не просто правоотношения, а его конкретного вида — обязательства. Как известно, договорные обязательства составляют основу и суть гражданского оборота. В гражданско-правовом договоре модель обязательства полностью описана. Трансформируясь в обязательство, она (модель) просто начинает функционировать по договорной логике, определяемой согласованной волей сторон. Таким образом, порождаемые договорами обязательства имеют принципиальные отличия от всех иных (возникающих из других юридических фактов) обязательств: их содержание определяется взаимной волей сторон (соглашением сторон), реализуемой в рамках закона. Поэтому движение от договора к обязательству происходит в виде перехода модели взаимодействия субъектов из статического состояния в динамическое, что свидетельствует и

о наличии непосредственной связи между договорным обязательством и порождающим его юридическим фактом. Предусмотренная же в законе модель внедоговорного обязательства не выступает его «содержательным продолжением», а лишь предопределяется спецификой юридического факта (юридического состава). «Качество» связи внедоговорных обязательств с юридическим фактом здесь иное: последний лишь порождает такие обязательства, но их содержание определяется либо исключительно законом, либо законом и волей одного из участников обязательства. Таким образом, внедоговорные обязательства функционируют «по логике закона». В силу сказанного и в рассматриваемом аспекте порождаемые договорами и односторонними сделками обязательства в большей мере разнятся между собой, чем обязательства из односторонних сделок и охранительные обязательства. Нельзя сбрасывать со счетов также сложившиеся традиции в этом вопросе и удобство в использовании двучленной классификации.

При таком подходе разнородность «всех иных обязательств», с нашей точки зрения, вполне может быть учтена на следующих этапах деления без ущерба для целостности классификации. Таким образом, двучленное деление, ориентированное на объединение обязательств, находящихся за пределами договоров («всех иных обязательств»), вполне оправдано как с методической и теоретической, так и практической точек зрения.

Как известно, группа (тип) договорных обязательств имеет собственные признаки, изучение которых не требует их сравнения с внедоговорными обязательствами. В этом смысле они как бы самодостаточны. Напротив, построение системы признаков внедоговорных обязательств не будет полноценным без их сравнения с договорными обязательствами, поскольку такое деление обязательств основано не на единстве первых, а на их отличиях от вторых. Типовое единство внедоговорных обязательств, таким образом, является некой альтернативой единству договорных обязательств. По мнению же С.С. Алексеева, договорные и внедоговорные обязательства вообще не могут рассматриваться как правоотношения, находящиеся в одной плоскости, поскольку последние выполняют только одну из многих функций обязательств, порождаемых правомерными действиями (правоохранительную функцию), в силу чего они в принципе несопоставимы [19, с. 41–42]. Главная же особенность формирования признаков внедоговорных обязательств состоит в том, что каждый из таких признаков, как правило, вариативен, поскольку эти обязательства разнообразны.

Интересно отметить, что в юридической литературе мало внимания уделяется изучению признаков внедоговорных обязательств. В основном эти обязательства характеризуются через негативный признак (они возникают не на основании договора), на что совершенно верно обратил внимание В.А. Носов, предпринявший в целом удачную попытку систематизировать такие признаки. В частности, он подчеркивает, что внедоговорные обязательства возникают в результате действий одного лица, их содержание определяется волей одного лица (которое может и не быть участником обязательства) или устанавливается законом, они носят внезапный характер [15, с. 41–43]. Поддерживая в целом изложенный подход, мы считаем необходимым внести в предложенные автором признаки некоторые уточнения. Например, такой признак внедоговорных обязательств, как их возникновение в результате действий одного лица, следует дополнить указанием на возможность осуществления действий несколькими лицами (в частности, при совместном причинении вреда).

Сказанное позволяет вывести совокупность признаков (черт), характеризующих внедоговорные обязательства. Черты указанных правоотношений всегда вариативны, так как внедоговорные обязательства многообразны и их выделение базируется на принципиальных отличиях от договорных обязательств. Вместе с тем использование

указанного приема разграничения договорных и внедоговорных обязательств не порождает утверждения о том, что последние являются отдельным видом обязательств.

Во-первых, внедоговорные и договорные обязательства, как отмечалось, разнятся по соотношению с юридическим фактом, их породившим. Если рассматривать эти обязательства через призму их различий на уровне модели, то можно сделать следующий вывод: в отличие от договорных внедоговорные обязательства не являются «продолжением» юридического факта, они существуют либо в качестве некоей противоположности ему (в охранительных обязательствах), либо как относительно автономная конструкция (модель), для возникновения которой первоначального (единственного) юридического факта недостаточно. Так, для возникновения обязательств из односторонних сделок, кроме первоначальной сделки, как правило, необходимы дополнительные действия другого лица (лиц). Таким образом, сама модель внедоговорного обязательства не выступает здесь простым «слепок» юридического факта.

Во-вторых, юридические факты, влекущие возникновение внедоговорных обязательств, могут быть как правомерными, так и неправомерными. Некоторые внедоговорные обязательства изначально возникают в форме гражданско-правовой ответственности (например, обязательства вследствие причинения вреда, порожденные правонарушениями), а договор, как известно, всегда является действием правомерным. Ответственность же может наступить только как результат неисполнения или ненадлежащего исполнения договора.

В-третьих, внедоговорные и договорные обязательства существенно различаются по способам установления их содержания: содержание первых определяется либо исключительно законом, либо законом и волей одного из участников обязательства, а содержание вторых – взаимной волей сторон (соглашением участников), сформированной в соответствии с законом и на основе принципа свободы договора. Поэтому субъекты внедоговорного обязательства (в отличие от договорного) лишены возможности или в значительной мере ограничены в возможности влиять на содержание обязательства в период его существования (например, изменять содержание). Как отмечалось, в литературе иногда указывается на внезапный характер внедоговорных обязательств, под которым понимается то, что субъекты обязательства предварительно не договариваются, не устанавливают его содержания [15, с. 42].

В-четвертых, различия изучаемых обязательств заключаются и в их «субъектной составляющей», что проявляется в следующем:

а) лицо, являющееся «субъектом» на стадии юридического факта, может и не быть участником внедоговорного обязательства. Например, наследодатель по понятным причинам не может участвовать в обязательствах, возникших в силу завещательного отказа или возложения; малолетний не может выступать субъектом ответственности за причинение им вреда и т. д. Обозначенная особенность оказывает влияние на адресную направленность субъективного права, являющегося элементом содержания обязательства: его носитель обращает свое право требования к являющемуся участником обязательства обязанному лицу, которое «не создавало» юридический факт;

б) носитель права во внедоговорном обязательстве до определенного момента вообще может не знать о том, что он станет управомоченной стороной [15, с. 41–43]. В качестве примера может служить названное выше обязательство, возникшее в силу завещательного отказа или возложения;

в) лицо, действия которого являются юридическим фактом, порождающим обязательство, или первым юридическим фактом в правообразующем юридическом составе (если это лицо является субъектом обязательства, например, причинителя вреда – малолетний таковым быть не может), в возникшем правоотношении всегда занимает положение обязанной стороны (или носителя основной обязанности).

Таким образом, модели договорных и внедоговорных обязательств имеют существенные особенности (совокупность признаков), позволяющие сделать вывод об обоснованности дихотомии: договорные и внедоговорные обязательства. В свете сказанного видится уместным привести классификацию обязательств, предложенную Р. Саватье. По основаниям их возникновения он выделяет обязательства из волеизъявления людей (выражающиеся в договоре или односторонних обязательствах) и из возмещения, к которому право обязывает людей («обязательства возмещения»). Общим для «обязательства возмещения» является то, что обязанность в них возникает автоматически, выражается, как правило, в деньгах, в возмещении уничтоженного или потребленного имущества. Поскольку договор страхования направлен на достижение аналогичного результата, то он также отнесен автором к группе последних [10, с. 49].

Как свидетельствует предыдущее изложение, принципиальная особенность научного анализа данного деления заключается в том, что его полнота и всесторонность обеспечивается одновременным использованием (органичным сочетанием) названных выше основных способов разграничения обязательств: путем определения критерия дифференциации и выявления совокупности их специфических признаков.

В литературе в зависимости от позиции относительно критериев деления внедоговорных обязательств по-разному определяется и их количественный и качественный состав. Так, С.М. Корнеев к числу внедоговорных обязательств относит только два первых из указанных обязательств [16, с. 176]. На основе подхода, изложенного выше, к внедоговорным обязательствам мы относим: обязательства вследствие причинения вреда, кондикционные обязательства, обязательства, возникающие из односторонних действий.

Библиографический список

1. Федеральный закон «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» от 8 марта 2015 г. ФЗ № 42-ФЗ // Собрание законодательства. 2015. № 10. Ст. 1412.
2. Мейер Д.И. Русское гражданское право. СПб., 1864. 789 с.
3. Голевинский В. О происхождении и делении обязательств. Варшава: Тип. О. Бергера, 1872. 175 с.
4. Анненков К. Система русского гражданского права. Т. 3. Права обязательственные. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. 477 с.
5. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М.: Тип. Известий Советов депутатов трудящихся СССР, 1940. 175 с.
6. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1915. Т. 2. 461 с.
7. Кавелин К. Права и обязанности по имуществам и обязательствам в применении к русскому законодательству. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1879. 416 с.
8. Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М.: Госюриздат, 1950. 416 с.
9. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. 353 с.
10. Саватье Р. Теория обязательств / пер. с фр. и вступ. ст. Р.О. Халфиной. М.: Прогресс, 1972. 440 с.
11. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975. 880 с.
12. Эннексерус Л. Курс германского гражданского права: Введение и общая часть. М.: Изд-во иностр. лит., 1949. 436 с.
13. Иоффе О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. Ч. 2. 880 с.
14. Егоров Н.Д. Гражданско-правовое регулирование экономических отношений: учебное пособие. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 213 с.

15. Носов В.А. Понятие внедоговорных обязательств. Защита субъективных прав и советское гражданское судопроизводство: межвуз. тематический сборник / под ред. П.Ф. Елисейкина. Ярославль, 1977. С. 38–43.
16. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2: Обязательственное право / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2010. 958 с.
17. Советское гражданское право: учебник: в 2 ч. / под ред. В.А. Рясенцева М.: Юрид. лит., 1986. Ч. 1. 560 с.
18. Гражданское право: учебник: в 3 т. / отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. М.: Велби: Проспект, 2006. Т. 1. 784 с.
19. Алексеев С.С. Предмет советского гражданского права и метод гражданско-правового регулирования // Антология уральской цивилистики 1925–1989: сб. ст. М.: Статут, 2001. С. 7–54.

References

1. Federal Law «On Amendments Being Made to Part One of the Civil Code of the Russian Federation» dated 8 March, 2015, FZ № 42-FZ. *Sobranie zakonodatel'stva* [Legislation Bulletin of the Russian Federation], 2015, no. 10, Art. 1412 [in Russian].
2. Meyer D.I. Russian civil law. SPb., 1864, 789 p. [in Russian].
3. Golevinsky V.O. On the origin and division of obligations. Warsaw, Tip. O. Bergera, 1872, 175 p. [in Russian].
4. Annenkov K. Russian civil law system. Vol. 3. Rights of obligation. SPb., Tip. M.M. Stasiulevicha, 1898, 477 p. [in Russian].
5. Agarkov M.M. Commitment for the Soviet civil law. M., Tip. Izvestii Sovetov deputatov trudiaschikhhsia SSSR, 1940, 175 p. [in Russian].
6. Shershenevich G.F. Textbook of Russian civil law. M., Izdanie Br. Bashmakovykh, 1915, Vol. 2, 461 p. [in Russian].
7. Kavelin K. Rights and obligations on property and obligations as applied to the Russian legislation. SPb., Tip. M.M. Stasiulevicha, 1879, 416 p. [in Russian].
8. Novitsky I.B., Luntz L.A. General doctrine of the obligation. M., Gosiurizdat, 1950, 416 p. [in Russian].
9. Pokrovsky I.A. Basic problems of civil law. M., Statut, 1998, 353 p. [in Russian].
10. Savatier R. Theory of obligations. Transl. from French and opening chapter by R.O. Halfina. M., Progress, 1972, 440 p. [in Russian].
11. Ioffe O.S. Liability law. M., Iurid. lit., 1975, 880 p. [in Russian].
12. Ennektserus L. Course of German civil law: Introduction and General part. M., Izd-vo inostr. lit., 1949, 436 p. [in Russian].
13. Ioffe O.S. Development of civil law thought in the USSR. L., Izd-vo Leningr. un-ta, 1978, Part 2, 880 p. [in Russian].
14. Egorov N.D. Civil regulation of economic relations: Textbook. L., Izd-vo Leningr. un-ta, 1986, 213 p. [in Russian].
15. Nosov V.A. Concept of non-contractual obligations. Protection of rights and Soviet civil proceedings: Interacademic subject collection. P.F. Eliseikin (Ed.). Yaroslavl, 1977, pp. 38-43 [in Russian].
16. Russian civil law: textbook: in 2 Vols. Vol. 2: Liability law. E.A. Sukhanov (Ed.). M., Statut, 2010, 958 p. [in Russian].
17. Soviet civil law: textbook: in 2 parts. V.A. Ryasentsev (Ed.). M., Iurid. lit., 1986, Part 1, 560 p. [in Russian].
18. Civil law: textbook: in 3 Vols. A.P. Sergeev, Yu.K. Tolstoy (Eds.). M., Velbi: Prospekt, 2006, Vol. 1, 784 p. [in Russian].
19. Alekseev S.S. Subject of Soviet civil law and method of civil regulation. *Antologiya ural'skoi tsivilistiki 1925–1989: sbornik statei* [Anthology of Ural civil law of 1925–1989: collection of articles]. M., Statut, 2001, pp. 7–54 [in Russian].

*E.V. Ruzanova****CIVIL OBLIGATIONS: CONCEPT AND CLASSIFICATION MEASURES**

The article is devoted to the determination of characteristic features of civil liability as a form of civil relations and to the identification of their classification measures. The author concludes that the commitments are legally defined model of interaction between actors and concludes that models of contractual and non-contractual obligations are essential features (set of attributes) that allow to speak about the reasonableness of such a dichotomy. These issues are studied by the author, taking into account the legal innovations in the areas of general provisions on obligations.

Key words: civil obligations, signs of obligations, measures of division of obligations, dichotomy, contractual and non-contractual obligations.

* *Ruzanova Evgenia Vladimirovna* (cl@samsu.ru), Department of Civil and Entrepreneurial Law, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343

*Н.А. Чернова****ФРУСТРАЦИИ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

В статье рассмотрена взаимосвязь между фрустрацией и девиантным поведением лица, а также влияние данного эмоционального состояния на формирование мотива совершения преступления.

Ключевые слова: фрустрация; преступления, совершенные из хулиганских побуждений; экстремистские мотивы.

Нередко средства массовой информации навязывают идею, что современный мир предоставляет массу возможностей для реализации всех чаяний и надежд индивида. Они показывают успех отдельного человека и упорно убеждают, что повторение его достижений – это реальность для каждого, вне зависимости от его возможностей и талантов. К сожалению, в общественном сознании не формируются модели поведения с учетом запретов и ограничений, обусловленных межличностными и общественными конфликтами.

Препятствия на пути достижения поставленной цели вызывают у любого человека ответную эмоциональную реакцию. Эти реакции, возникающие в условиях конфликта как следствие противоречия между неудовлетворенными потребностями и существующими в обществе ограничениями и запретами, получили название «фрустрации» [8, с. 190]. В целом это явление показывает отношение человека к возникающим помехам, способность переносить невзгоды и терпеть утраты.

В литературе встречается и иное понимание термина «фрустрация», когда его трактуют в связи с ситуацией неудовлетворения важной для индивида потребности. Н.Д. Левитов предложил следующее решение этого терминологического вопроса: «Было бы целесообразно, подобно тому, как отличают стресс – психическое состояние от стрессора – его возбудителя, аналогично различать фрустратор и фрустрацию – внешнюю причину и ее воздействие на организм и личность» [5, с. 120].

Сам Н.Д. Левитов под фрустрацией понимал «состояние человека, выражающееся в характерных особенностях переживаний и поведения, вызываемое объективно непреодолимыми (или субъективно так понимаемыми) трудностями, возникающими на пути к достижению цели или решению задачи» [5, с. 120]. Таким образом, даже в

* © Чернова Н.А., 2015

Чернова Наталья Александровна (kalistto@mail.ru), кафедра уголовного права и криминологии, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

случае реальной возможности преодоления проблемы может наступить данное психическое состояние, если индивид субъективно считает, что помеха неустранима.

М.И. Еникеев охарактеризовал фрустрацию как отрицательное эмоциональное состояние человека. По словам этого автора, оно возникает в связи с крахом надежд, неожиданно возникшими непреодолимыми препятствиями на пути достижения высокозначимых целей [4, с. 143].

С характеристикой отрицательности фрустрации связаны особенности личности того, кто пребывает в данном состоянии. Стоит отметить, что фрустрации могут быть обычным состоянием человека неуравновешенного и неспособного справиться с затруднением, стоящим на пути удовлетворения важной потребности. Для других людей они могут быть абсолютно нетипичными, и их появление будет означать возникновение новых черт характера. Для психически здорового человека состояние фрустрации будет носить временный характер. Длительное переживание данного состояния может вызвать различные нарушения в эмоциональной сфере, вплоть до депрессивного расстройства психики, которое в тяжелой форме может привести к множеству неблагоприятных последствий для организма.

Особенно тяжело переживают фрустрацию подростки, во многом это обстоятельство связано со становлением их личности и формированием способности преодолевать препоны на пути достижения высокозначимых целей. Ребенку трудно подавлять нежелательные импульсы и агрессию, с помощью взрослых он может научиться перенаправлять их на иной объект, что будет носить социально-благоприятный элемент (скажем, использовать агрессию, возникающую в ответ на неудовлетворение той или иной потребности, для занятий спортом).

По мнению В.Г. Белова, Ю.А. Парфенова и Н.С. Малининой, авторов, исследующих взаимосвязь фрустрации у подростков и их девиантного поведения, «оказывая дезорганизующее влияние на поведение и деятельность человека, фрустрация в своих деструктивных проявлениях негативно влияет на качество жизни и успешность деятельности, в том числе и учебной, и в ряде случаев может приводить к нарушениям социализации подростка и формированию у него девиантных форм поведения» [2, с. 26].

Отдельные индивиды, глубоко переживая фрустрацию, внешне никак не проявляют своего состояния. Другие, напротив, демонстрируют агрессивность, «быстро переходящую в гнев, который проявляется в бурных и неадекватных реакциях: оскорбление, физические нападки на человека (щипать, бить, толкать) или объект (сломать его)» [6, с. 53]. Поведение индивида здесь отличается деструктивностью и необдуманностью. Агрессия может быть направлена на возникшее препятствие или же на объект, напрямую не связанный с встающей трудностью («замещающее действие»).

В указанной ситуации лицо проявляет импульсивность и беспорядочность движений, наблюдается аффектированное переживание гнева, злости. В этой закономерности нередко кроется объяснение агрессивного поведения человека, отличающегося непонятной для окружающих неадекватностью реагирования, кажущейся немотивированностью поступка, особой жестокостью (см., например, п. «и» ч. 1 ст. 63, п. «д» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ); объяснение причин хулиганства (ст. 213 УК РФ), вандализма (ст. 214 УК РФ) и т. п. [8, с. 192].

Особенно интересна фрустрация при изучении преступлений, совершенных из хулиганских побуждений, поскольку налицо взаимосвязь между длительным переживанием данного состояния и формированием указанного мотива. На связь между хулиганским мотивом и фрустрацией (не называя ее так напрямую, но ясно описывая ее) указывал еще Б.С. Волков: «В основе хулиганских побуждений обычно лежит разнузданный эгоизм, чувство озлобленности и неудовлетворенности, доходящие иногда

до безотчетной злобы и тупого отчаяния, вызванными расхождением между уровнем притязаний лица и имеющимися возможностями их осуществления» [3, с. 50].

Мотивами хулиганских действий могут выступать стремление лица в неуважительной форме противопоставить себя обществу, проявить пьяную удаль, грубую силу, жестокость, демонстративное пренебрежение нормами поведения, морали, показать свое пренебрежение к окружающим, противопоставить свое поведение общественному порядку, показать пренебрежение к личному достоинству человека и его труду, к иным охраняемым правом благам, интересам граждан, стремление проявить бесчинство, показать свою «смелость», поиздеваться над беззащитными, обнаружить свое «превосходство» над другими людьми, проявить «свою натуру» и другие подобные низменные стремления [1, с. 130].

Подобные устремления формируются при длительном воздействии фрустрации, которая приводит к изменениям в структуре ценностей. Таким образом, происходит деформация личности. При этом необходимо наличие определенных условий: развитие агрессии чаще встречается у лиц психопатизированного типа; они невоспитаны и несдержаны; часто не имеют образования.

Для правоприменителя установление хулиганских побуждений у лица, совершившего общественно опасное деяние, представляет наибольшие затруднения. Так, Ю.М. Антонян и А.Ю. Еркубаева пишут: «как показывает изучение практики, когда следователю или судье непонятен мотив совершения преступления, то его наделяют квалифицирующим признаком “совершено из хулиганских побуждений”...» [1, с. 130]. Стоит понимать, что действительное положение дел в такой ситуации сильно отличается от реальности, и следует различать деяния, действительно совершенные из хулиганских побуждений, и преступления, которым их приписывают.

Так, в апелляционной жалобе по делу 22-3968/2015 У. и его защитник Л. утверждают, что в действиях У. отсутствует хулиганский мотив и повод совершать преступление против С., с которым ранее У. не был знаком. У. находит нелогичным и абсурдным предъявленное ему обвинение в совершении преступления из хулиганских побуждений, ссылаясь на свои положительные характеристики.

Защитник Л., ссылаясь на неустановление мотива совершения преступления У., считает предположительным вывод о хулиганском мотиве с учетом возраста и характеристик осужденного. При этом защитник отмечает, что потерпевший в судебном заседании назвал иной мотив – месть – и считал, что У. стрелял в С. из-за мести Ф. в связи с произошедшим ранее конфликтом между С. и Ф., с последним из которых У. находился в дружеских отношениях.

По итогам рассмотрения апелляционной жалобы суд отказал в ее удовлетворении, поскольку «У. с потерпевшим знакомы не были, конфликтов между ними не происходило. Осужденный совершил преступление, выражая явное неуважение к обществу и общепринятым нормам морали, продемонстрировал пренебрежительное отношение к человеческой жизни. Вопреки доводам защитника Л., высказанное в судебном заседании предположение потерпевшего о наличии иного мотива преступления – мести – собранными доказательствами не подтверждено и не повлияло на правильность выводов суда, основанных на установленных по делу фактических обстоятельствах» [7].

Представляется, что в изложенной выше ситуации суд недостаточно полно исследовал представленные положения о наличии иного мотива. Так, не был допрошен Ф., на конфликт с которым ссылается потерпевший в обоснование совершения преступления в отношении него из мести за ранее произошедшие события, да и сам факт указания на иной мотив не подсудимым, а потерпевшим не получил оценки. Ссылка суда на отсутствие знакомства между потерпевшим С. и подсудимым У., а также на тот факт, что место происшествия общественное – улица возле дома потерпевшего,

не указывает с абсолютной неоспоримостью на наличие хулиганских побуждений. Опровержение доводов У. и его защитника фразой «данные показания оценены как способ защиты от предъявленного обвинения, поскольку опровергаются совокупностью исследованных доказательств» [7], представляется здесь недостаточным.

Помимо хулиганского мотива существуют и иные мотивы, связанные с фрустрацией. Так, неудовлетворенность собственных потребностей может привести к переносу агрессии на внешнего врага, которым зачастую становятся «посторонние», лица которые отличаются от субъекта по различным признакам. Как следствие, растет число преступлений, совершенных по экстремистским мотивам. Легче обвинить в собственных неудачах других людей, чем признать ошибки и научиться справляться с возникающими трудностями.

В.В. Романов указывает, что «... знание психических предпосылок возникновения фрустрации помогает понять причины, побудительные силы, мотивы некоторых опасных насильственных преступлений, которые по своей жестокости могут на первый взгляд казаться «безмотивными» либо даже совершенными человеком с серьезно расстроенной психикой» [8, с. 193].

Далее он же отмечает, что «...роль и значение фрустрации в современном обществе в должной мере еще недооценены при изучении причин возникновения массовых беспорядков, различных серьезных социальных конфликтов, в которых стихийное агрессивное поведение охватывает большие группы людей, не удовлетворенных в своих насущных потребностях социального, материального и т. п. характера и в силу этого остро переживающих состояние фрустрации, сплывающей и толкающей их на совершение массовых, групповых противоправных действий» [8, с. 194].

Исходя из всего вышесказанного фрустрация, несомненно, способна оказывать влияние на поведение лица, направляя его действия на совершение противоправных поступков, поэтому ее рассмотрение в рамках науки уголовного права и криминологии позволит выявлять причины и условия совершения общественно опасных деяний, тщательнее рассматривать фактические обстоятельства дел, правильнее устанавливать их мотив, а значит, в итоге будет способствовать верной и обоснованной квалификации деяний и справедливому назначению наказания или применению иных мер уголовно-правового характера.

Библиографический список

1. Антонян Ю.М., Еркубаева А.Ю. Преступления из хулиганских побуждений: объяснение и мотивы // Общество и право. 2014. № 2 (48). С. 129–132.
2. Белов В.Г., Парфенов Ю.А., Малинина Н.С. Фрустрация как предикатор девиантного поведения у подростков // Ученые записки. 2011. № 11 (81). С. 26–31.
3. Волков Б.С. Мотивы преступлений. Казань: Издательство Казанского университета, 1982. 152 с.
4. Еникеев М.И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. М.: Норма, 2006. 640 с.
5. Левитов Н.Д. Фрустрация как один из видов психических состояний // Вопросы психологии. 1967. № 6. С. 118–129.
6. Мариновская И.Д., Тихомиров С.Н. Юридическая психология: учеб. пособие. М.: Дело, 2005. 384 с.
7. Решение по делу № 22-3968/2015. URL: <https://rospravosudie.com/court-altajskij-kraevoj-sud-altajskij-kraj-s/act-497876104> (дата обращения: 13. 09. 2015).
8. Романов В.В. Юридическая психология: учебник для бакалавров. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2012. 533 с.

References

1. Antonyan Yu.M., Erkubaeva A.Yu. Crimes from molester motives: explanation and motives. *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], 2014, no. 2(48), pp. 129–132 [in Russian]
2. Belov V.G., Parfyonov Yu.A., Malinina N.S. Frustration as a predictor of deviant behavior among adolescents. *Nauchno-teoreticheskii zhurnal «Uchenye zapiski»* [«Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta»], 2011, no. 11 (81), pp. 26–31 [in Russian].
3. Volkov B.S. Motives for crimes. Kazan, Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1982, 152 p. [in Russian].
4. Enikeev M.I. Legal psychology. On the basis of general and social psychology: college textbook. 2nd edition, revised. M., Norma, 2006, 640 p. [in Russian].
5. Levitov N.D. Frustration as one of the types of mental states. *Voprosy psikhologii*, 1967, no. 6, pp. 118–129 [in Russian].
6. Marinovskaya I.D., Tikhomirov S.N. Legal psychology: Textbook. M., Delo, 2005, 384 p. [in Russian].
7. Judgment in Case number 22-3968/2015. Retrieved from: <https://rospravosudie.com/court-altajskij-kraevoj-sud-altajskij-kraj-s/act-497876104/> (accessed 13.09.2015) [in Russian].
8. Romanov V.V. Legal psychology: textbook for bachelors. 5th ed., revised and enlarged. M., Izd-vo Iurait, 2012, 533 p. [in Russian].

*N.A. Chernova**

FRUSTRATIONS AND CRIMES

In article the interrelation between frustration and deviant behavior of the person, and also the influence of this emotional state on the formation of a motive of commission of a crime is considered.

Key words: frustration, crimes committed from hooligan motives, extremist motives.

* *Chernova Natalya Alexandrovna* (kalistto@mail.ru), Department of Criminal Law and Criminology, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 343.2/.7

*М.В. Шебаршов**

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ: ОСНОВАНИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА

В статье исследуются проблемы уголовно-правового противодействия легализации криминальных доходов. Особое внимание уделяется основанию уголовно-правового запрета в сфере предупреждения отмывания теневых капиталов, а также социально-правовой природе этого преступного поведения.

Ключевые слова: легализация (отмывание) криминальных доходов, прикосновенность к преступлению, вторичная преступная деятельность, экономические преступления, преступления в сфере экономической деятельности.

В начале 1990-х г. в России сформировались новые принципы хозяйственной жизни. Плановую экономику сменила рыночная система, произошли существенные реформы в сфере экономических отношений. Вместе с этим трансформация коснулась и общественных отношений, в структуре которых начали проявляться новые общественно опасные формы социального поведения. Другими словами, преобразования в экономике затронули криминогенную обстановку. В условиях протекающих реформ отдельным лицам удалось приобрести значительные преступные капиталы [1, с. 1]. После чего у данной категории лиц появилась потребность в использовании указанных средств в легальной экономике. Правонарушители стали совершать разнообразные сделки по отмыванию теневых капиталов, включая прежде всего «грязные» деньги. Нельзя не отметить тот факт, что в связи с установлением принципа свободной торговли возникло немало способов отмывания «грязных денег». Такие деяния в условиях развития рыночной экономики стали получать возросшую общественную опасность, что определило появление социально-правовых потребностей в их криминализации.

Криминализация отмывания преступных доходов связана с тем обстоятельством, что легализация является проблемой, затрагивающей международные отношения. Мировое сообщество, пытаясь сформировать действенные меры по предупреждению легализации (отмывания) имущества, приобретенного преступным путем, приняло ряд нормативно-правовых актов. В их числе следует назвать Конвенцию Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года, Конвенцию против транснациональной организованной преступности 2000 года, Конвенцию против коррупции 2003 года. Немаловажную роль в регулировании данного вопроса играют Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 года и об уголовной ответственности за коррупцию 1999 года. Таким образом, международное сообщество разработало правовой механизм в целях борьбы с легализацией «грязных денег».

* © Шебаршов М.В., 2015

Шебаршов Максим Валерьевич (shebarshov.maksim@mail.ru), кафедра уголовного права и криминологии, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Надо отметить, что не все государства принимают меры по противодействию легализации преступных доходов. Существуют страны, которые игнорируют международные стандарты по отмыванию «грязных денег». ФАТФ к таким странам относит Исламскую Республику Иран и Корейскую Народно-Демократическую Республику. Нам остается только догадываться, почему эти страны не соблюдают рекомендации ФАТФ.

Уголовный кодекс РФ 1996 г. впервые предусмотрел уголовную ответственность за отмывание «грязных денег». Включение в УК РФ такого рода запретов было обусловлено переходом России к рыночной экономике. Отмывание преступных доходов сопровождает развитие любого общества, основанного на предпринимательской системе [2, с. 110]. Одним из условий, в силу которого легализация преступных доходов (как социально-негативное явление) приобретает высокую опасность, является интенсивный оборот товаров, работ, услуг, капиталов. Именно большой экономический оборот способствует появлению различных способов отмывания. Чем больше и интенсивнее в социуме капиталоборот, тем труднее в его потоке выявить сделки, направленные на отмывание преступных доходов. Огромное количество денежных средств отмывается посредством банковского сектора.

Если же взять общество, где господствует плановая экономика с ее отрицанием всего частного, можно видеть, что оборот капиталов здесь относительно небольшой, и общественная опасность отмывания «грязных денег» не представляется значительной в силу прежде всего своего редкого проявления. Следовательно, оснований для уголовно-правового запрета «отмывания» в условиях плановой экономики нет, так как здесь нет частной собственности, частных банков, частных инвестиций и пр.

Уголовно-правовой запрет легализации доходов, приобретенных преступным путем, сформировался в современном отечественном законодательстве под влиянием норм международного права, в частности, положений Страсбургской Конвенции Совета Европы «Об «отмывании», выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности», принятой 8 ноября 1990 г.

В УК РФ появились нормативные положения, ранее не известные российскому уголовному праву. В главу 22 этого УК, регламентирующую вопросы ответственности за преступления в сфере экономической деятельности, были включены составы легализации (отмывания) денежных средств и иного имущества, приобретенных незаконным путем.

В первоначальной редакции УК отмечался признак *незаконности* отмываемого дохода, что означало его приобретение не только в результате совершения преступлений, но и в результате иных неправомерных правонарушений. Кроме того, речь шла о доходах. Такое введение оказалось расплывчатым, и впоследствии законодатель внес соответствующие поправки [3, с. 40].

Легализация (отмывание) доходов, приобретенных преступным путем, стимулирует воспроизводство нелегальной экономики, наносит ущерб финансовой безопасности и экономической устойчивости государства. Отмывание «грязных денег» препятствует осуществлению правосудия, дает возможность криминальным группам (организациям) осуществлять финансирование своей незаконной деятельности (в т. ч. террористического характера). Как правильно говорится в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем», легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, добытых преступным путем, создает основу теневой экономики, причиняет вред экономической безопасности и финансовой стабильности государства, затрудняет рас-

крытие и расследование преступлений, обеспечивает возможность преступным группам (организациям) финансировать и осуществлять свою противоправную, в том числе террористическую, деятельность.

Согласно действующему законодательству РФ, «отмывание» признается разновидностью преступлений в сфере экономической деятельности. По УК ФРГ «легализация» относится к роду преступлений против правосудия.

В науке российского уголовного права также нет единого мнения по поводу социально-правовой природы легализации. Одни ученые-юристы относят отмывание преступных доходов к видам прикосновенности [2, с. 53]. Другие отечественные исследователи рассматривают легализацию как вторичную преступную деятельность [1, с. 34]. При этом М.М. Лапунин не противопоставляет прикосновенность и вторичную преступную деятельность, указывая на то, что прикосновенность может быть выражена в различных формах, в том числе в виде вторичной преступной деятельности [1, с. 36]. В научной литературе имеет место и такая позиция, согласно которой прикосновенность направлена против интересов правосудия, поскольку деяния прикосновенных лиц препятствуют привлечению преступников к ответственности [2, с. 55].

Для того чтобы определить социально-правовую природу легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем, необходимо охарактеризовать признаки прикосновенности и вторичной преступной деятельности, после чего соотнести данные институты.

Проблема прикосновенности к преступлению была затронута многими авторами: Б.Т. Разгильдиевым, А.Г. Безверховым, А.А. Васильевым, Б.В. Волженкиным, М.М. Лапуниным, Н.А. Лопашенко, Е.В. Пономаренко, К.Н. Сержкиной и др. Исходя из устоявшейся в специальной литературе позиции можно выделить следующие признаки прикосновенности к преступлению:

1. Прикосновенность всегда связана с другим («чужим» для прикосновенного) преступлением, проявляясь до или после последнего.
2. Прикосновенность — это всегда деяние (действие или бездействие).
3. Данное деяние не является соучастием. Наличие соучастия исключает прикосновенность, так как в данном случае деятельность всех лиц направлена на достижения совместного преступного результата. Деятельность же лица, прикосновенного к чужому преступлению, не направлена на достижение единого (совместного) преступного результата с лицом, которое совершило этот деликт.
4. Прикосновенность имеет собственное содержание и самостоятельную общественную опасность [4, с. 140].
5. Прикосновенность к преступлению характеризуется умышленной формой вины. Неосторожная прикосновенность немыслима в равной степени как неосторожное соучастие. В тех случаях, когда имущество, приобретенное преступным путем, «отмывается» посредством других лиц, которые не осведомлены о нелегальном происхождении преступного имущества, исполнителями легализации признаются лица, фактически контролирующие соответствующие финансовые операции (сделки).

Таким образом, можно сформулировать компромиссное определение прикосновенности к преступлению, определяя его как заранее не обещанное умышленное деяние, не являющееся соучастием, общественная опасность которого тесно связана с совершением другого преступного деяния.

Вторичная преступная деятельность характеризуется следующими признаками.

1. Вторичному преступлению всегда предшествует предикатное криминальное посягательство. Вторичное преступление зависит от первоначального преступного деликта. Сначала совершается основной деликт, потом вторичный. При этом первичное

преступление не обязательно должно быть окончено. Достаточно того, чтобы оно было в стадии приготовления.

2. Вторичное преступление приобретает общественную опасность в связи с предикатным преступлением. При этом, для того чтобы признать лицо виновным в совершении вторичного преступления, необходимо установить сам факт совершения предикатного преступления [5, с. 145]. Факт совершения преступления может быть установлен в:

- обвинительном приговоре;
- постановлении органа следствия или дознания о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) и только в том случае, если собранные в деле доказательства содержат сведения о наличии события и состава предикатного преступления..

3. Вторичное деяние всегда характеризуется умышленной формой вины [6, с. 10].

4. Субъектом вторичного преступления может быть с точки зрения авторов данной концепции любое лицо (это может быть как лицо, совершившее предикатное преступление, так и лицо, которое предикатное преступление не совершало).

5. Вторичная преступная деятельность не является соучастием, но, согласно концептуальному подходу, не исключает его (возможна совокупность вторичного преступления и соучастия в первичном деликте). Это наблюдается, например, в заранее данном обещании отмыть преступное имущество в будущем.

Таким образом, вторичная преступная деятельность – это умышленное деяние, предусмотренное конкретной статьей Особенной части, не являющееся соучастием, общественная опасность которого зависит от первоначального основного деликта.

Как же соотносится прикосновенность к преступлению с вторичной преступной деятельностью? Как видно из перечисленных признаков, прикосновенность и вторичная преступность имеют много общего. Однако между ними есть и различия.

Отличие заключается в том, что субъектом вторичного преступления может быть любое лицо (в том числе лицо, совершившее первоначальный деликт). К примеру, статья 174¹ УК РФ предусматривает ответственность за легализацию, осуществленную лицом, совершившим предикатное преступление (так сказать, «прикосновенность к своему преступлению»). Субъектом же прикосновенности может быть любое лицо, за исключением того, которое совершило основное преступление. Прикосновенность к собственному преступлению недопустима. Прикосновенность всегда говорит как минимум о двух лицах. Должно быть лицо, которое совершило первоначальный деликт, и должно быть лицо, которое «прикасается» к этому общественно опасному деянию.

Вместе с тем, как мы видим, прикосновенность и вторичная преступность имеют много общего. Даже несмотря на то, что между ними есть отличительные черты, возможна ситуация, когда одно и то же общественно опасное деяние будет подпадать под признаки прикосновенности и вторичной преступной деятельности. Это возможно при одновременном соблюдении следующих условий: действовали два лица, одно из которых совершило предикатное преступление, а другое – вторичное, при условии, что у этих лиц не было сговора на совершение вторичного преступления. Касательно «отмывания» под эту категорию подпадает преступление, предусмотренное ст. 174 УК РФ. Данное преступление относится к вторичному преступлению. При этом одновременно имеет признаки прикосновенности. Вместе с тем вторичное преступление, предусмотренное ст. 174.1 УК РФ, не совпадает с прикосновенностью и имеет собственное содержание.

При квалификации по статье 174 УК РФ в материалах дела необходимо установить, что виновное лицо заведомо знало о характере происхождения имущества, с которым совершало финансовые операции и другие сделки. При этом, по смыслу

закона, лицо может быть не осведомлено о конкретных обстоятельствах основного преступления.

Еще одной особенностью статьи 174 УК РФ является конструкция состава преступления. Легализация преступных доходов является таким преступлением, которое препятствует правосудию и создает благоприятные условия для совершения новых преступлений. Процесс окончания легализации не связан со стадиями преступной деятельности. Указанная конструкция направлена как на предупреждение общественно опасных последствий, так и самого вредоносного деяния. Такой состав называется «составом с двойной превенцией» [7, с. 81]. В соответствии с п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 преступления, предусмотренные статьями 174 и 174¹ УК РФ, совершенные путем финансовых операций, следует считать оконченными с момента, когда лицо, действуя с указанной в данных статьях целью, непосредственно использовало преступно полученные денежные средства для расчетов за товары или размена либо предъявило (передало) банку распоряжение о переводе денежных средств и т. п. В тех случаях, когда названные преступления совершались путем сделки, их следует считать оконченными с момента фактического исполнения виновным лицом хотя бы части обязанностей или реализации хотя бы части прав, которые возникли у него по совершенной сделке (например, с момента передачи виновным лицом полученных им в результате совершения преступления денежных средств или иного имущества другой стороне договора вне зависимости от того, получено ли им встречное исполнение по сделке). Если же в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, приобретенным преступным путем (в результате совершения преступления), создается лишь видимость заключения сделки с имуществом, тогда как в действительности фактическая передача имущества по ней не предполагается, то преступления, предусмотренные статьями 174 и 174¹ УК РФ, следует считать оконченными с момента оформления договора между виновным и иным лицом (например, с момента подписания договора об оплате услуг, которым маскируется преступное приобретение соответствующих денежных средств).

Библиографический список

1. Лапунин М.М. Вторичная преступная деятельность: понятие, виды, проблемы квалификации, криминализации и пенализации: монография / науч. ред. Н.А. Лопашенко. М.: Волтерс Клувер, 2006. 240 с.
2. Сережкина К.Н. Прикосновенность к преступлению в уголовном праве России: оптимизация норм и практики их применения: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. 219 с.
3. Состояние уголовного законодательства об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ) // В. Бурковская, А. Истомин, Т. Устинова [и др.] // Уголовное право. 2001. № 2. С. 37–49.
4. Васильев А.А. Легализация добытых преступным путем доходов как вид к прикосновенности к преступлению // Российский юридический журнал. 2008. № 5. С. 139–143.
5. Савинов А.В. Приговор по делу о предикатном преступлении при применении статей УК РФ о легализации имущества: дискуссии продолжаются // Актуальные проблемы уголовного права: материалы междунар. научно-практич. конф. Омск: Омск. акад. МВД России, 2010. С. 144–147.
6. Яни П. Незаконное предпринимательство и легализация преступно приобретенного имущества // Законность. 2005. № 3. С. 9–13.
7. Безверхов А.Г., Решетникова Д.В. О классификации конструкций составов преступлений по моменту их юридического окончания // Общество и право. 2010. № 5. С. 79–83.

References

1. Lapunin M.M. Secondary criminal activity: concept, types, qualification problems, criminalization and penalization: monograph. Lopashenko N.A.(Ed.). M., Volters Kluver, 2006, 240 p. [in Russian].
2. Serezhkina K.N. *Prikosnovennost' k prestupleniiu v ugovnom prave Rossii: optimizatsiia norm i praktiki ikh primeneniia: diss... kand. iurid. nauk* [Implication in the crime in criminal law of Russia: optimization of norms and practices: Candidate's of Law sciences]. Samara, 2009, 219 p. [in Russian].
3. Burkovskaya V., Istomin A., Ustinova T., Tchetvertakova E. Status of criminal legislation on responsibility for crimes in the sphere of economic activity (Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation). M., Intel-Sintez. *Ugolovnoe pravo*, 2001, no. 2, pp. 37–49 [in Russian].
4. Vasiliev A.A. Legalization of criminally obtained incomes as a view to the implications in crime. *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal* [Russian Juridical Journal], 2008, no. 5, pp. 139–143 [in Russian].
5. Savinov V.A. Sentence for the predicate offence for the purposes of articles of the Criminal Code of the Russian Federation on the legalization of property: the debate continues. *Aktual'nye problemy ugovnogo prava: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Topical issues of criminal law: materials of the international research and practice conference]. Omsk, Omsk. akad. MVD Rossii, 2010, pp. 144–147 [in Russian].
6. Jani P. Illegal business and legalization of criminally acquired property. *Zakonnost'* [Legality], 2005, no. 3, pp. 9–13 [in Russian].
7. Bezverhov A.G., Reshetnikova D.V. On the classification of structures of crimes by the time of their legal culmination. *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], 2010, no. 5, pp. 79–83 [in Russian].

*M.V. Shebarshov**

LEGALIZATION OF CRIMINAL INCOMES: BASES OF CRIMINALIZATION AND LEGAL NATURE

The article expounds the problems of legalization of criminal incomes. Particular attention is paid to the basics of criminal law prohibitions in the area of prevention of laundering of illegal capital, as well as social and legal nature of this criminal behavior.

Key words: legalization of criminal incomes, implication to the crime, secondary criminal activity, economic crimes, crimes in the economic sphere.

* *Shebarshov Maksim Valeryevich* (shebarshov.maksim@mail.ru), Department of Criminal Law and Criminology, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, 443011, Russian Federation.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.1

*М.С. Петровская**

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматривается вопрос о необходимости повышенной судебной защиты всех несовершеннолетних, оказавшихся в орбите правосудия, независимо от их процессуального положения.

Ключевые слова: производство с участием несовершеннолетних, педагог, психолог, ювенальная юстиция, Пекинские правила.

Принцип повышенной правовой защиты несовершеннолетних в судебном процессе формировался исторически. По мнению Э.Б. Мельниковой, в настоящее время он рассматривается как «механизм, позволяющий компенсировать такие возрастные трудности подростков, как неадекватная реакция на конфликтную ситуацию, отсутствие жизненного опыта в выборе правильного поведения, возможное негативное влияние микросреды» [4, с. 100]. Действующий уголовно-процессуальный закон в главе 50 УПК содержит дополнительные процессуальные гарантии для несовершеннолетних, являющихся предполагаемыми субъектами уголовной ответственности. Тем не менее гарантии прав несовершеннолетних свидетелей и потерпевших не определены в законе с необходимой четкостью и полнотой. В связи со сказанным актуальным представляется обращение отечественных процессуалистов к проблемам ювенальной юстиции, закрепленным в законодательстве ряда западных стран и нацеленный на повышенную судебную защиту всех несовершеннолетних, оказавшихся в орбите правосудия, независимо от их процессуального положения [5, с. 15].

Первой международной программой усовершенствования производства по делам несовершеннолетних являются Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила») 1985 г., принятые резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН 10.12.1985 г.

В них впервые сформулированы общие социально-экономические условия, которые оцениваются как благоприятные для развития несовершеннолетних и молодежи,

* © Петровская М.С., 2015

Петровская Мария Сергеевна (mahonya1982@yandex.ru), кафедра уголовного процесса и криминалистики, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

к которым должны стремиться страны – члены международного сообщества. Пекинские правила включают в эту систему и функционирующую ювенальную юстицию.

В соответствии со ст. 1.4 Пекинских правил «правосудие в отношении несовершеннолетних должно являться составной частью процесса национального развития каждой страны в рамках всестороннего обеспечения социальной справедливости для всех несовершеннолетних, одновременно содействуя таким образом защите молодежи и поддержанию мирного порядка в обществе».

Кроме того, в ст. 5 Пекинских правил раскрываются цели отправления правосудия в отношении несовершеннолетних: содействие благополучию несовершеннолетнего, а также «принцип соразмерности», который является средством ограничения карательных санкций с учетом не только тяжести правонарушения, но индивидуальных особенностей личности несовершеннолетнего правонарушителя (социальный статус, положение в семье, ущерб, нанесенный правонарушителем, и прочие факторы, связанные с его личностью).

Основные нормы, закрепленные в Пекинских правилах, включают в себя: а) понятие несовершеннолетнего правонарушителя. В соответствии с п. а ст. 2.2. Правил, «несовершеннолетним правонарушителем является ребенок или молодой человек, который в рамках существующей правовой системы может быть привлечен за правонарушение к ответственности в такой форме, которая отличается от формы ответственности, применимой к взрослому». Кроме того, подросток «должен подозреваться в совершении правонарушения или, как установлено, совершил его» (п. с ст. 2.2); б) понятие так называемого статусного преступления (правонарушения). Речь идет об ответственности за проступки, ненаказуемые, если они совершены взрослыми, но наказуемые при совершении их несовершеннолетними (ст. 3.1); в) обеспечение конфиденциальности в делах о несовершеннолетних оценивается в Пекинских правилах как гарантия «избежать причинения несовершеннолетнему вреда из-за ненужной гласности или из-за ущерба репутации» (ст. 8.1). В статье 8.2 подчеркивается, что «в принципе не должна публиковаться никакая информация, которая может привести к указанию на личность несовершеннолетнего правонарушителя». Однако это правило не может применяться во всех странах, национальное законодательство которых предусматривает противоположный порядок – гласность лишь с небольшими оговорками и при судебном разбирательстве дел о несовершеннолетних. Именно такой порядок предусмотрен действующим уголовно-процессуальным законодательством России. В Пекинских же правилах делается попытка придать требованиям конфиденциальности универсальный характер, рассматривать его как обязательный общий принцип всего судебного процесса по делам несовершеннолетних.

Вторая часть Пекинских правил посвящена вопросам расследования и судебного разбирательства дел о несовершеннолетних. Следует отметить, что при окончательной разработке Пекинских правил был сформулирован общий принцип, которому подчиняется движение дела несовершеннолетнего в сторону его прекращения. Суть его в добровольности согласия несовершеннолетнего на прекращение дела, передачу его так называемым службам общины (т. е. социальным службам, комиссиям и т. д.). В Правилах подчеркивается, что не должно быть никакого в этом давления на несовершеннолетнего, тем более его запугивания на всех уровнях прекращения дела, например, для того, чтобы избежать судебного процесса. Надо сказать, что вопрос о волеизъявлении несовершеннолетнего при решении вопроса о судьбе его дела, о передаче дела в другую юрисдикцию является сейчас в западном судебном процессе по делам несовершеннолетних одним из самых острых и дискуссионных. Именно он встает перед судом как при прекращении дела и передаче его в несудебную инстанцию, так и при передаче дела из юрисдикции суда для несовершеннолетних в соот-

ветствующую юрисдикцию общеуголовного суда. Пекинские правила отразили это генеральное направление развития уголовного процесса для несовершеннолетних. Видимо, правила ст. 11.1–11.4, рассмотренные выше, весьма перспективны именно в плане развития теории международного уголовного процесса по делам несовершеннолетних.

В Пекинских правилах нашли отражение целесообразные меры воздействия на несовершеннолетних: 1) О властном органе, правомочном вынести решение по делу; 2) О руководящих принципах вынесения судебного решения и выбора мер воздействия. Речь идет о соразмерности меры воздействия не только с обстоятельствами дела и тяжестью правонарушения (общее правило применения наказания), но и с положением и потребностями самого несовершеннолетнего (индивидуализация ответственности и наказания), а также с потребностями общества (общая превенция) (п. «а» ст. 17.1); о запрете применения смертной казни и телесных наказаний к несовершеннолетнему; о сведении до минимума ограничения личной свободы несовершеннолетнего правонарушителя (ст. 17.1-в и 1-е). Следует специально подчеркнуть, что именно эти проблемы были предметом бурной и длительной дискуссии на межрегиональном совещании экспертов по данной проблеме в Пекине. В ходе дискуссии были сформулированы общие подходы к оценке этих вопросов и было отмечено «неразрешимое противоречие философского характера» между перевоспитанием и воздаянием, между помощью и наказанием, между мерой воздействия с учетом конкретных обстоятельств дела и мерой воздействия в интересах защиты общества, между общей превенцией и индивидуальным наказанием. Эксперты пришли к выводу, что эти противоречия можно считать спецификой реализации уголовного правосудия для несовершеннолетних, почему они всегда оказываются в числе основных трудностей правосудия для несовершеннолетних.

Значение Пекинских правил для дальнейшего развития международных и национальных аспектов правосудия для несовершеннолетних было подчеркнуто уже в самих Правилах. Как было сказано в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1985 г., утвердившей Пекинские правила, Генеральная Ассамблея настоятельно призывает все соответствующие органы системы ООН, в частности региональные комиссии и специализированные учреждения, институты ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, другие межправительственные и неправительственные организации, сотрудничать с Секретариатом и принимать необходимые меры по обеспечению в соответствующих областях их специальной компетенции согласованных постоянных действий с целью осуществления принципов, содержащихся в Пекинских правилах.

Все перечисленные правила производства по делам с участием несовершеннолетних можно считать существенными основами разработки ювенальной юстиции, в том числе и в нашей стране.

Дополнительная правовая защита отдельных несовершеннолетних участников процесса осуществляется путем широкого использования неюридических специальных знаний для изучения социальных условий жизни несовершеннолетних, представших перед судом, и социально-психологических признаков их личности.

Отечественные исследователи отмечают, что в самом начале существования судов для несовершеннолетних автономная ювенальная юстиция была создана в США, Канаде, Англии, Бельгии, Франции, Греции, Нидерландах, России, Польше, Венгрии, Египте, Японии, Австралии, Новой Зеландии, кантонах французской Швейцарии [3, с. 37].

При этом исследователи выделяют две основные модели действующей за рубежом ювенальной юстиции: англосаксонскую, существующую в Англии, США, Канаде,

Австралии, и континентальную, основанную на правовых системах Германии, Франции, Бельгии, Румынии, Польши и других европейских государств. При этом справедливо подчеркивается, что основное различие между данными системами состоит в различной подсудности судов по делам лиц, не достигших совершеннолетия. Так, в странах, принадлежащих к англосаксонской системе, суды по делам несовершеннолетних рассматривают только те правонарушения и преступления, которые не являются тяжкими и особо тяжкими, а все дела о совершении тяжких преступлений рассматриваются судами общей юрисдикции. Напротив, в континентальных странах все виды правонарушений и преступлений несовершеннолетних подсудны только специализированным ювенальным судам и передача дел для рассмотрения судом общей юрисдикции не допускается [3, с. 35].

Изучение зарубежного опыта показало, что во многих развитых и развивающихся странах мира применяется новый подход к реагированию на правонарушения и преступления, совершенные несовершеннолетними, в виде так называемого восстановительного правосудия, когда судом или другим государственным органом, наделенным соответствующими полномочиями, дается шанс на основе договоренности между обвиняемым и потерпевшим возместить моральный, материальный и физический ущерб, причиненный последнему, и таким образом принять ответственность за совершенное преступление, что очень актуально для несовершеннолетних.

Л.А. Шестакова, опираясь на труды других исследователей, обоснованно, на наш взгляд, выделяет следующие исторические «идеальные» модели ювенальной юстиции:

1) модель индивидуализации обращения или реабилитационная модель (конец XVIII – первая четверть XX века). В ней несовершеннолетний правонарушитель рассматривался как объект медицинского и реабилитационного воздействия со стороны государства. Считалось, что девиантный подросток невиновен в совершенном им преступлении, его действия предопределили социальные, экономические, политические факторы и государство с отеческим подходом должно помочь такому подростку встать на путь исправления;

2) карательная модель (с 20-х годов XX столетия до начала 50-х годов XX столетия). В этой модели ювенальной юстиции предусматривался карательный ответ на преступления несовершеннолетних, расширились полномочия должностных лиц по осуществлению уголовного преследования, назначению наказаний различных видов, в том числе тюремного заключения;

3) неореабилитационная модель (с 50-х годов XX века до начала 70-х годов XX столетия). Для данной модели характерны активное вовлечение в уголовно-процессуальную деятельность специалистов в области педагогики и психологии, которые проводили исследование личности несовершеннолетнего правонарушителя, снижение числа поступков детей, квалифицируемых как «преступление», повышение возраста наступления уголовной ответственности до 18 лет; развитие неизоляционной системы наказаний;

4) восстановительная или альтернативная модель (с 70-х годов XX века по настоящее время).

Автор поддерживает восстановительную модель, в рамках которой привлечение несовершеннолетнего правонарушителя к уголовной ответственности сочетается с обязательным возмещением вреда потерпевшему, привлечением для работы с несовершеннолетним правонарушителем специалистов неюридического профиля (педагогов, психологов, медиаторов, социальных работников) [9, с. 58].

В России работа по созданию новой специализированной судебной-правовой системы защиты прав несовершеннолетних активно велась до 2010 года включительно.

В частности, докторами юридических наук А.С. Автономовым и Н.Л. Хананашвили был разработан проект федерального закона «Об основах системы ювенальной юстиции» от 14.02.2005 г. Согласно проекту, порядок внедрения в судебную систему Российской Федерации ювенальных судов определяется Федеральным конституционным законом «О ювенальных судах в Российской Федерации» и как законопроект был предложен общественными организациями. Была разработана концепция Ювенального суда г. Ростова-на-Дону (специальный судебный состав по делам несовершеннолетних районных судов города) [10].

Отечественные процессуалисты предлагают свое видение ювенальной юстиции, которая может утвердиться в нашей стране. Так, Т.Ю. Новикова определяет ювенальную юстицию как систему органов государственной власти и управления, осуществляющих деятельность в отношении несовершеннолетних в целях защиты их прав и интересов и восстановления социальной справедливости [8, с. 13]. На наш взгляд, это слишком общее определение, так как не учитывает уголовно-юрисдикционное содержание ювенальной юстиции.

Э.Б. Мельникова отмечает, что ювенальная юстиция может быть рассмотрена в рамках трех общих понятий юстиции:

- как правосудие;
- как система органов, выполняющих определенные особые правоохранительные функции (например, уголовная юстиция, ее задача – борьба с преступностью);
- как орган государственного управления в системе высшей исполнительной власти страны (Министерство юстиции) [6, с. 32–33].

Такая классификация представляется нам конструктивной.

Два первых понятия полностью охватывают ювенальную юстицию: она представляет собой правосудие, имея в своей системе центральное звено – суд по делам о несовершеннолетних; ювенальная юстиция создавалась как уголовная юстиция, выполняющая кроме защиты прав несовершеннолетних также и функцию уголовного преследования несовершеннолетних за совершенные ими преступления и предупреждения преступлений и правонарушений несовершеннолетних. Косвенно к ней относятся лишь третьи из перечисленных понятий – юстиции как органа исполнительной власти.

Как отмечают исследователи, ювенальная юстиция, с одной стороны, представляет собой юстицию, работающую на основании общих принципов уголовного судопроизводства, а с другой стороны, имеет существенную специфику, обусловленную спецификой несовершеннолетнего возраста, т. е. спецификой субъекта [1; 2].

Проблема создания в России ювенальной юстиции – системы специализированных судов по делам несовершеннолетних на фоне роста преступности и безнадзорности несовершеннолетних – становится все более актуальной. Такая система может обеспечить осуществление эффективного правосудия по уголовным делам в отношении несовершеннолетних с учетом их индивидуальных и психологических особенностей, о чем свидетельствуют многочисленные публикации, посвященные данной проблеме.

Судьи, рассматривающие уголовные дела с участием несовершеннолетних, кроме профессиональных знаний должны обладать знаниями в области педагогики и психологии подростков. Подобные требования следует предъявлять к следователям, прокурорам и адвокатам, участвующим в уголовном судопроизводстве по рассматриваемой категории дел. От следователя и прокурора наряду с высокой профессиональной квалификацией и наличием большого жизненного опыта требуется хорошее знание психологии подростков.

К участию в таких делах следует привлекать адвокатов, обладающих высокой профессиональной культурой, большим профессиональным и жизненным опытом, хорошим знанием психологии и умением применять их на практике, с тем чтобы создать доверительные отношения с подзащитным.

Следует признать, что в последнее время имели достаточное распространение выступления некоторых граждан и организаций (главным образом – религиозных) против ювенальной юстиции. В ней они усматривали закрепление законом возможности изымать детей у семьи ввиду неправильного обращения с ними. В последнее время критика ювенальной юстиции получила поддержку законодательных органов. Так, председатель Комитета по вопросам семьи, женщин и детей Е. Мизулина полагает, что «ювенальная юстиция – это идеология, направленная на то, чтобы забрать у семьи ее воспитательные функции и передать их выполнение государственным или иным органам. Ювенальная юстиция по своим задачам антисемейна» [7, с. 10]. Такую позицию вряд ли можно обосновать национальной традицией, согласно которой воспитание детей – это прерогатива только родителей, ибо и государство не может стоять в стороне от профилактики детской преступности. К тому же ювенальная юстиция отнюдь не сводится к отобранию детей у родителей, как считают ее противники, хотя действующее законодательство уже представляет такую возможность органам опеки, при наличии серьезных недостатков в поведении родителей и она представляется целесообразной.

До законодательного решения проблемы ювенальной юстиции представляется целесообразным уже теперь установить обязательное правило, в соответствии с которым в производстве по делам данной категории должны участвовать наиболее квалифицированные следователи, прокуроры, судьи и адвокаты, специализирующиеся по делам несовершеннолетних, прошедшие курсы повышения квалификации в области психологии.

Библиографический список

1. Загорский Г.И., Орлова Т.В. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Российский судья. 2012. № 10.
2. Горлова С.В. Дифференциация моделей правосудия по уголовным делам в России, СНГ и странах Европы. Модели правосудия: сб. науч. ст. Сер.: Право России: новые подходы. Вып. 4. Саратов: Научная книга, 2008.
3. Кудрявцева Н.И. Ювенальная юстиция в России и Франции: Сравнительная характеристика: учеб. метод. пособие для студентов юрид. факультета. Курск, 2003.
4. Мельникова Э.Б. Восстановительный аспект правосудия по делам несовершеннолетних // Восстановительное правосудие / под общ. ред. И.Л. Петрухина. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2003.
5. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: учеб. пособие. М.: Дело, 2010.
6. Мельникова Э.Б., Карнозова Л.М. Ювенальная юстиция – охранительная и восстановительная: учебное пособие. М.: Проспект, 2002.
7. Милузина Е. Интервью о несовершеннолетних // Неделя. 2015. 23–29 июля.
8. Новикова Т.Ю. Административно-правовая организация защиты прав несовершеннолетних органами ювенальной юстиции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2003.
9. Шестакова Л.А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации: генезис, современность и перспективы: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2015.
10. URL: <http://www.alliance24.ru/stati/aktualnie-stati/pravo/uvenalnaya-iustitsiya>.

References

1. Zagorski G.I., Orlova T.V. Criminal proceedings against minors. *Rossiiskii sud'ia* [Russian Judge], 2012, no. 10 [in Russian].
2. Gorlova S.V. Differentiation of models of justice in criminal cases in Russia, CIS and Europe. *Modeli pravosudiia: Sbornik nauchnykh statei. Seriya: Pravo Rossii: novye podkhody. Vypusk 4* [Models of justice: Collection of scientific articles. Series: Law of Russia: new approaches. Issue 4]. Saratov, Nauchnaia kniga, 2008, p. 245 [in Russian].
3. Kudryavtseva N.I. Juvenile justice in Russia and France: Comparative analysis: study guide for students of law. Kursk, 2003 [in Russian].
4. Mel'nikova E.B. Rehabilitation aspect of juvenile justice. *Vosstanovitel'noe pravosudie* [Restorative justice]. I.L. Petrukhin (Ed.). M., MOO Tsentr «Sudebno-pravovaia reforma», 2003, p. 100 [in Russian].
5. Mel'nikova E.B. Juvenile justice: problems of criminal law, criminal procedure and criminology: Textbook. M., Delo, 2010, p. 15 [in Russian].
6. Mel'nikova E.B., Kurnosov L.M. Juvenile justice system - enforcement and restorative. Training manual. M., Prospekt, 2002, pp. 32–33 [in Russian].
7. Melusina E. Interview about minors. *Nedel'ia* [Week], no. 161, *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], no. 6732, 23–29 July, 2015, p. 10 [in Russian].
8. Novikova T.Yu. *Administrativno-pravovaia organizatsiia zashchity prav nesovershennoletnikh organami iuvenal'noi iustitsii: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Administrative and legal organization of protection the rights of minors by the agencies of juvenile justice: Extended abstract of Candidate's of Law thesis]. Khabarovsk, 2003 [in Russian].
9. Shestakova L.A. *Realizatsiia kontseptsii iuvenal'noi iustitsii v proizvodstve po delam nesovershennoletnikh v Rossiiskoi Federatsii: genesis, sovremennost' i perspektivy. Diss. kand. iur. nauk* [Realization of the concept of juvenile justice in the proceedings on juvenile cases in the Russian Federation: genesis, present state and future prospects. Candidate's of Law thesis]. Samara, 2015, p. 58 [in Russian].
10. URL: <http://www.alliance24.ru/stati/aktualnie-stati/pravo/ivenalnaya-iustitsiya> [in Russian].

*M.S. Petrovskaya**

USE OF PEDAGOGICAL AND PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE AS A REQUIRED ELEMENT OF JUVENILE JUSTICE IN DOMESTIC CRIMINAL PROCEEDINGS

The article deals with the question of necessity of enhanced judicial protection of all minors in orbit of justice, regardless of their procedural status.

Key words: production with participation of minors, teacher, psychologist, juvenile justice, Beijing rules.

* *Petrovskaya Maria Sergeevna* (mahonya1982@yandex.ru), Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, 443011, Russian Federation.

КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.98

*Н.В. Олиндер**

СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛАТЕЖНЫХ СРЕДСТВ И СИСТЕМ

В статье рассмотрены особенности проведения отдельных следственных действий при расследовании преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем. Выделены основные этапы плана следственных действий.

Ключевые слова: преступления, совершенные с использованием электронных платежных средств и систем; расследование преступлений; правовое регулирование.

В настоящее время наиболее распространенным является представление о трехчленной периодизации расследования, в соответствии с которой весь процесс расследования делится на три этапа: первоначальный, последующий и заключительный. Универсальная периодизация расследования имеет принципиальное значение для построения частных криминалистических методик расследования отдельных категорий преступлений, которые призваны учитывать особенности данных преступлений. По мнению Л.Я. Драпкина, этапы расследования преступлений необходимо рассматривать не как простые временные отрезки, последовательно сменяющие друг друга, а, главным образом, как подсистемы следственных, оперативно-розыскных и других действий, объединенных устойчивой повторяемостью типичных следственных ситуаций.

С криминалистических позиций наиболее пристального внимания заслуживает первоначальный этап расследования, так как на этом этапе происходит накопление сведений, обуславливающих развитие следственных ситуаций на последующих этапах.

Особенностью первоначального этапа является то, что основной акцент переносится на собирание и закрепление доказательств. Основными задачами становятся установление события преступления и его способа, причастности определенных лиц к его совершению, примерной суммы материального ущерба; пресечение преступной

* © Олиндер Н.В., 2015

Олиндер Нина Владимировна (olindernv@yandex.ru), кафедра уголовного процесса и криминалистики, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

деятельности; предупреждение уклонения заподозренных лиц; получение начальной информации об обстоятельствах, способствовавших совершению преступления, и т. п.

Условно следственные ситуации, складывающиеся на первоначальном этапе расследования преступлений, совершенных с использованием электронных средств и систем, можно подразделить на несколько наиболее характерных групп, или, иными словами, их типизировать:

1. Информация о мотивах, способе совершения преступления и личности преступника отсутствует (полная информационная неопределенность) (например, пропажа денег из электронного кошелька).

2. Имеются сведения о мотивах, способе совершения преступления, но нет сведений о личности преступника (частичная информационная неопределенность) (видно, на какой счет перечислили электронные средства, но невидно, как и кто).

3. Известны мотивы, способы совершения и сокрытия преступления, личность преступника и другие обстоятельства (информационная определенность) (когда есть возможность проследить всю цепочку перечислений электронных платежных средств и предположительно выявить виновное лицо).

Следственные ситуации на первоначальном этапе постоянно изменяются под воздействием разнообразных объективных и субъективных факторов. Результаты первоначальных следственных действий служат основой для разработки новых версий и следующего цикла планирования расследования по делу.

С учетом выделенных следственных ситуаций будут планироваться различные следственные ситуации. В первых двух ситуациях планируют и осуществляют следующие первоначальные следственные действия, оперативно-розыскные и организационные мероприятия: допрос заявителя или лиц, которые, согласно исходной информации, могут быть свидетелями; решение вопроса о возможности задержания преступника с личным и о необходимых в связи с этим мероприятиях; вызов соответствующих специалистов для участия в осмотре места происшествия (если он не был произведен ранее); осмотр места происшествия; проведение оперативно-розыскных мероприятий в целях установления мотивов преступления, выявления лиц, виновных в его совершении, обнаружения следов и других вещественных доказательств; запрос информации о физических лицах, заподозренных в преступлениях, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем, в целях установления возможной причастности; выемка регистра данных о соединениях с сетью электросвязи и доступа в Интернет; подготовка запросов к провайдеру на получение информации: о сетевых адресах, именах доменов и серверов организаций и пользователей, наличии договорных отношений с тем или иным лицом, принадлежности реквизитов доступа в Интернет, реквизитов электронной почты, IP-номера и др., регистрация в электронной платежной системе, регистрация электронного кошелька (-ов); получение интересующей информации от администраторов электронных платежных систем, регистраторов доменных имен и др.; при необходимости подготовка запроса в Интерпол; осмотр средств электронно-вычислительной техники, предметов, материалов и документов (в том числе находящихся в электронной форме на машинных носителях), характеризующих производственную операцию, в ходе которой, по имеющимся данным, совершены преступные действия; допросы свидетелей (очевидцев); допросы подозреваемых (свидетелей), ответственных за данный участок работы, конкретную производственную операцию и защиту информации; назначение судебной компьютерно-технической, бухгалтерской и иных видов экспертиз.

Дальнейшие мероприятия планируются с учетом информации, полученной в результате проведения названных действий.

Для третьей следственной ситуации может быть предложен следующий план действий следователя на первоначальном этапе:

1. Изучение поступивших материалов доследственной проверки с точки зрения их полноты, соблюдения норм уголовно-процессуального законодательства и порядка передачи в органы следствия.

2. Возбуждение уголовного дела.

3. Вызов необходимых специалистов для участия в осмотре места происшествия (если он не был произведен ранее).

4. Осмотр места происшествия.

5. Личные обыски задержанных, обыск их рабочих мест и мест проживания.

6. Допрос подозреваемых.

7. Выемка и осмотр вещественных доказательств.

8. Изъятие и осмотр подлинных документов, удостоверяющих личность задержанных, а также документов, характеризующих те производственные операции, в процессе которых допущены нарушения и обнаружены преступные действия (в том числе документов на машинных носителях и машинограмм).

9. Допрос лиц, названных в документах, переданных в органы предварительного расследования, как допустивших нарушения, ответственных за работу конкретных средств вычислительной техники по фактам установленных нарушений.

10. Проверка подозреваемых.

11. Истребование: документов, отражающих работу субъекта с конкретной компьютерной информацией – предметом преступления, ЭВМ или системой ЭВМ, например, журнала оператора ЭВМ, электронного журнала фиксации проведенных операций, электронного реестра регистрации соединений абонентов в сети ЭВМ или электросвязи; реестра статистических данных о соединениях с сетью электросвязи и доступа в Интернет; договоров на предоставление услуг электросвязи и доступа в Интернет; сведений о пользовании электронными кошельками и средствами электронных платежных систем; счетов за предоставленные услуги связи; технической документации, отражающей факты обращения абонента по вопросу предоставляемых ему услуг.

12. Допрос свидетелей, причастных к соответствующим производственным операциям или подозреваемых в связях с лицами, совершившими преступные действия.

13. Анализ полученной информации и решение вопроса о необходимости назначения экспертиз, проведения ревизии, документальной или иной проверки, в том числе повторной (по каким позициям, за какой период и с участием каких специалистов).

Таким образом, можно выделить следующие особенности осуществления следственных действий на первоначальном этапе расследования преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем.

1. Преступления, совершаемые с использованием электронных платежных средств и систем, обнаруживаются при следующих обстоятельствах:

– непосредственно в процессе использования компьютерной системы (при эксплуатации программного обеспечения, обмене информацией, использовании данных, проведении проверок и т. д.);

– в результате проведения проверочных мероприятий сотрудниками службы безопасности или специалистами по защите информации, состоящими в штате пользователя или провайдера;

– из информации, получаемой от лиц, оказывающих содействие правоохранительным органам;

– в ходе оперативно-розыскных мероприятий, проводимых правоохранительными органами (снятие информации с технических каналов связи, оперативный эксперимент, наведение справок и т. д.);

- случайно;
- при расследовании преступлений иных видов.

2. Возбуждению уголовного дела о преступлении рассматриваемой категории практически всегда предшествует предварительная проверка материалов, поступивших в правоохранительные органы. В этой связи следователь может заблаговременно ознакомиться с собранными по делу материалами, совместно с оперативными сотрудниками специализированного органа дознания, выбрать оптимальный в тактическом отношении момент для возбуждения дела, а также определить характер и последовательность первоначальных следственных действий, оперативно-розыскных, организационных и иных мероприятий. В этих целях рекомендуется осуществлять совместное (согласованное) планирование.

3. Типичными поводами и основаниями для возбуждения уголовных дел о преступлениях, совершаемых с использованием электронных платежных средств и систем, являются:

1. Заявление о преступлении, поступившее от потерпевшего – представителя юридического лица или от гражданина – физического лица.
2. Непосредственное обнаружение признаков преступления органом дознания.
3. Непосредственное обнаружение признаков преступления следователем или прокурором при расследовании преступлений других видов.
4. Сообщения в средствах массовой информации и иные поводы.

4. Эффективность работы следователя по раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых с использованием электронных платежных средств и систем, в первую очередь зависит от оперативности реагирования на заявления и сообщения о преступлении, своевременного и обоснованного принятия решения о возбуждении уголовного дела. Запоздалое начало уголовного процесса может привести к безвозвратной утрате доказательств, увеличению сроков предварительного расследования и другим негативным последствиям.

5. На первоначальном этапе расследования преступлений, совершаемых с использованием электронных платежных средств и систем, возникают следующие типичные следственные ситуации:

- информация о мотивах, способе совершения преступления и личности преступника отсутствует (полная информационная неопределенность);
- имеются сведения о мотивах, способе совершения преступления, но нет сведений о личности преступника (частичная информационная неопределенность);
- известны мотивы, способы совершения и сокрытия преступления, личность преступника и другие обстоятельства (информационная определенность).

6. Для каждой типичной следственной ситуации разработан комплексный план расследования, включающий следственные действия, оперативно-розыскные и организационные мероприятия.

Библиографический список

1. Гаврилов Б.Я. О некоторых актуальных проблемах совершенствования предварительного следствия // Российский следователь. 2009. № 16. С. 22–25.
2. Гришина Е.П. Криминалистическая методика расследования преступлений с участием лиц, обладающих специальными познаниями // Эксперт-криминалист. 2009. № 4. С. 2–4.
3. Россинская Е. Р. Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: Судебная экспертиза. М.: Проспект, 2010. 464 с.
4. Супрун С.В. Производство следователем неотложных следственных действий // Российский следователь. 2010. № 3. С. 6–10.

References

1. Gavrilov B.Ya About some actual problems of improvement of preliminary investigation. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator], 2009, no. 16, pp. 22–25 [in Russian].
2. Grishina E.P. Forensic methodology for the investigation of crimes involving persons possessing special knowledge. *Ekspert-kriminalist* [Forensic Expert], 2009, no. 4, pp. 2–4 [in Russian].
3. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I. Reference book of the judge: Forensic examination. M., Prospekt, 2010, 464 p. [in Russian].
4. Suprun S.V. Production by the investigator of urgent investigative actions. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator], 2010, no. 3, pp. 6–10 [in Russian].

*N.V. Olinder**

FEATURES OF INQUIRIES ON PRELIMINARY INVESTIGATIONS OF CRIMES COMMITTED WITH USE OF ELECTRONIC PAYMENT MEANS AND SYSTEMS

In this article the peculiarities of individual investigative actions in the investigation of crimes committed with the use of electronic payment instruments and systems are viewed. The basic stages in the plan of investigations are singled out.

Key words: crimes committed with the use of electronic payment instruments and systems, crimes investigation, legal regulation.

* *Olinder Nina Vladimirovna* (olindernv@yandex.ru), Department of Criminal Process and Criminalistics, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОДЛИННОСТИ ОБЪЕКТОВ, НАПРАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

В статье рассматриваются проблемы обеспечения подлинности объектов экспертного исследования через представление судебной экспертизы как одного из элементов системы доказательств. Предложены отдельные рекомендации по законодательному закреплению обязательности фотосъемки объектов экспертного исследования и их упаковки как при производстве экспертизы, так и при производстве следственных действий.

Ключевые слова: судебная экспертиза, заключение эксперта; объекты экспертного исследования, фальсификация доказательств, изъятие и упаковка предметов и документов, производство следственных действий.

В настоящее время продолжается стремительное развитие науки и техники, к сожалению, первым на эти достижения реагирует преступный мир. Появляются новые виды и способы совершения преступлений, новые орудия преступлений. Правоохранительные органы вынуждены принимать ответные меры, разрабатывать новые средства и приемы обнаружения и исследования следов, методики экспертных исследований. Вместе с тем развитие технических средств и экспертных методик обнажает все еще не решенные пробелы в действующем уголовно-процессуальном законодательстве. Одним из таких пробелов, по нашему мнению, является отсутствие в действующем УПК РФ правовых норм, обеспечивающих гарантии подлинности объектов, направляемых для экспертного исследования [6, с. 446; 7, с. 339; 8, с. 256].

Анализ действующего законодательства и судебной практики позволяет определить последовательность действий, осуществляемую следователем (дознавателем) при назначении судебной экспертизы, а также действия суда по анализу и проверке доказательственного значения судебной экспертизы. Попробуем рассмотреть эту последовательность поэтапно с позиции гарантии подлинности объектов экспертного исследования.

Этап 1-й. Обнаружение и изъятие следов, предметов и документов, в дальнейшем направляемых для экспертного исследования, в ходе следственных действий. Как правило, такими следственными действиями являются осмотр места происшествия, обыск и выемка, режиссерский эксперимент и проверка показаний на месте происшествия.

Процессуальный порядок производства данных следственных действий регламентирован соответствующими статьями УПК РФ. Вместе с тем в указанных статьях недостаточно полно прописаны гарантии, обеспечивающие достоверность изымаемых

* © Шапошников А.Ю., 2015

Шапошников Андрей Юрьевич (shaposhnikoff@mail.ru), кафедра уголовного процесса и криминалистики, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

объектов. В части 3 ст. 177 УПК РФ отмечено, что в ходе осмотра изымаются предметы, которые могут иметь отношение к делу, «при этом в протоколе осмотра по возможности указываются индивидуальные признаки и особенности изымаемых предметов». Все «предметы должны быть изъяты, упакованы, опечатаны, заверены подписью следователя на месте осмотра» и, согласно ч. 4 ст. 177 УПК, предъявлены участникам осмотра. Согласно требованиям ст. 180 УПК РФ, в протоколе осмотра в обязательном порядке «перечисляются и описываются все предметы, изъятые при осмотре», а также то, «какие технические средства были применены и какие получены результаты, какие предметы изъяты и опечатаны и какой печатью, куда направлены после осмотра труп или предметы, имеющие значение для уголовного дела». Согласно ч. 10 ст. 182 УПК РФ, при производстве обыска и выемки «изъятые предметы, документы и ценности предъявляются понятым и другим лицам, присутствующим при обыске, и в случае необходимости упаковываются и опечатываются на месте обыска, что удостоверяется подписями указанных лиц». В части 13 ст. 182 УПК РФ указано, что «все изымаемые предметы, документы и ценности должны быть перечислены с точным указанием их количества, меры, веса, индивидуальных признаков и по возможности стоимости».

Анализ правоприменительной и судебной практики показывает, что в настоящее время сформировалась достаточно устойчивая практика, при которой описание процесса изъятия объектов в протоколах следственных действий сводится к указанию названия объекта и отметке о том, что он был упакован, упаковка опечатана и подписана понятыми [3, с. 32]. Детальное описание частных признаков изымаемых объектов в протоколах, как правило, не приводится, за исключением номерных вещей, у которых указывается заводской номер. В некоторых случаях встречается упоминание о характере упаковки в виде записи о том, что объект «упакован в полиэтиленовый пакет» или «упакован в бумажный конверт (картонную коробку)». Можно встретить упоминание о том, что «горловина пакета была перетянута ниткой, концы которой были скреплены листом бумаги с оттиском печати № 1 и подписями понятых». Отдельно необходимо остановиться на «опечатывании». Дело в том, что в настоящее время упаковки изымаемых объектов не опечатываются, а оклеиваются заранее заготовленными листочками с оттисками соответствующих печатей. В подавляющем большинстве случаев суды не исследуют сам процесс опечатывания упаковки, ограничиваясь отметкой о том, что упаковка была опечатана. В тех же случаях, когда данные обстоятельства исследуются судом более детально, суд требует, чтобы опечатывание проводилось именно посредством постановки оттиска при упаковке, а «оклеивание заранее заготовленными листочками с оттиском печати опечатыванием не является» [2]. В данном случае следует согласиться со столь жесткой позицией суда. Дело в том, что наклеивание листочков с оттиском печати не гарантирует сохранения подлинности изъятого объекта. В подавляющем большинстве случаев следователями и оперативными работниками при наклеивании листочков с оттиском печати используется клей-карандаш как наиболее удобный и доступный. Проблема в том, что данный клей не обеспечивает надежного склеивания, поэтому всегда остается возможность вскрытия упаковки без ее повреждения и каких-либо следов. Как мы уже отмечали ранее в наших исследованиях, опечатывание при изъятии должно осуществляться не основной печатью (гербовой или № 1) соответствующего органа, а личной печатью сотрудника, являющейся такой же печатью органа, только с другим номером (см. Приложение, фото № 7–9) [4, с. 305; 5, с. 60; 8, с. 257]. Данная личная печать является объектом строгой отчетности, ее выдача и закрепление за соответствующим сотрудником зафиксирована в документах, хранящихся в отделе делопроизводства и режима. При опечатывании личной печатью должен быть использован сургуч, который до сих

пор в качестве обязательного элемента входит в состав следственных и экспертных комплектов. Разумеется, один только сургучный оттиск личной печати не является гарантом обеспечения подлинности изымаемых объектов.

Анализ текстов протоколов следственных действий позволяет сделать вывод о том, что описание изымаемых объектов не позволяет провести их идентификации, а равно идентификации их упаковки. По нашему мнению, это связано с тем, что подробное описание общих и частных признаков занимает значительный объем, требует от следователей много времени и, главное, не обеспечивает идентификации большинства объектов. Единственной альтернативой описанию остается детальная фотосъемка самого объекта и его упаковки (см. Приложение, фото № 1–9). Подобного мнения придерживаются и иные исследователи [1, с. 28].

Если по поводу фотосъемки объектов вопросов, как правило, не возникает, то рекомендация фотографировать упаковку вызывает у практиков скептические улыбки. Попробуем в дальнейшем во всем этом разобраться более детально и понять значение данной рекомендации. По окончании осмотра изъятые в ходе следственного действия объекты, помещенные в паковки, опечатанные (оклеенные листочками бумаги с оттиском печати), подписанные понятыми и иными участниками осмотра, остаются в распоряжении следователя. Следователь перевозит их в свой служебный кабинет, где хранит или передает в камеру хранения вещественных доказательств в зависимости от ситуации по делу или собственных соображений. Период и условия хранения зависят от множества факторов, часто случайных.

На этом первый этап заканчивается.

Этап 2-й. Подготовка к назначению экспертизы. На этом этапе следователь определяет вид судебной экспертизы, перечень направляемых объектов и вопросы экспертизы. В необходимых случаях связывается с экспертом или экспертным учреждением, уточняет их возможности, получает консультацию по подготовке объектов. Также определяется перечень образцов, направляемых для исследования, при необходимости они изымаются (обыск, выемка, освидетельствование) или получают (получение образцов для сравнительного исследования – ст. 200 УПК РФ). Завершается этот этап вынесением постановления о назначении соответствующей экспертизы и ознакомлением подозреваемого (обвиняемого) и его защитника с данным постановлением.

Здесь необходимо отдельно остановиться на постановлении о назначении судебной экспертизы. Дело в том, что при составлении мотивировочной части данного постановления следователь должен указать значимые для эксперта обстоятельства, в том числе касающиеся происхождения объектов исследования. Как правило, следователи не указывают в полном объеме всю необходимую информацию, ограничиваясь указанием на факт изъятия. При этом в постановлении детально не расписываются идентификационные признаки объекта исследования, а также характер упаковки. По приведенным описаниям практически невозможно идентифицировать объект исследования и его упаковку. В некоторых случаях вместо описания объекта следователь указывает просто «предмет, изъятый у Иванова». В резолютивной части постановления о назначении экспертизы должны быть перечислены объекты, направляемые для исследования. Однако и в этой части, как правило, приводится очень краткое описание объектов, иногда указывается «Коробка № 1, в которую упакован предмет, изъятый у Иванова». Отсутствие подробного описания объектов не позволяет провести их однозначной идентификации и определить, тот ли самый объект в действительности поступил на исследование и в той же ли самой упаковке. Кроме того, подобное описание часто создает «сюрпризы» для экспертов.

В середине 90-х годов эксперт ЭКЦ ГУВД Самарской области на семинаре следователей, привел очень показательный пример. На дактилоскопическую экспертизу поступил «предмет, изъятый в ходе досмотра автомашины гражданина Н». Предмет был упакован в картонную коробку и в ней поступил в экспертное учреждение. Когда эксперт вскрыл упаковку, оказалось, что «предметом» является граната Ф-1 с установленным взрывателем, причем предохранительное кольцо выпало и находится на дне коробки. Сама граната была закреплена на распорках, предохранительный рычаг сдвинулся с места, но удерживался стенкой коробки. Естественно, никакой дактилоскопической экспертизы не проводилось, «предмет» с предосторожностями вывезли на полигон и подорвали. Граната Ф-1 оказалась боевой.

Этап 3-й. Получение экспертом материалов и производство экспертного исследования. Эксперт проводит исследование именно тех объектов, которые к нему поступили. Он, как правило, не решает вопроса о их подлинности, полностью полагаясь на следователя.

В результате в процессуальной процедуре возникает серьезный провал, создающий огромные возможности для злоупотреблений и фальсификации объектов исследования. Подлинность объектов устанавливается на основании записи эксперта о том, что их характер, внешний вид и упаковка соответствуют указанным в постановлении о назначении экспертизы. Однако характер описания объектов и их упаковки не позволяют провести идентификацию. Получается, что эксперт не может подтвердить подлинность исследуемых им объектов. Кроме того, поскольку эксперт не участвовал в ходе следственного действия, он не может утверждать, что упаковка объекта не изменилась. У него просто нет достаточных данных.

При изучении экспертных заключений различных судебных экспертиз нами было отмечено следующее обстоятельство. Подавляющее большинство экспертов формально относится к описанию упаковки и объектов исследования. Как правило, в заключении отмечается, что «внешний вид объектов и их упаковка соответствуют указанным в постановлении о назначении экспертизы. Упаковка повреждений или следов вскрытия не имеет». Во всех изученных нами заключениях отсутствовали фотографии упакованных объектов. Часто отметка об отсутствии следов вскрытия упаковки встречалась в заключениях химических экспертиз по наркотикам, что явно противоречило даже материалам дела. Дело в том, что наркотики предварительно исследуются в рамках ОРД и на экспертизу поступают в упаковке, имеющей следы вскрытия.

Проблема еще и в том, что текстовое описание поступивших на исследование объектов и их упаковки, как правило, не позволяет их идентифицировать. Например, стандартное описание упаковки объектов в заключении эксперта выглядит примерно так: «Дактопленки поступили на исследование упакованными в стандартный почтовый конверт из бумаги белого цвета, конверт снабжен соответствующей пояснительной надписью, опечатан оттиском клише печати (приводятся реквизиты печати) и подписан понятыми и следователем. Следов вскрытия упаковки не обнаружено». Данное описание абсолютно неконкретно и не позволяет установить подлинность как самой упаковки, так и объектов экспертного исследования. Для примера в приложении приведены фотоснимки двух конвертов с дактопленками, попадающими под подобное описание (см. Приложение, фото № 8–9). Фактически подлинность объектов исследования при существующей в данное время процедуре не обеспечивается. Даже если эксперты будут фотографировать упаковки объектов и составлять их идентификационное описание, то это бессмысленно, если нет образца для сравнения, т. е. если в приложении к протоколу нет фотоснимков упаковки изъятых объектов.

Этап 4-й. Получение следователем экспертного заключения. Ознакомление подозреваемого (обвиняемого) и его защитника с заключением эксперта. Анализ и оценка

доказательственного значения экспертного заключения. Производство связанных с ним следственных действий, при необходимости назначение дополнительной или повторной экспертизы.

Действующее законодательство определяет, что заключение эксперта является самостоятельным доказательством, не имеющим заранее установленной силы и каких-либо преимуществ, оцениваемым на основании внутреннего убеждения в совокупности с другими доказательствами. На самом деле мы уже убедились, что заключение эксперта – это производное доказательство, полнота, объективность и достоверность которого зависят не только от эксперта, но и от действий иных лиц, представляющих объекты экспертного исследования. Одним из наиболее существенных моментов оценки экспертного заключения является уверенность в подлинности объектов экспертного исследования. Если однозначно и объективно установить и оценить подлинность объектов экспертного исследования невозможно или они вызывают неустрашимые сомнения, то это ставит под сомнение всю экспертизу в целом.

Получается, что в рамках сложившейся процессуальной процедуры и правоприменительной практики подлинность объектов экспертного исследования устанавливается по признакам, не обеспечивающим надлежащей гарантии. Тех описаний объектов и их упаковки, которые приводятся в протоколах следственных действий, постановлении о назначении судебной экспертизы и заключении эксперта явно недостаточно для их идентификации. Таким образом, создаются реальные возможности для фальсификации объектов экспертного исследования как недобросовестными следователями и оперативниками, так и экспертами. Выявить подобные фальсификации в сложившихся условиях практически невозможно.

Полагаем, что возникла настоятельная необходимость в формировании процессуальных требований, гарантирующих подлинность объектов экспертного исследования. Соответствующие статьи УПК РФ и ФЗ «О ГСЭД в РФ» должны быть дополнены следующими положениями:

- описание изымаемых объектов должно позволять осуществить их идентификацию;
- все изымаемые объекты должны быть сфотографированы по правилам детальной фотосъемки перед изъятием и после упаковки;
- при объявлении подозреваемому (обвиняемому) и его защитнику о назначении судебной экспертизы они имеют право ознакомиться с протоколами следственных и судебных действий, в рамках которых были изъяты объекты, направляемые на экспертное исследование, фотоснимками, также им предъявляются в упакованном виде объекты, направляемые на экспертное исследование;
- при проведении экспертного исследования эксперт обязан сфотографировать поступившие на исследование объекты в упакованном виде и после извлечения из упаковки.

Развитие и повсеместное внедрение современных технических средств фиксации информации, их технические возможности позволяют сравнительно легко решить эту составляющую проблемы обеспечения подлинности объектов экспертного исследования.

Экспертиза и комплекс подготовительных следственных действий образуют единую систему, в которой каждый из элементов обеспечивает необходимую часть надежности и достоверности всей системы. Если из системы убрать элементы, обеспечивающие подлинность объектов экспертного исследования, то это создает безграничные возможности для фальсификации доказательств и ставит под сомнение достоверность результатов экспертного исследования.

Библиографический список

1. Маслов И.В., Шапков С.А. Применение технических средств фиксации осмотра места происшествия, производимого без участия понятых // Уголовный процесс. 2014. № 1. С. 22–29.
2. Уголовное дело № 1-838(07) г. // Архив Федерального суда г. Сызрани.
3. Шапошников А.Ю. Протокол следственного действия как зеркало отечественного уголовного процесса // Юридический аналитический журнал. 2006. № 3. С. 31–35.
4. Шапошников А.Ю. Криминалистические аспекты фиксации доказательственной информации в протоколе осмотра места происшествия // Криминалистика в системе правоприменения: материалы конференции / Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 27–28 октября 2008 г. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 304–308.
5. Шапошников А.Ю., Шапошникова И.А. Некоторые аспекты оценки доказательственного значения следов папиллярных линий // Юридический аналитический журнал. 2009. № 2. С. 53–67.
6. Шапошников А.Ю., Шапошникова И.А. Проблема обеспечения достоверности результатов экспертного исследования // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы 2-й Международной научно-практической конференции (г. Москва, 24–25 июня 2009 г.). М.: Проспект, 2009. с. 446–448.
7. Шапошников А.Ю., Шапошникова И.А. Проблема обеспечения достоверности объектов экспертного исследования // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы 2-й Международной научно-практической конференции (г. Москва, 30–31 января 2013 г.). М.: Проспект, 2013. С. 338–340.
8. Шапошников А.Ю. Осмотр места происшествия – некоторые пробелы уголовно-процессуального законодательства или «ошибки» следователей // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11/2. С. 255–261.

References

1. Maslov I.V, Shapkov S.A. Use of technical means of fixation of the examination of the scene produced without witnesses. *Ugolovnyi protsess* [Criminal proceeding], 2014, no. 1, pp. 22–29 [in Russian].
2. Criminal case No. 1-838(07). *Archive of the Federal Court of Syzran*.
3. Shaposhnikov A.Yu. Protocol of investigative actions as a mirror of domestic criminal process. *Iuridicheskii analiticheskii zhurnal* [Legal analytical journal], 2006, no. 3, pp. 31–35 [in Russian].
4. Shaposhnikov A.Yu. Forensic aspects of fixation of evidentiary information in the protocol of inspection of the crime scene. *Kriminalistika v sisteme pravoprimeneniia: materialy konferentsii / Moskva, MGU imeni M.V. Lomonosova, 27–28 oktiabria 2008 g.* [Forensic science in the system of enforcement: proceedings of the conference. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 27–28 October, 2008]. М., МАКС Press, 2008, pp. 304–308 [in Russian].
5. Shaposhnikov A.Yu., Shaposhnikova I.A. Some aspects of evaluation of evidentiary value traces of papillary lines. *Iuridicheskii analiticheskii zhurnal* [Legal analytical journal], 2009, no. 2, pp. 53–67 [in Russian].
6. Shaposhnikov A.Yu., Shaposhnikova I.A. Problem of ensuring reliability of the results of expert study. *Teoriia i praktika sudebnoi ekspertizy v sovremennykh usloviakh: materialy 2-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Moskva, 24–25 iunia 2009 g.)* [«Theory and practice of forensic examination in modern conditions»: proceedings of 2nd International research and practice conference (Moscow, 24–25 June, 2009). М., Prospekt, 2009, pp. 446–448 [in Russian].
7. Shaposhnikov A.Yu., Shaposhnikova I.A. Problem of ensuring the authenticity of objects of expert research. *Teoriia i praktika sudebnoi ekspertizy v sovremennykh usloviakh: materialy 2-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Moskva, 30–31 ianvaria 2013 g.)* [«Theory and practice of forensic examination in modern conditions»: proceedings of 2nd International research and practice conference (Moscow, 30–31 January, 2013). Moscow, Prospekt, 2013, pp. 338–340 [in Russian].
8. Shaposhnikov A.Yu. Examination of the scene – some gaps of criminal procedure law or «errors» of investigators. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2014, no. 11/2, pp. 255–261 [in Russian].

Фото № 1. Детальная фотосъемка ножа, на рукоятке которого выявлен след папиллярного узора. Параметры фотосъемки: цифровой фотоаппарат Olympus FE-250, режим фотосъемки макро, выдержка 1/60 с, диафрагма 2. Масштабная линейка расположена в одной плоскости с поверхностью рукоятки ножа

Фото № 2. Детальный фотоснимок следа папиллярного узора, выявленного с помощью черного немагнитного дактилоскопического порошка на рукоятке ножа. Параметры фотосъемки: цифровой фотоаппарат Olympus FE-250, режим фотосъемки супермакро, выдержка 1/40 с, диафрагма 2,0

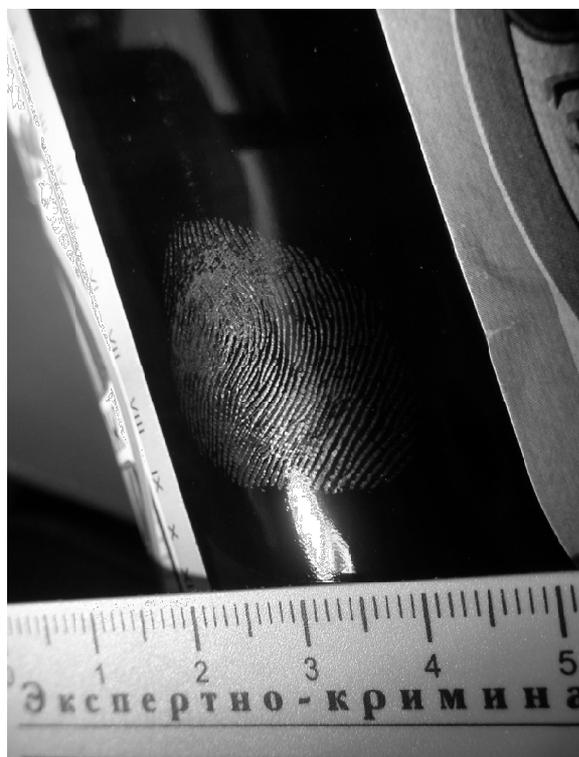

Фото № 3. Детальная фотосъемка слабовидимого следа отображенного папиллярного узора с использованием искусственного косопадающего освещения

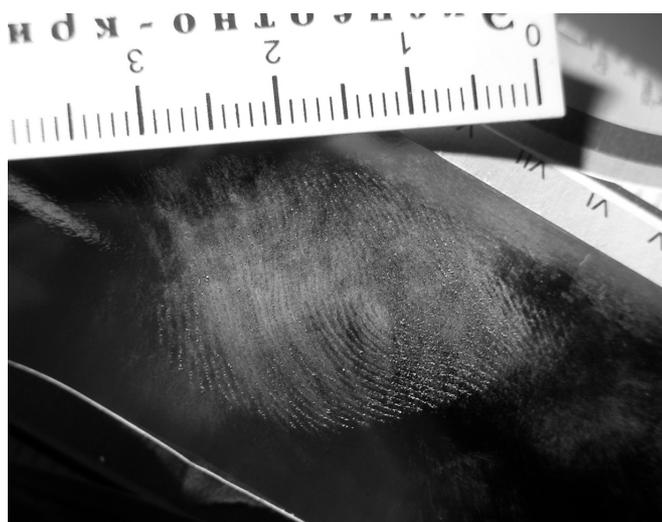

Фото № 4. Детальный фотоснимок следа после обработки светлым дактилоскопическим порошком

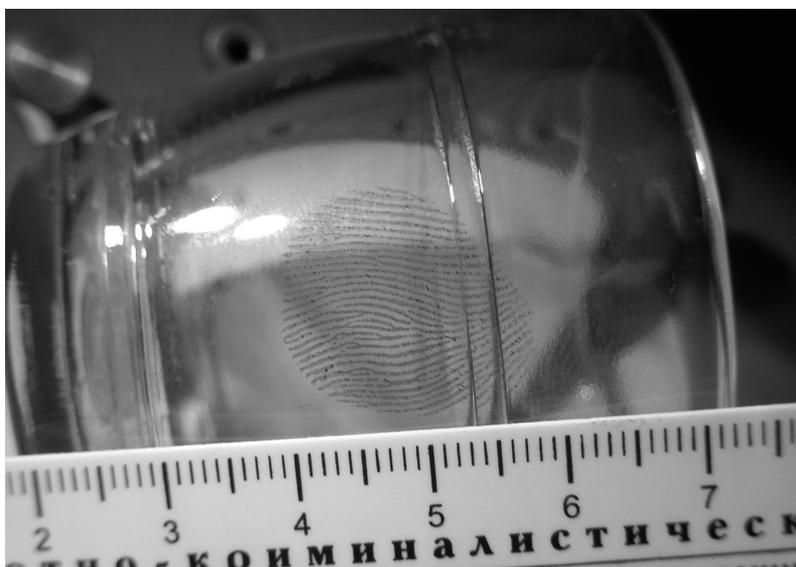

Фото № 5. Детальный фотоснимок следа папиллярного узора, выявленного с помощью черного магнитного дактилоскопического порошка на рюмке бесцветного стекла

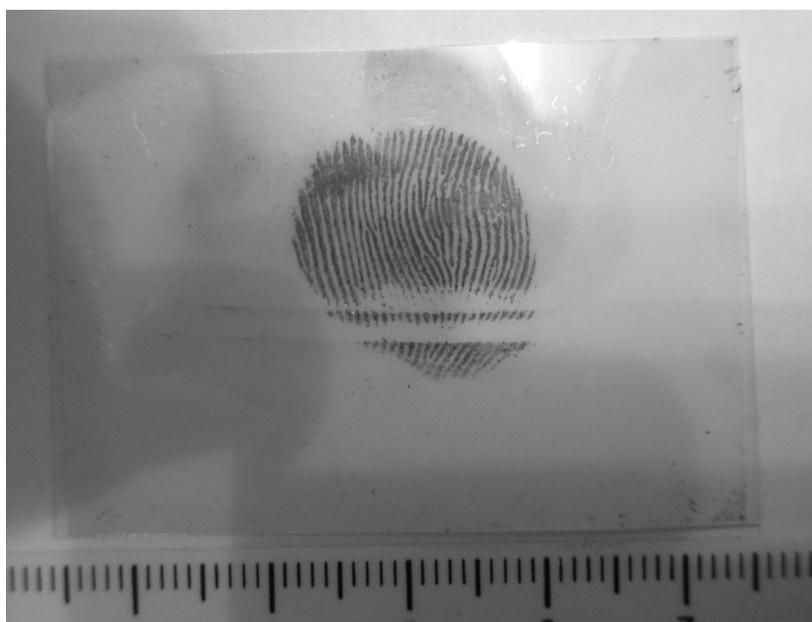

Фото № 6. Детальный фотоснимок отрезка белой дактилоскопической пленки, на которую откопирован след, обнаруженный на рюмке бесцветного стекла

Фото № 7. Детальный фотоснимок отрезка белой дактилоскопической пленки, на которую откопирован след папиллярного узора, с пояснительной биркой

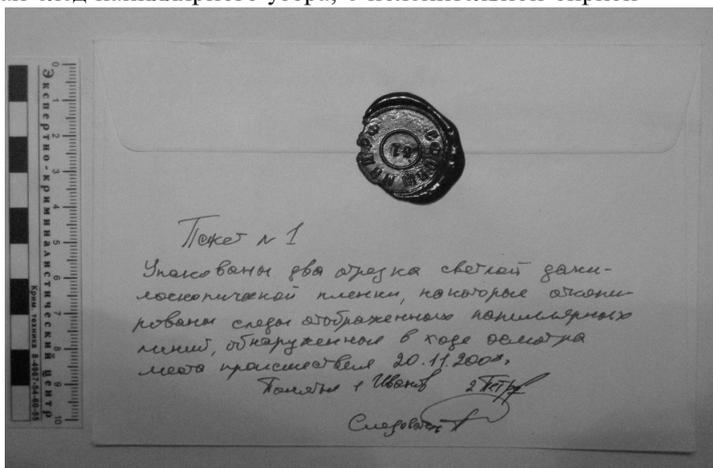

Фото № 8. Детальный фотоснимок пакета, в который упакованы отрезки дактилоскопической пленки, на которые откопированы обнаруженные следы папиллярных узоров

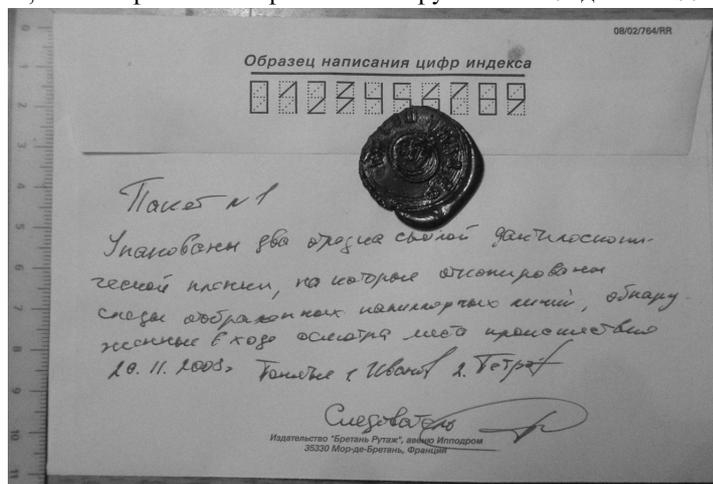

Фото № 9. Детальный фотоснимок пакета, в который упакованы отрезки дактилоскопической пленки, на которые откопированы обнаруженные следы папиллярных узоров

*A.Yu. Shaposhnikov**

**PROBLEM OF ENSURING AUTHENTICITY
OF OBJECTS SENT FOR EXPERT STUDY: SYSTEMATIC APPROACH**

The article considers the problems of ensuring the authenticity of objects of expert examination, through the performance of forensic examination as an element of evidence. Specific recommendations for legislative fixation of mandatory photographing of objects of expert research and their packaging, as in the production of expertise and investigative actions are proposed.

Key words: forensic enquiry, expert, objects of expert examination, falsification of evidence, removal and packing of items and documents, perform investigative actions.

* *Shaposhnikov Andrey Yurievich* (shaposhnikoff@mail.ru), Department of Criminal Process and Criminalistics, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

СОБЫТИЯ

К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне: по материалам межвузовской научно-практической конференции «70-я годовщина Великой Победы и достижения современных гуманитарных наук» (29 мая 2015 г., СамГУ)

УДК 340

*Ю.В. Оспенников**

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье определяется значение современных мифов общественного сознания, касающихся исторической памяти. Рассматривается идеологический заряд современного российского кинематографа в связи с противостоящими друг другу советской и фашистской традициями общественных мифов.

Ключевые слова: мифы общественного сознания, история СССР, фальсификации истории.

Великая Отечественная война — одно из наиболее тяжелых испытаний, которые выпадали на долю русского народа, она относится к числу тех немногих войн, в ходе которых решается вопрос выживания или физического уничтожения страны. События этой войны затронули каждую семью, поэтому она занимает столь значимое место в народной памяти. Однако и сама историческая память являлась в то время и является сейчас мощным оружием, активно используемым обеими сторонами конфликта. При этом объектами информационной войны становятся язык, история, система ценностей. Предметом данной статьи будут являться некоторые актуальные аспекты манипулирования памятью о Великой Отечественной войне в рамках современной информационной войны.

Добиться перелома в ходе войны удалось только в результате мобилизации всех материальных и людских ресурсов, массового героизма воинов и тружеников тыла, который современному человеку трудно представить. При этом значимую роль в объединении всех советских граждан в деле защиты страны играли средства агитации и пропаганды: радио, газеты, плакаты, театральные представления и др.

Задачами пропагандистской работы являлось не только формирование ожидаемой модели поведения, внедрение ценностных и мотивационных установок, но и отражение социальной действительности и переработка отраженного материала в информа-

* © Оспенников Ю.В., 2015

Оспенников Юрий Владимирович (desmandado@yandex.ru), кафедра теории и истории государства и права, Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Российская Федерация, г. Самара, ул. Рыльская, 24в.

ционные мифы. Мифы, широко распространенные в сознании современного человека, отличаются от тех мифов, которые определяли мифологическую парадигму, однако по-прежнему в значительной мере, как и их далекие предшественники, структурируют восприятие пространства и времени, существенную часть социальных отношений, определяют систему ценностей. Имея какие-то реальные события в качестве своего основания, такие мифы выполняют важную социальную функцию, не просто создавая общую культурно-смысловую базу для больших групп людей, но и формируя общий для этих групп ценностный подход к восприятию определенного круга вопросов.

Советская пропаганда непосредственно в годы войны и в послевоенные годы сумела создать ряд ярких мифов, которые стали основой для воспитания подрастающих поколений.

Общая направленность этой группы мифов была ориентирована на подчеркивание оборонительного и справедливого характера Великой Отечественной войны, роли Красной армии как освободительницы Европы, самоотверженного труда в тылу и беспримерного массового героизма на фронте.

Реальные подвиги советских воинов и тружеников тыла, будучи обработанными и запущенными уже в качестве мифов общественного сознания, многократно усиливали свое воспитательное значение. Мифы, основанные на подвигах Виктора Васильевича Талалихина, Алексея Петровича Маресьева, Александра Матвеевича Матросова, Николая Францевича Гастелло, Зои Анатольевны Космодемьянской, воинов-панфиловцев и многих других, были хорошо известны каждому школьнику. Эти мифы были призваны формировать определенные качества, отношение к Родине, модели поведения в разных жизненных обстоятельствах. Советские дети, играя «в войну», примеривали образы конкретных героев, в большей или меньшей степени «переживая» этот опыт и усваивая соответствующие модели поведения в тех или иных жизненных обстоятельствах. Многочисленные примеры из истории войны в Афганистане, первой и второй чеченских войн убедительно показывают, что на многих такой опыт взаимодействия с мифами о Великой Отечественной войне оказал решающее влияние.

В то же время активная пропагандистская работа по созданию мифов велась и врагом. Говоря о значении идеологического фронта, Гитлер отмечал: «Враждебный народ должен быть деморализован и готов к капитуляции, его следует психологически вынудить к пассивности, и только потом можно думать о военных действиях» [5, с. 25].

Среди идей, которые применяли в агитационных материалах нацисты, активно использовался миф о татаро-монгольских корнях русских, представление их как азиатских варваров, угрожающих цивилизованной Европе. С этой целью, например, распространялись брошюры с фото солдат Красной армии — выходцев из Средней Азии с комментарием: «Вот каковы татаро-монгольские твари! От них тебя защищает солдат фюрера!» [6, с. 23]. Отсюда вытекала пропаганда образа «недочеловека», согласно которой население СССР представлялось «грязными, монголоидными, скотскими ублюдками» [6, с. 23].

Еще одна широко использовавшаяся тема касалась бессмысленности сопротивления и войны в целом. Особое внимание уделялось разработке национального вопроса, в рамках которого предпринимались попытки инициировать и поддержать антирусские националистические движения в отдельных местностях СССР.

В современной России и бывших советских республиках начиная с 90-х гг. XX в. и вплоть до настоящего времени происходит насильственный слом прежней системы мифов и внедрение в общественное сознание новых, которые, как показывает их

анализ, основываются на антисоветской идеологии, восходящей к гитлеровским идеям и пропаганде [4, с. 25–27].

У этого процесса есть множество аспектов, и их все, конечно, невозможно осветить в рамках данной статьи. Например, та же традиция говорить о «геноциде» народов в СССР появилась на Западе сразу же после окончания Второй мировой войны и основывалась на трудах активно сотрудничавших с нацистами предателей вроде А.Г. Авторханова, который в годы войны дезертировал к нацистам с предложением заключить союз с восставшей против советской власти Чечней [3].

В рамках данной статьи будет исследован только один аспект современного состояния этой проблемы. Мифы общественного сознания теснейшим образом связаны с образностью подачи и восприятия, в связи с чем в современном мире одним из наиболее эффективных средств их распространения является кинематограф. Как говорил Геббельс, «кино представляет собой самое современное и научно обоснованное средство воздействия на массы. Следовательно, мы не должны им пренебрегать» [1, с. 328]. Рассмотрим мифы, которые современный российский кинематограф внедряет в общественное сознание.

В этом отношении большой интерес вызвало неожиданное выступление министра культуры В. Мединского по поводу отказа в прокате голливудскому фильму «Ребенок № 44». В этом на удивление бессвязном выступлении В. Мединский фактически признал, что фильм насыщен антисоветскими штампами, не соответствующими действительности, мельком упомянув при этом, что «это мы сами наснимали фильмов серии «сволочи из штрафбатов» [7]. Негативная реакция министра культуры на очередной антисоветский фильм весьма неожиданна именно по этой причине, поскольку она резко контрастирует с последовательной линией государства в лице Министерства культуры по поддержке такого рода «шедевров». Например, в 2004 году при государственной поддержке выходит на экраны «Штрафбат», основную идею которого хорошо выразил доктор исторических наук М. Гареев: «Надо вдолбить в головы современной молодежи, что Победу ковали не маршалы Жуковы и рядовые Матросовы, а уголовники, и тем самым если не умалить, то определенным образом принизить ее значение в умах нынешнего поколения» [2]. В 2006 году на антисоветский и антиисторический фильм «Сволочи» государство в лице Федерального агентства по культуре и кинематографии выделило около 700 тыс. долларов.

В 2010 году появился на экранах фильм «Утомленные солнцем 2: Предстояние» (2010) — один из самых больших кассовых провалов (бюджет — 40 млн долл., сборы — 7,46 млн). Любопытно, что это один из немногих фильмов, по итогам которого была предпринята попытка расследовать возможную растрату государственных средств, однако Государственная дума отказалась направлять в Министерство культуры запрос о том, сколько средств из бюджета было затрачено на создание фильма. Еще худшие результаты показал в 2011 году фильм-продолжение — «Утомленные солнцем 2: Цитадель» (бюджет — 45 млн долларов, сборы — 1,5 млн).

Показательно, что эти «шедевры» первоначально подаются как фильмы, основанные на реальных событиях, архивных материалах и свидетельствах современников. Распространение заведомо ложных сведений под видом документальных свидетельств следует рассматривать как умышленную деятельность по фальсификации народной памяти о Великой Отечественной войне.

В том же 2011 г. при поддержке Министерства культуры РФ (почти 50 млн рублей) был выпущен фильм «4 дня в мае». Возмутительнее всего то, что были запланированы бесплатные показы этой картины для ветеранов и школьников накануне Дня Победы (в 2012 году). Именно на этой картине негодование общества от непрерывного потока помоев на историю Великой Отечественной войны достигло предела и

выразилось в массовых письмах историков, публицистов, блогеров, в результате чего фильм был снят с предпраздничного эфира. Однако 30 мая, подчеркиваю, государственное информационное агентство РИА «Новости» организовало специальный показ этого фильма. В 2013 г. фильм был включен в программу международного кинофестиваля «Сталинградская сирень», посвященного 68-й годовщине Победы.

Как видим, резкая реакция общества на такого рода продукцию не оказала существенного воздействия на государственную политику поддержки антисоветского – а соответственно, антирусского – кинематографа. В 2012 г. вышли «Шпион» (бюджет – 135 млн сборов против 192 млн затраченных), «Белый тигр» (бюджет – 11 млн долларов, сборы 7,2 млн долл.) и др.

Для всех перечисленных фильмов (их список открытый, его можно продолжать) характерно представление русских как варваров, насилующих и грабящих мирное цивилизованное население Европы, которое не смогли защитить культурные немецкие солдаты. В сознание зрителя активно внедряется идея, что тоталитарный советский режим не считался ни с какими жертвами, даже, наоборот, любую цель с точки зрения советского руководства можно было достичь только самым кровопролитным способом. Современные творцы представляют войну как ненужный и бесцельный конфликт, полный бессмысленных жертв, победу в котором одержал не многонациональный советский народ под руководством коммунистической партии, а разного рода «штрафники» и уголовники, преследовавшие свои шкурные интересы. Как видим, значительное количество современных российских фильмов, выпускаемых при щедрой государственной поддержке, пропагандируют те самые мифы общественного сознания, которые создавались и запускались еще фашистской пропагандистской машиной.

Библиографический список

1. Герцштейн Р. Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск, 1996.
2. Еленский О. Какую «правду» ищут «Штрафбат» и «Курсанты» // Независимая газета. 2005. 4 февр.
3. Народоубийство в СССР: Убийство чеченского народа. Мюнхен: Свободный Кавказ, 1952.
4. Оспенников Ю.В. Проблема фальсификации истории: на примере оценки выселения народов в годы ВОВ // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Юридические науки. 2014. №3 (18). С. 25–27.
5. Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М., 1993.
6. Романько О. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941–1944. М., 2014.
7. РИА «Новости». URL: <http://ria.ru/analytics/20150416/1059033294.html>.

References

1. Gerzstein R. War which was won by Hitler. Smolensk, 1996 [in Russian].
2. Elensky O. What «truth» is looked for by «Shtrafbat» and «The Cadets». *Nezavisimaya Gazeta* [Independent Newspaper]. February 4, 2005 [in Russian].
3. Narodoubiystvo in the USSR: Murder of the Chechen people. Munich, Svobodnyi Kavkaz, 1952 [in Russian].
4. Ospennikov Yu.V. Problem of falsification of history: on the example of an assessment of eviction of people in the years of the Great Patriotic War. *Vektor nauki Tol'iattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iuridicheskie nauki* [Vector of Science of Togliatti State University. Series: Legal Sciences], 2014, no. 3(18), pp. 25–27 [in Russian].
5. Rauschning H. Hitler speaks. An animal from a chasm. M., 1993 [in Russian].

6. Roman'ko O. The Crimea during the German occupation. National relations, collaboration and guerrilla movement. 1941–1944. M., 2014 [in Russian].

7. URL: <http://ria.ru/analytics/20150416/1059033294.html> [in Russian].

*Yu. V. Ospennikov**

MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN MODERN RUSSIA

In the article the value of modern myths of public consciousness concerning historical memory is defined. The ideological charge of modern Russian cinema in connection with the Soviet and fascist traditions of public myths resisting each other is considered.

Key words: myths of public consciousness, history of the USSR, falsifications of history.

* *Ospennikov Yury Vladimirovich* (desmandado@yandex.ru), Department of Theory and History of State and Law, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 24v, Rylskaya Street, Samara, 443022, Russian Federation.

ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются некоторые проблемы защиты гражданских прав по судебным делам в период Великой Отечественной войны. Выявлены некоторые особенности возбуждения и рассмотрения гражданских дел, а также исполнения судебных актов в условиях войны.

Ключевые слова: утрата гражданского дела, восстановление утраченного судебного производства, защита гражданских прав в период Великой Отечественной войны.

Военные действия на территории определенного государства не могут не оказать влияния на право данной страны, в том числе на порядок рассмотрения гражданских дел и возможность судебной защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

В условиях Великой Отечественной войны гражданские отношения осложнились и исковые требования граждан также приобрели военную окраску, например, появились иски об изъятии собственности, отбитой у неприятеля и переданной несобственникам, иски об оплате авто-тракторного и гужевого транспорта, поставляемого для Красной армии, или дела о разделе между супругами вкладов в сберегательных кассах, внесенных на имя одного из супругов – участника военных событий, о котором нет сведений и нет достаточных оснований для постановки вопроса о наследовании.

Конечно, условия военных действий и тем более оккупация территории часто служат причиной для внесения изменений в сложившийся порядок рассмотрения гражданских дел и по-новому определяют правила судебной защиты лиц. Порой это приводит к смягчению правил судопроизводства по отношению к участникам процесса и даже позволяет пренебречь некоторыми принципами процесса.

Рассмотрим некоторые проблемы защиты гражданских прав по судебным делам, с которыми столкнулась и справилась наша страна в период Великой Отечественной войны и которые, на мой взгляд, дали определенный толчок к развитию некоторых норм гражданского процесса, незаслуженно обойденных вниманием ранее.

Наиболее актуальными проблемами в области гражданского процесса военного времени стали проблемы рассмотрения дел с участием военнослужащих – сторон спора, призванных в действующую армию; проблемы приостановления производства, а также проблемы восстановления утраченных судебных производств.

Первое указание судам в области гражданского процесса военного времени было дано Пленумом Верховного суда СССР 23.06.1941 г. – на следующий день после вероломного нападения фашистской армии на нашу страну (Постановление № 24/9а/у от 23.06.1941 г. «О приостановлении производства всех незаконченных судебных дел по искам о выселении из жилых помещений лиц, состоящих по призыву и мобилизации в рядах Красной армии и Военно-Морского флота, а также членов их семей»).

* © Давидян Ю.С., 2015

Давидян Юрий Сергеевич (ys.86@mail.ru), кафедра гражданского процессуального и предпринимательского права, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Как указывает К.С. Юдельсон, ценность этого постановления в том, что оно является прекрасным образцом разрешения одного из злободневных процессуальных вопросов под углом зрения указаний товарища Сталина о немедленной перестройке всей нашей страны на военный лад с подчинением всего интересам фронта и задачам организации разгрома врага [1, с. 9].

Анализ указанного постановления Пленума показывает расширительное толкование действующего закона (ст. 113 ГПК РСФСР) в трех направлениях.

Во-первых, Пленум распространил приостановление производства по делам о выселении на всех ответчиков, состоящих по призыву или мобилизации, независимо, подпадает ли воинская часть, в которой пребывает ответчик, под понятие действующей, безразлично, находится она на фронте или в тылу.

Во-вторых, пунктом г ст. 113 ГПК РСФСР предусмотрено приостановление производств, сторонами в которых являются сами призванные, а Пленум распространил действие этой нормы и на сьемщиков — членов семей военнослужащих.

В-третьих, Пленум также распространил действие этой статьи на стадию исполнения судебных решений о выселении военнослужащих и членов их семей. Статья 113 ГПК РСФСР имела в виду лишь стадию судебного разбирательства.

Следует отметить, что обстоятельства военного времени внесли много нового в область исполнения судебных решений, например, в область взыскания алиментов в условиях войны.

Так, приостановление исполнения коснулось лишь дел о взыскании алиментов по исполнительным листам, выданным в отношении рядового и младшего начальствующего состава Красной армии и Военно-Морского флота. В отношении среднего, старшего и высшего начальствующего состава, а также сверхсрочнослужащих взыскание алиментов не приостанавливалось.

Действующее в период военных действий законодательство нашей страны также предусматривало и весьма своеобразные основания для приостановления производства, например, неполноту доказательств в делах о перевозках, когда временно устранена связь с дорогой или паромным следованием первоначального следования груза, что, конечно, выходит за пределы ст. 113 ГПК РСФСР.

В условиях войны вопрос о восстановлении утраченных производств становится весьма актуальным [1, с. 94].

Эвакуированные из местностей, временно захваченных наглой фашистской армией, многие истцы и взыскатели заинтересованы в том, чтобы их гражданские права были защищены, несмотря на то что судебные дела об этих правах в некоторых случаях утрачены в связи с военными действиями. Аналогичен интерес истцов, не подвергавшихся тяготам эвакуации, но предъявивших исковые требования или требования об исполнении решений к лицам, находившимся на территории, ставшей театром военных действий или прифронтовой полосы.

Самый ранний довоенный документ — Инструкция о порядке восстановления утраченных, уничтоженных или похищенных производств по судебным делам, утвержденная циркуляром Народного комиссариата юстиции СССР от 06.01.1925 г. № 9 (далее — Инструкция)¹, регулирующая одновременно восстановление уголовных и гражданских дел, — в настоящее время мало кому известна. Несмотря на это, указанная Инструкция действовала довольно длительное время и была признана утратившей силу приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 24.12.2003 г. № 324 только в связи с принятием Гражданского процессуального кодекса РФ и дополнением УПК РФ новой статьей 158.1. («Восстановление уголовных дел»).

Гражданский процессуальный кодекс РСФСР, введенный в действие постановлением ВЦИК от 10.07.1923 г., не содержал нормы о восстановлении судебных производств.

Как отмечает К.С. Юдельсон, эта инструкция мало применима к сложным условиям военного времени, так как возникающих вопросов она в полном объеме не решает [2, с. 94]. Например, согласно Инструкции, вопрос о восстановлении утраченного производства разрешается тем же судом, в котором дело производилось, что не всегда применимо в условиях военного времени, когда стороны выбыли с территории, временно занятой врагом, и находятся в ином населенном пункте.

Первое, что обращает на себя внимание в указанной Инструкции, — это одновременное регулирование процедуры восстановления и гражданских, и уголовных дел, что, естественно, влияет на сам порядок восстановления дел, предложенный в данном документе.

В отличие от ныне действующего порядка, Инструкция предоставляет истцам право самостоятельного выбора — подать новый иск, либо «возобновить дело», а суду — возможность на свое усмотрение по ходатайству ответчика все-таки «признать необходимым восстановить утраченное производство», если истцом взамен ходатайства о восстановлении дела предъявлен новый иск (п. 2). Суд кассационной инстанции также может по своему усмотрению в случае обжалования решения, «не вошедшего в законную силу», признать необходимым восстановить производство по делу в необходимых ему пределах (п. 5 Инструкции).

В случае же если решение «вошло в законную силу», восстановление производства осуществляется лишь в части восстановления решения, при этом вышестоящим инстанциям предоставляется право в особо исключительных случаях (без специальной конкретизации) восстановить производство по делу, как в части, так и полностью.

Весьма интересна норма пункта 11 Инструкции, которая позволяет суду при недостаточности собранного материала и исчерпании всех средств к восстановлению «прибегнуть к повторному производству уже производившихся судебных... действий, поскольку это представляется необходимым для дальнейшего движения дела», в том числе к судебному рассмотрению дела. При этом подача нового самостоятельного иска не требуется. Действующий ГПК подобное не позволяет и предписывает судам в подобных случаях производство по делу прекращать, а лицам, участвующим в деле, предоставляет право предъявить иск в общем порядке (ч. 1 ст. 318 ГПК).

Инструкцией допускалось даже восстановить решение суда «по памяти» составом суда, его вынесшим. При этом проект восстановленного решения «вносится в судебное заседание» с вызовом сторон, где проект или утверждается, или изменяется, или отвергается.

Инструкция предусматривала уголовную ответственность за сообщение заведомо ложных сведений по ст. 90 УК РСФСР («Заведомо ложное сообщение в письменном заявлении государственному учреждению»). Как известно, действующий ГПК (статья 319) устанавливает, что при заведомо ложном заявлении судебные расходы, связанные с возбуждением дела по заявлению о восстановлении утраченного судебного производства, взыскиваются с заявителя.

Конечно, обстановка военного времени вызвала необходимость корректировки порядка процедуры восстановления утраченного производства, в связи с чем 23.05.1942 г. совместным приказом № 35/175 Народного комиссариата юстиции СССР и Генеральной прокуратуры СССР был разработан Порядок восстановления уголовных и гражданских дел, по которым производство утрачено в связи с обстоятельствами военного времени², который до настоящего времени не отменен и не признан утратившим силу (далее — Порядок).

Помимо данного приказа, вопрос о восстановлении утраченных производств отчасти регулировался Директивным письмом НКЮ СССР № АД-26 от 26.09.1941 г. и Инструкцией НКЮ СССР от 22.04.1942 г. «О порядке выдачи дубликатов исполнительных листов в случае утраты по обстоятельствам военного времени судебного или исполнительного производства» [1, с. 95], которая, считаясь с условиями военного

времени, сделала исключение из правил и позволила сторонам обращаться в суд с вторичным иском теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям.

Упомянутый выше Порядок предоставил суду право приостанавливать до окончания войны нерассмотренные гражданские дела, производство по которым утрачено, если истцом не будут представлены необходимые доказательства своего иска [1, с. 96].

К.С. Юдельсон видит в этом положительные аспекты и огромное значение для истца, поскольку течение давностного срока по делам, приостановленным в связи с утратой производства, начнется по окончании войны, что защищает право требования от действия срока исковой давности.

При обжаловании судебного акта, не вступившего в законную силу, производство по которому утрачено, суд при невозможности вынесения определения без восстановления дела выносит определение о приостановлении исполнения судебного решения впредь до распоряжения суда. Производство по вступившим в законную силу судебным актам восстанавливается судом надзорной инстанции только в необходимых случаях, а если восстановление производства по делу невозможно, суд выносит определение о приостановлении исполнения решения либо о прекращении дела, при этом основания для принятия того или иного определения указанным Порядком не регламентированы.

Исследуемый порядок рассмотрения дел о восстановлении утраченных производств был закреплен в составе гражданского процессуального законодательства только с принятием Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1964 года³ в качестве Приложения № 2 «Восстановление утраченного судебного или исполнительного производства».

Нетрудно видеть, что приложение к ГПК РСФСР восприняло основные идеи восстановления утраченных производств, заложенные в Инструкции Наркомюста, и воспроизвело их практически в неизменном виде.

В отличие от действующих правил, Приложение № 2 к ГПК РСФСР допускает восстановление утраченного производства не только по инициативе лиц, участвовавших в деле, но и по инициативе самого суда, что являлось исключением из общего правила, запрещающего суду возбуждать гражданские дела по своей инициативе.

Институт восстановления утраченного судебного производства был предложен в составе ГПК РФ проектом ГПК 2000 года, который 25.12.2000 г. был внесен в Государственную думу РФ Верховным Судом РФ и с учетом изменений [2, с. 793] был размещен в подраздел IV ГПК в качестве отдельной категории дел особого производства [2, с. 713–715]. Мотивы, по которым разработчиками современного ГПК было решено отнести дела о восстановлении утраченного судебного производства к особому производству, неизвестны.

Как указывает К.С. Юдельсон, защита гражданских прав по судебным делам, утраченным в связи с обстоятельствами военного времени, продолжает оставаться в числе жгучих вопросов и после военного периода [1, с. 93].

Следует отметить, что материалы судебного производства могут быть утрачены или уничтожены не только из-за военных действий, но и в силу различных «гражданских» причин, например, вследствие стихийных бедствий, пожара⁴, по причине халатного и безответственного отношения сотрудников аппарата суда, вследствие порой незаконных действий участников гражданского процесса или иных заинтересованных лиц в виде умышленного уничтожения документов, кражи гражданских дел, уничтожения материалов при ознакомлении с ними и т. п.

В связи с этим рассматриваемые вопросы гражданского процесса актуальны и имеют практическое значение в мирное время.

Как мы видим, обстоятельства военного времени внесли существенные коррективы в мирную жизнь, в т. ч. в юридические отношения субъектов. Гражданский

процесс военного времени столкнулся с новыми вызовами, но суды продолжали рассматривать гражданские дела, обеспечивая тем самым состояние законности в стране, воюющей с гитлеровской Германией.

Примечания

¹ Документ опубликован не был, доступен в справочной правовой системе «КонсультантПлюс».

² Приказ опубликован: Законодательные и административно-правовые акты военного времени с 22 марта 1942 г. по 1 мая 1943 г. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1943.

³ Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

⁴ См., например: постановление Президиума Ярославского областного суда от 17.04.2002 г. № 44-г-130 (доступно в СПС «КонсультантПлюс»); решение Тункинского районного суда Республики Бурятия от 29.01.2010 г. (http://tunkinsky.bur.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=78) и др.

Библиографический список

1. Юдельсон К.С. Вопросы советского гражданского процесса военного времени. Свердловск: Свердловский юридический институт, 1943.

2. Путь к закону (исходные документы, пояснительные записки, материалы конференции, варианты проекта ГПК, новый ГПК РФ) / под общ. ред. М.К. Треушникова. М.: ОАО «Издательский дом «Городец», 2004.

References

1. Judelson K.S. Questions of Soviet civil process of the war time. Sverdlovsk Law Institute, 1943 [in Russian].

2. Way to the law (original documents, explanatory notes, conference materials, versions of the draft of Code of Civil Procedure, new Code of Civil Procedure). M.K. Treushnikov (Ed.). M., ОАО «Izdatel'skii dom «Gorodets», 2004 [in Russian].

*Yu.S. Davidyan**

ISSUES OF THE CIVIL PROCESS IN THE PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

This article discusses some of the problems of protecting civil rights in court cases in the period of the Great Patriotic War. Some features of institution and civil investigations, as well as the execution of court decisions in conditions of war are identified.

Key words: loss of a civil case, recovery of the lost criminal proceedings, protection of civil rights in the Great Patriotic War.

* *Davidyan Yuri Sergeevich* (ys.86@mail.ru), Department of Civil Procedural and Entrepreneurial Law, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 343.163

А.С. Макиша, А.А. Прокопенко*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРАТУРЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена деятельности прокуратуры во время Великой Отечественной войны. В ней рассматриваются вопросы, связанные с порядком организации деятельности прокуроров, их полномочиями и процессом перестройки всех правоохранительных органов на военный лад в связи с началом военных действий. Анализируются источники права военных лет и немногочисленные документы времени Великой Отечественной войны, литература различных авторов послевоенного периода, и определяются некоторые особенности, присущие тому времени.

Ключевые слова: органы прокуратуры, перестройка всех органов на военный лад, надзор, работа прокурора.

В годы Великой Отечественной войны деятельность органов прокуратуры была подчинена общей задаче — победе советского народа над фашизмом. В суровые годы Великой Отечественной войны органы прокуратуры, юстиции и суда работали исключительно в интересах обороны страны.

В соответствии с Постановлением ЦИК СНК СССР от 20 июня 1933 года о создании Прокуратуры СССР [1] были закреплены полномочия прокуроров СССР, в частности: надзор за соответствием постановлений и распоряжений отдельных ведомств Союза ССР и союзных республик и местных органов власти — Конституции и постановлениям правительства Союза ССР; наблюдение за правильным и единообразным применением законов судебными учреждениями союзных республик с правом истребования любого дела в любой стадии производства, опротестования приговоров и решений судов в вышестоящие судебные инстанции и приостановления их исполнения; возбуждение уголовного преследования и поддержание обвинения во всех судебных инстанциях на территории Союза ССР; общее руководство деятельностью прокуратуры союзных республик.

В Конституции 1936 года [2], действовавшей на протяжении всей Великой Отечественной войны, было закреплено, что высший надзор за точным исполнением законов всеми народными комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР возлагается на прокурора СССР.

В связи с началом Великой Отечественной войны Президиум Верховного Совета СССР 22 июня 1941 года принял Указ [3], объявивший в стране военное положение. В связи с этим количественно и качественно изменяются органы советской военной прокуратуры, так как все государственные органы должны были перестроиться на военный лад. Это должно было способствовать эффективному выполнению тех задач

* © Макиша А.С., Прокопенко А.А., 2015

Макиша Анна Сергеевна (anumakisha@bk.ru), Прокопенко Алена Александровна (alena00794-1994@mail.ru), кафедра гражданского и предпринимательского права, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

военного времени, которые были возложены на них военно-политическим руководством страны. В первые дни войны были приняты меры по приближению прокурорских органов к частям, и от системы корпусных в качестве низшего звена пришлось перейти к системе дивизионных прокуратур. Были созданы военные прокуратуры фронтов, в частности, действовали военные прокуратуры фронтов противовоздушной обороны, авиации дальнего действия, военные прокуратуры флотов в Военно-Морском флоте и другие. Все транспортные прокуратуры были преобразованы в военные. В январе 1942 г. была организована Главная военная прокуратура железнодорожного транспорта.

Также с началом военных действий остро встал вопрос обеспечения кадрами прокурорских органов, поскольку значительная часть прокуроров и следователей были мобилизованы в действующую армию. В связи с этим органы прокуратуры пополнялись за счет выпускников юридических институтов и средних специальных образовательных учреждений юридической направленности, а также за счет лиц, получивших ранения на фронте и непригодных для службы. Такое положение приводило к возникновению ряда трудностей при осуществлении прокурорами и следователями своих обязанностей.

Главное содержание деятельности органов прокуратуры состояло в надзоре за исполнением законов военного времени, направленных на охрану общественного порядка, трудовой и государственной дисциплины, прав и законных интересов военнослужащих и их семей, охрану социалистической собственности от преступных посягательств. Прокуроры и следователи многое сделали в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. Находясь на военном положении, прокуратура обеспечивала четкое исполнение законов о поставке военной продукции, об оказании помощи фронту и укреплении тыла.

В условиях войны работа военной прокуратуры была многообразной, однако с организационной и функциональной точки зрения она по-прежнему укладывалась в две основные формы: общий надзор за законностью в армии и уголовное преследование преступлений. В области надзора работа советской прокуратуры напрямую зависела от политики, проводимой внутри страны, то есть перед прокурорско-следственными и судебными органами ставилась задача усиления мер уголовного преследования лиц, виновных в совершении преступлений, и снижения количества оправдательных приговоров.

В годы войны надзорная деятельность военных прокуроров носила разносторонний характер. Им приходилось вникать буквально во все стороны жизни армии. В поле зрения прокурорского надзора находились такие важные вопросы, как подвоз продовольствия и боеприпасов, эвакуация раненых и организация питания солдат на передовой линии и на отдыхе, обмундирование солдат и воинская дисциплина; работа госпиталей и обеспечение льгот семьям военнослужащих; охрана военного имущества и возврат промышленности пустой тары, использование боевой техники и воинского транспорта и т. д. Можно без преувеличения сказать, что не было ни одного участка жизни и деятельности армии на фронте и в тылу, куда бы ни проникал зоркий глаз военного прокурора. Особенности были в работе органов прокуратуры по надзору за местами лишения свободы. С началом войны некоторые категории заключенных по отдельным Указам Президиума Верховного Совета СССР и Постановлениям ГКО подлежали освобождению, часть из них отправлялась на фронт, отличившиеся на фронте после окончания военных действий освобождались от уголовной ответственности. Основным направлением в надзорной работе являлся контроль за теми отраслями производства и строительства, на которых использовался труд заключенных. Это позволило на всем протяжении войны обеспечить бесперебойное и сво-

временное снабжение армии необходимым оборудованием, военной техникой, боеприпасами, продовольствием, средствами связи, а также поднять промышленность и сельское хозяйство за годы войны на более высокий уровень.

Важное место в годы войны в работе военных прокуратур занимала правовая пропаганда. Под руководством политических органов военные прокуроры разъясняли военнослужащим действующие законы. Такие темы, как «Защита Отечества – священный долг каждого советского воина», «Дисциплинированность и бдительность – сильное оружие в борьбе с врагом» и другие, находились в центре разъяснительной работы военных прокуроров.

Особенно сложна и трудна была работа прокурора и следователя в военных условиях. Для того чтобы допросить свидетеля, приходилось не идти, а ползти на передний край под обстрелом артиллерии, минометов или пулеметов. Отложить до завтра допрос невозможно. Завтра свидетель – а его показания чрезвычайно важны для дела – может быть убит или тяжело ранен и отправлен в тыловой госпиталь. На фронте приходилось допрашивать свидетелей непосредственно в траншее, блиндаже при мерцающем светильнике из гильзы. Протоколы допросов нередко приходилось писать карандашом, сидя на первом попавшемся предмете или прямо на земле. Разумеется, о большой культуре оформления дел говорить не приходилось. Да и бумаги не хватало. Поэтому иногда для обложек дел приходилось использовать газеты.

В результате работы военной прокуратуры в годы войны предупреждались или исправлялись нарушения закона, дисциплины и порядка.

Роль Прокуратуры СССР с началом Великой Отечественной войны выросла в значительной степени. Это было обусловлено тем, что прокуратура, являясь главным надзорным органом государства, была призвана обеспечить выполнение тех жизненно важных задач, которые возникли в связи с переводом всей страны на военное положение.

Библиографический список

1. Постановление ЦИК и СНК СССР «Об учреждении Прокуратуры Союза ССР» // СЗ СССР. 1933. № 40.
2. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик 1936 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 283.
3. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1941. С. 213–215.
4. Гаврилов В.В. Сущность прокурорского надзора в СССР. Саратов, 1984.
5. Положение о Прокуратуре СССР // СЗ СССР. 1934. № 1.
6. Маляров М.Н. Прокурорский надзор в СССР. М., 1969.

References

1. The resolution of Central Electoral Commission and Council of People's Commissars of the Union of Soviet Socialist Republics «On establishment of Prosecutor's office of USSR». *SZ SSSR* [Collection of Legislation of the USSR], 1933, no. 40 [in Russian].
2. Constitution (Basic law) of the Union of Soviet Socialist Republics of 1936. *News of the Central Electoral Commission of the USSR and All-Russian Central Executive Committee*, no. 283 [in Russian].
3. Decree of Presidium of the Supreme Council of the USSR dated June 22, 1941 «On martial law». *Collection of laws of the USSR and decrees of Presidium of the Supreme Council of the USSR*, 1941, pp. 213–215 [in Russian].

4. Gavrilov V.V. Essence of public prosecutor's supervision in the USSR. Saratov, 1984 [in Russian].
5. Regulation on Prosecutor's office of the USSR. *SZ SSSR* [Collection of Legislation of the USSR], 1934, no. 1 [in Russian].
6. Malyarov M.N. Prosecutor's supervision in the USSR. M., 1969 [in Russian].

*A.S. Makisha, A.A. Prokopenko**

ACTIVITIES OF PROSECUTOR'S OFFICE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article is devoted to the activities of the prosecutor's office during the Great Patriotic War. It addresses issues related with the organization of activities of prosecutors, their powers, and the process of restructuring of law enforcement agencies since the beginning of military operations on a war footing. The authors of this article analyzed the sources of law of the war years and a few documents of the time of War, the literature of various writers of the postwar period and removed some of the features inherent in the time.

Key words: prosecutor's office, restructuring of all organs on a war footing, supervision, work of the prosecutor.

* *Makisha Anna Sergeevna* (anyamakisha@bk.ru), *Prokopenko Alena Alexandrovna* (alena00794-1994@mail.ru), Department of Civil and Entrepreneurial Law, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

УДК 34.05

А.А. Савельев*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОСТАВОК ПО ЛЕНД-ЛИЗУ

В статье сравниваются правовое регулирование ленд-лиза и договора поставки, предусмотренного Гражданским кодексом Российской Федерации. Указано на сходства и различия данных правовых явлений.

Ключевые слова: ленд-лиз, договор поставки, Вторая мировая война.

Ленд-лиз является программой, по которой во время Второй мировой войны осуществлялась поставка в страны Антигитлеровской коалиции техники, оружия, продуктов питания, сырья и т. п. Данная государственная программа и ее роль в экономике СССР является темой многочисленных исследований, которые часто диаметрально противоположно оценивают ленд-лиз. Охарактеризуем данную программу с правовой точки зрения.

Правовой основой для программы ленд-лиза является Закон о ленд-лизе от 11 марта 1941 г. [1]. Он позволял президенту давать обязательные для исполнения указания руководителям министерств и ведомств о производстве оборонного материала и его отчуждении в любой форме. Оборонным материалом в данном законе считались:

- 1) любой вид оружия, боеприпасов, самолет, судно или корабль;
- 2) любой вид оборудования, сооружения, инструмент, материал или вид припасов, необходимых для производства, изготовления, обработки, ремонта, обслуживания или эксплуатации любого из материалов, упомянутых в настоящем подразделе;
- 3) любой составляющий узел, деталь или вспомогательное оборудование, предназначенное для материала, описанного в настоящем подразделе;
- 4) любой сельскохозяйственный, промышленный или иной товар либо предмет, предназначенный для обороны.

Также предметом передачи является «оборонная информация» – любой план, описание, проект, образец или информацию, относящуюся к любому «оборонному материалу».

Между СССР и США 11 июня 1942 г. было заключено Соглашение о принципах, применимых к взаимной помощи и ведении войны против агрессии (далее – Соглашение) [2, с. 280–284]. Первая и вторая статьи данного нормативно-правового акта предусматривают взаимное снабжение материалами, обслуживанием и иными услугами, которые могут быть предоставлены. Данные общественные отношения можно отнести к современному договору поставки, которому посвящен параграф 3 гл. 30 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [3]. При этом существует ряд отличий, который не позволяет отнести соглашение по ленд-лизу к данному договору из ГК РФ. Поставка предполагает, что имущество, перешедшее таким способом, становится собственностью покупателя. Однако в Соглашении в ст. 5 указано, что Советский Союз должен вернуть оборонные материалы, полученные из США, которые не уничтожены, утрачены или потреблены и которые пригодны для обороны или иным образом могут быть использованы США. Данное положение свойственно договору

* © Савельев А.А., 2015

Савельев Александр Алексеевич (demogorgon1@inbox.ru), кафедра гражданского процессуального и предпринимательского права, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

аренды. Но договор аренды предусматривает обязанность арендатора возвратить имущество в том виде, в котором оно было передано ему арендодателем — ст. 622 ГК РФ. Также существенное ухудшение имущества является одним из оснований досрочного расторжения договора со стороны арендатора. Соглашение фактически не устанавливает никакой ответственности СССР перед США за выбытие поставленной техники. Этот факт можно объяснить тем, что часть оборонных материалов составляла военная техника. Она должна была использоваться в военных действиях, и логично будет предположить наличие определенного процента потерь. Также стоит сказать, что предметом аренды являются непотребляемые вещи, то есть те, которые в процессе своего использования не теряют своих полезных свойств. Но ленд-лиз предусматривал также поставку в Советский Союз продовольствия, которое является потребляемой вещью.

Еще один интересный момент связан с правом, которое возникает у приобретателя — Советского Союза — на вещи, поставленные по ленд-лизу. Кроме ограничения по времени, которое выражено в пребывании в состоянии чрезвычайного положения, ограничения также касаются возможности распоряжаться поставленными оборонными материалами и информацией. Раздел 4 предусматривает, что все контракты, заключенные во исполнение программы ленд-лиза, должны содержать положение, по которому «покупатель» не вправе передавать право на собственность, владение оборонным материалом или информацией в виде дара, по сделке купли-продажи или иным образом отчуждать кому-либо, не относящемуся к государству-покупателю, без согласия президента США. В Соглашении между СССР и США данное положение закреплено в ст. 3. Данное положение также сближает ленд-лиз с арендой. При аренде тоже предусмотрено положение, которое позволяет сдавать арендатору имущество в аренду третьему лицу. Данные общественные отношения называются субарендой, и они требуют согласия арендодателя.

Еще одно положение Соглашения ленд-лиза касается его оплаты. В данном случае сроки оплаты являются неопределенными. Они ставятся в прямую зависимость с уже упомянутым остоянием чрезвычайного положения. Также при подсчете суммы оплаты учитываются поставки, которые были совершены Советским Союзом в США. Однако соглашение об оплате было подписано только в 1972 г. [4]. В нем закреплены положения относительно оборонных материалов, которые были поставлены по ленд-лизу и обратному ленд-лизу в СССР и США соответственно. В статье 3 части а прописано: «Правительство Союза Советских Социалистических Республик настоящим приобретает, и будет считаться, что оно приобрело на дату 20 сентября 1945 года права собственности и все иные права и интересы, какие Правительство Соединенных Штатов Америки могло бы иметь на все ленд-лизировские материалы, переданные Правительством Соединенных Штатов Америки Правительству Союза Советских Социалистических Республик, включая любой предмет». Часть б этой же статьи устанавливает такие же правила в отношении США.

Анализ норм, относящихся к аренде и к поставке, позволяет нам говорить, что ленд-лиз нельзя отнести ни к одному из этих договоров. Данная экономическая программа предусматривает поставку потребляемых вещей, а также информации, которые в процессе использования могут быть утрачены частично или полностью. Поставка осуществлялась арктическими конвоями, воздушным путем Аляска—Сибирь (Алсиб) а также сухопутным путем через Иран. Это можно назвать поставкой в смысле ГК РФ. Однако Советский Союз имел ограниченное право на материалы, передаваемые по ленд-лизу. Их нельзя было передать, подарить или отчуждать иным образом без согласия США. Также предметы, которые не были утеряны и которые могли использоваться, должны быть возвращены в США. Здесь есть сходство с арендой. Однако заключенное в 1972 г. соглашение убрало это сходство, т. к. страны получали право собственности на имущество, поставленное по программам ленд-лиза.

ГК РФ напрямую не регулирует поставки по ленд-лизу. Но сочетание в нем норм, поставки и аренды, а также наличие специфических черт позволяет сказать, что данный договор является смешанным. Возможность заключения данного договора предусмотрена ч. 3 ст. 421 ГК РФ. Она дает понятие такого договора. Смешанным является договор, который содержит в себе элементы различных договоров, предусмотренных ГК РФ или иными правовыми актами. Особенность данного договора заключается в том, что его регулирование будет осуществляться в соответствующих частях правила о договорах, элементы которых содержатся в смешанном договоре.

Применительно к ленд-лизу с изъятиями будут применяться нормы, которые регулируют отношения по поставке и по аренде. Поставкой будут регулироваться отношения по доставке товара и его приемке. Нормы аренды связаны с временным владением оборонным материалом, его возможной «субарендой», а также возвратом после истечения определенного срока (чрезвычайное положение).

Библиографический список

1. Закон о ленд-лизе от 11 марта 1941 г.
2. Земсков И.Н. Дипломатическая история второго фронта в Европе. М.: Политиздат, 1982.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть I от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 6 апреля 2015 г. № 80-ФЗ).
4. Соглашение между Правительством СССР и Правительством США об урегулировании ленд-лиза, взаимной помощи и претензий (Заключено в г. Вашингтоне 18.10.1972).

References

1. Law on lend-lease dated March 11, 1941 [in Russian].
2. Zemskov I.N. Diplomatic history of the Western Front in Europe. M., Politizdat, 1982, pp. 280–284 [in Russian].
3. The Civil Code of the Russian Federation. Part I dated November 30, 1994. No. 51–FZ (as amended on April 6, 2015. No 80–FZ) [in Russian].
4. «Agreement between the Government of the USSR and the Government of the USA regarding settlement of lend lease, reciprocal aid and claims» (Agreed in Washington, 18.10.1972) [in Russian].

*A.A Savelyev**

LEGAL REGULATIONS OF SUPPLIES ON LEND LEASE

The article compares legal regulation of lend-lease and the contract for delivery of the Civil Code of the Russian Federation. Similarities and differences of these legal phenomena are pointed out.

Key words: lend–lease, contract for delivery, World War II.

* *Savelyev Alexander Alexeevich* (demogorgon1@inbox.ru), Department of Civil Procedural and Entrepreneurial Law, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена чрезвычайным правовым режимам в годы Великой Отечественной войны. Рассматриваются вопросы относительно полномочий военных властей и органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности на территории страны. А также выделяются характерные черты правового режима военного положения, сложившегося в СССР.

Ключевые слова: правовой режим, чрезвычайные меры, полномочия чрезвычайного характера, военное положение.

Начало Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. выделило новые задачи во всех сферах деятельности страны. В ряде регионов государства чрезвычайная обстановка, которая была вызвана началом боевых действий и резкими изменениями оперативной обстановки на фронтах, потребовала установления в них соответствующих правовых режимов, а также преобразования в структуре органов государственного и военного управления.

В сложившихся условиях особое значение приобретал правовой опыт по реформированию базы законодательства, которая установила чрезвычайные меры по охране общественного порядка и государственной безопасности в новых условиях военного времени. Однако в СССР имеющийся правовой опыт по разработке нормативных актов для применения в чрезвычайных условиях был использован не полностью. Поэтому значительные проблемы в советском законодательстве, не отвечавшем предвоенным реалиям, пришлось устранять в ходе войны при огромном дефиците времени.

Начало Великой Отечественной войны потребовало изменений в структуре органов государственного управления и создания новых организационно-правовых форм их деятельности.

С первых дней войны военным властям были переданы полномочия органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности на обширной территории страны, объявленной указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года на военном положении [1].

Реализуя свои полномочия, военные власти имели право в пределах своей компетенции издавать обязательные для всего населения постановления и в административном порядке устанавливали за их неисполнение наказания. За неподчинение распоряжениям и приказам военных властей виновные подлежали уголовной ответственности по законам военного времени.

Примером расширения полномочий военных властей в местностях, объявленных на военном положении, может служить тот факт, что уже в первые годы войны в

* © Хуртова А.С., 2015

Хуртова Елена Сергеевна (hurtova.al@gmail.com), кафедра государственного и административного права, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Москве и Ленинграде начальниками гарнизонов были изданы приказы, направленные на обеспечение общественного порядка и государственной безопасности. Эти нормативно-правовые акты запрещали движение транспорта и лиц без специальных пропусков с 24 часов до 4 часов утра, въезд в город лиц, не зарегистрированных в нем, за исключением командированных по распоряжению наркоматов и ведомств (в Ленинграде не только въезд, но и выезд); определяли порядок работы предприятий торговли, учреждений и культуры и т. д. Характерными чертами правового режима военного положения, сложившегося в СССР в годы Великой Отечественной войны, стали:

- 1) передача в руки военных властей государственных полномочий чрезвычайного характера;
- 2) существенное расширение компетенции органов военной юстиции;
- 3) ограничение прав и свобод населения страны;
- 4) возложение дополнительных обязанностей на государственные органы.

Оперативно-тактическая обстановка на фронтах определяла введение еще одного чрезвычайного правового режима, тесно примыкавшего к военному положению, — «осадного положения» [2]. Этот режим являлся разновидностью режима военного положения и вводился постановлением Государственного Комитета обороны (ГКО) в местностях, находившихся на военном положении, при возникновении непосредственной угрозы захвата их противником.

На удалении до 50 км в глубину от первой линии законодательство военного времени позволяло установить особый правовой режим — тыл фронта. Организация и осуществление этого режима возлагались на войска НКВД СССР по охране тыла фронта. Исторические факты свидетельствуют о том, что в период стратегической обороны в районах боевых действий применялся еще один режим, который С.Г. Лысенков называет «режимом выжженной земли» [3]. При вынужденном отходе советских войск требовалось уводить население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не смог их использовать.

Также стоит отметить, что во время Великой Отечественной войны существовали дружины («Общества содействия органам милиции и уголовного розыска»), которые оказывали содействие милиции в установлении данных режимов, использовались для комплексного народного ополчения, такие как пожарные и санитарные дружины, команды местной противовоздушной обороны.

Библиографический список

1. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 — июнь 1956 г.) М.: Госполитиздат, 1956.
2. Артамонов Д.Н. Институт военного положения по советскому праву М., 1953.
3. Лысенко С.Г. Правовое положение военнослужащих действующей армии в период Великой Отечественной войны: монография. СПб.: Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России, 2004.

References

1. Collection of laws of the USSR and decrees of Presidium of the Supreme Soviet of the USSR (1938 — June 1956). M., Gospolitizdat, 1956 [in Russian].
2. Artamonov D. Institute of martial law on the Soviet right. M., 1953 [in Russian].
3. Lysenko S. The legal status of military personnel of the army during the Great Patriotic War. Monograph. SPB., Sankt-Peterburgskii voennyi institut vnutrennikh voisk MVD Rossii, 2004 [in Russian].

*A.S. Khurtova****EMERGENCY LEGAL REGIMES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

The article is devoted to the emergency legal regimes during the Great Patriotic War. The issues regarding the powers of military authorities in the field of defence, public order and public security in the country are viewed. Also characteristic features of legal regime of martial law prevailing in the USSR are highlighted.

Key words: legal regime, emergency measures, emergency powers, martial law.

* *Khurtova Alena Sergeevna* (hurtova.al@gmail.com), Department of State and Administrative Law, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Напреенко Александр Александрович, канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права; международного права Самарского государственного университета. Тема канд. дис.: «Гарантии прав подозреваемого в советском уголовном процессе» (защ. в 1982 г.). Автор более 130 научных и методических работ

Область научных интересов: теоретические проблемы правообразования и законодательного процесса, методологические проблемы теории государства и права, история и проблемы совершенствования юридического образования, проблемы уголовного судопроизводства и прокурорского надзора.

Цветков Алексей Александрович, канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского государственного института менеджмента. Тема канд. дис.: «Общепризнанные принципы и нормы международного права как часть российской уголовно-правовой системы» (2005). Автор более 30 научных работ, в т. ч. монографии «Применение общепризнанных принципов и норм международного права, направленных на борьбу с транснациональной преступностью» (2012).

Область научных интересов: международное уголовное право, соотношение норм международного и внутреннего национального права, борьба с транснациональной преступностью.

Стаханова Екатерина Юрьевна, канд. юрид. наук, доцент кафедры государственного и административного права Самарского государственного университета. Тема канд. дис.: «Миграционная политика России – объект конституционно-правового регулирования» (защ. в 2009 г.). Автор и соавтор 38 научных работ.

Область научных интересов: миграционная политика, миграционное право, конституционное право.

Воронина Елена Игоревна, канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры гражданского и предпринимательского права Самарского государственного университета. Тема канд. дис.: «Гражданско-правовые обязательства, связанные с личностью их сторон» (защ. 2014 г.). Автор 15 научных статей.

Область научных интересов: гражданское право.

Лисецкий Сергей Константинович, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Самарского государственного университета. Автор 10 научных статей.

Область научных интересов: гражданское право.

Максимкин Яков Александрович, канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Самарского государственного университета. Тема канд. дис.: «Защита прав и законных интересов акционеров и кредиторов при эмиссии ценных бумаг акционерным обществом» (защ. 2010 г.). Автор 15 научных статей.

Область научных интересов: гражданское право.

Лузанова Евгения Владимировна, канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Самарского государственного университета. Тема канд. дис.: «Обязательства вследствие причинения вреда с участием несовершеннолетних граждан» (защ. 2013 г.). Автор 46 научных статей.

Область научных интересов: гражданское право, семейное право.

Чернова Наталья Александровна, аспирант кафедры уголовного права и криминологии Самарского государственного университета, в 2013 г. окончила Самарский государственный университет по специальности «Юриспруденция».

Область научных интересов: признаки субъективной стороны состава преступления, эмоциональное состояние лица, совершающего преступление.

Шебаршов Максим Валерьевич, студент I курса очного отделения магистратуры, кафедра уголовного права и криминологии Самарского государственного университета.

Область научных интересов: уголовное право, криминология, теневая экономика, уголовная политика.

Петровская Мария Сергеевна, аспирант кафедры уголовного процесса Самарского государственного университета. Тема кандидатской диссертации: «Проблемы участия педагога (психолога) в уголовном процессе». Автор 8 научных статей.

Область научных интересов: уголовный процесс, иные участники процесса, несовершеннолетние, педагог, психолог

Олиндер Нина Владимировна, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминологии, Самарский государственный университет. Тема канд. дис.: «Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем» (защ. 2011). Автор и соавтор более 50 научных работ, в т. ч. монографий «Криминалистическая характеристика и криминалистическая классификация преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем» (2010); «Расследование преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем» (2012, в соавт.); «Преступления, совершенные с использованием электронных платежных средств и систем: криминалистический аспект» (2014).

Область научных интересов: вопросы расследования преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем, методика расследования преступлений, криминалистическая тактика, использование специальных знаний при расследовании преступлений.

Шапошников Андрей Юрьевич, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминологии Самарского государственного университета, Тема канд. дис.: «Криминалистическая характеристика преступных групп, действующих в сфере незаконного оборота наркотических средств» (защ. в 2001 г.).

Область научных интересов: уголовный процесс, криминалистика и оперативно-розыскная деятельность, судебная экспертиза, юридическая психология.

Оспенников Юрий Владимирович, профессор кафедры теории и истории государства и права, Самарский юридический институт ФСИН России. Тема канд. дис.: «Городское население Среднего Поволжья в 1917 году (На материалах Самарской, Пензенской и Симбирской губерний)» (Самара, 2001). Тема докт. дис.: «Право государств Северо-Западной Руси

в XII–XV вв.» (Самара, 2010). Автор 120 научных работ.

Область научных интересов: история права, источники русского права, история городского права.

Давидян Юрий Сергеевич, аспирант кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права Самарского государственного университета. Тема буд. канд. дис.: «Производство по делам о восстановлении утраченного судебного производства в гражданском и арбитражном процессе». Автор 2 научных публикаций.

Область научных интересов: гражданский процесс и предпринимательское право.

Макиша Анна Сергеевна обучается на кафедре гражданского и предпринимательского права Самарского государственного университета. Автор 3 научных работ и 2 публикаций.

Область научных интересов: проблемы гражданского и гражданского процессуального права, правовая природа договора оказания социальных услуг.

Прокопенко Алена Александровна обучается на кафедре гражданского и предпринимательского права Самарского государственного университета

Область научных интересов: проблемы гражданского права, положения о недействительности сделок.

Савельев Александр Алексеевич, студент кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права Самарского государственного университета. Автор 3 публикаций.

Область научных интересов: международное публичное право, гражданское право Российской Федерации.

Хуртова Алена Сергеевна, кафедра государственного и административного права Самарского государственного университета. Автор 5 научных работ и 3 публикаций.

Область научных интересов: проблемы избирательного права и избирательного процесса в Российской Федерации.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Napreenko Alexander Alexandrovich, Candidate of Law, associate professor, head of the Department of Theory and History of State and Law; International Law; Samara State University. Subject of Candidate's thesis: «Guarantees of the rights of the suspect in the Soviet criminal procedure» (1982). Author of more than 130 scientific and methodical works.

Research interests: theoretical problems in lawmaking and legislative procedure, methodological problems of theory of state and law, history and problems of improving legal education, problems of criminal proceedings and public prosecutor's supervision.

Tsvetkov Alexey Alexandrovich, Candidate of Law, assistant professor of the Department of Civil Law and Process, Orenburg State Institute of Management. Subject of Candidate's thesis: «Universally recognized principles and norms of international law as part of the Russian criminal and legal system» (2005). Author of more than 30 scientific works including 1 monograph «Application of generally accepted principles and norms of international law, aimed at fight with transnational crime» (2012).

Research interests: international criminal law, correlation of norms of international and sub-national law, fight with transnational crime

Stakhanova Ekaterina Yurievna, Candidate of Law, assistant professor of the Department of State and Administrative Law, Samara State University. Subject of Candidate's thesis: «Immigration policy in the Russian Federation - object of constitutional regulation» (2009). Author and coauthor of 38 scientific works.

Research interests: migration policy, migration law, constitutional law.

Voronina Elena Igorevna, Candidate of Law, senior lecturer of the Department of Civil and Entrepreneurial Law, Samara State University. Subject of Candidate's thesis: «Civil law obligations connected with personality of their parties» (2010). Author of 15 scientific articles.

Research interests: civil law.

Lisetskiy Sergey Konstantinovich, assistant professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law, Samara State University. Author of 10 scientific articles.

Research interests: civil law.

Maksimkin Yakov Aleksandrovich, Candidate of Law, assistant professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law, Samara State University. Subject of Candidate's thesis: «Protection of the rights and legitimate interests of shareholders and creditors in the issue of securities joint stock company» (2010). Author of 15 scientific articles.

Research interests: civil law.

Ruzanova Evgenia Vladimirovna, Candidate of Law, assistant professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law, Samara State University. Subject of Candidate's thesis: «Liability for commission of wrongful injury with the involvement of minor citizens» (2013). Author of 46 scientific articles.

Research interests: civil law, family law.

Chernova Natalya Alexandrovna, postgraduate student of the Dept. of Criminal Law and Criminology, Samara State University, in 2013 graduated from Samara State University with a degree in «Law».

Research interests: signs of the subjective side of the offense, emotional state of a person who commits a crime.

Shebarshov Maksim Valeryevich, 1th year student of magistrate, Department of Criminal Law and Criminology, Samara State University.

Research interests: criminal law, criminology, shadow economy, criminal policy.

Petrovskaya Maria Sergeevna, postgraduate student of the Department of Criminal Process, Samara State University. Subject of Candidate's thesis: «Problems of participation of a teacher (psychologist) in criminal proceedings». Author of 8 articles.

Research interests: criminal process, other participants in the proceedings, minors, teacher, psychologist.

Olinder Nina Vladimirovna, Candidate of Juridical Science, assistant professor of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara State University. Subject of Candidate's thesis: «Peculiarities of investigation of crimes committed with the use of electronic payment instruments and systems» (presented in 2011). Author and coauthor of more than 50 scientific works, including monographs «Forensic characteristics and forensic classification of crimes committed with the use of electronic payment instruments and systems» (2010); «Investigation of crimes committed with the use of electronic payment instruments and systems» (co-author. (2012); «Crimes committed with the use of electronic payment instruments and systems: forensic aspect» (2014).

Research interests: issues of investigation of crimes committed with the use of electronic payment instruments and systems, methods of investigation of crimes, forensic tactics, use of special knowledge in the investigation of crimes.

Shaposhnikov Andrey Yurievich, assistant professor of the Department of Criminal Process and Criminalistics, Samara State University, Candidate of Law. Subject of Candidate's thesis: «Forensic characterization of criminal groups operating in the field of drug trafficking» (2001).

Research interests: criminal process, criminalistics and operational investigations, forensic enquiry, legal psychology.

Ospennikov Yuri Vladimirovich, professor of the Department of Theory and History of State and Law, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Subject of Candidate's thesis: «Urban population of the Middle Volga Region in 1917 (On the materials of the Samara, Penza and Simbirsk provinces)» (Samara, 2001). Subject of Doctor's thesis: «The right of states of the North-West of Russia in the XII-XV centuries» (Samara, 2010). Author of more than 120 published scientific works.

Research interests: history of law, sources of Russian law, history of urban law

Davidyan Yuri Sergeevich, postgraduate student of the Department of Civil Procedural and Entrepreneurial Law, Samara State University. Subject of Candidate's thesis: «Proceedings on restoration of lost court proceedings in civil and arbitration proceedings». Author of 2 scientific publications.

Research interests: civil procedural and entrepreneurial law.

Makisha Anna Sergeevna studies on the Department of Civil and Entrepreneurial Law, Samara State University. Author of 3 scientific works and 2 publications.

Research interests: problems of civil and civil procedure law, legal nature of the contract of rendering social services.

Prokopenko Alena Alexandrovna studies on the Department of Civil and Entrepreneurial Law, Samara State University.

Research interests: problems of civil law, regulations on the invalidity of legal transaction.

Savelyev Alexander Alexeevich, student of the Department of Civil Procedure Law and Entrepreneurial Law, Samara State University. Author of 3 publications

Research interests: international public law, civil law of the Russian Federation.

Khurtova Alena Sergeevna, Department of State and Administrative Law, Samara State University. Author of 5 scientific works and 3 publications.

Research interests: problems of electoral law and electoral process in the Russian Federation.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Для публикации научных работ в журнале «Юридический вестник Самарского государственного университета» принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое (внутреннее) рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность выхода журнала — 4 выпуска в год.

Правила оформления

Текст статьи

- Статья предоставляется на русском или английском языке в печатном (формат А4) и электронном (на диске) видах.
- Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.
- Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, место работы, индекс и адрес места работы, должность, электронная почта), аннотация, ключевые слова, библиографический список должны быть представлены на русском и английском языках.
- Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
- Объем основного текста не должен превышать 8–10 страниц.
- Рисунки и таблицы предполагают наличие названия и сквозную нумерацию.
- Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по порядку цитирования после основного текста. Допускается не более 20 источников.
- Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [14, с. 28]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.

Графика

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат TIF.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Формулы

- Единицы измерения следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- В статье приводятся лишь самые главные, итоговые формулы. Набор формул производится в редакторе формул Microsoft Equation с параметрами: обычный – 14, крупный индекс – 9, мелкий индекс – 7, крупный символ – 20, мелкий символ – 14.
- Вставка в текст статьи формул в виде графических объектов недопустима.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.

